

Марик Лернер
Другая страна

«Автор»

2009

Лернер М.

Другая страна / М. Лернер — «Автор», 2009

В 1935 г. состоялось провозглашение независимости государства Израиль и что из этого вышло. Благодаря этому решению в Израиль до начала войны приехало почти три миллиона человек, которые имели очень высокие шансы погибнуть в концлагерях и расстрельных ямах. В результате получилась совсем другая страна с другой историей. Вот это – цена политического решения.

© Лернер М., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Эпилог и он же пролог	5
Часть 1. Чужая земля	11
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Марик Лернер

Другая страна

Эпилог и он же пролог

Меня зовут Цви Томски. Раз уж вы, русский журналист пришли, с вашим диктофоном, то знаете, что на самом деле я Григорий Петрович Томский и я русский. Нет, это не для маскировки от людей с добрыми глазами, чистыми руками и холодным сердцем. Цви, я стал в 1942 г, наполовину в шутку, когда наш полковой раввин, сказал, «Что это за имя – Григорий? Половина бойцов не может его произнести, будешь Цви. Это, в общем, то же самое, только в переводе». Но надо рассказать сначала, чтобы понятно было.

Я родился в Архангельске, 27 июля 1924 г. Мать, Анна Ивановна Томская, была из поморов. Отца я практически не помню, он умер, когда мне было три года, от последствий ранений еще в первой мировой. Так что фамилия мне досталась от него, но в молодости не очень интересовался, а потом и спросить некого было, кто там, в роду, по отцовской линии. Мать умерла зимой 1941 г, я узнал об этом только в 1943 г. Архангельск 1941-42 г по количеству умерших от голода, на втором месте был, после Ленинграда.

Как только началась война, я решил, что мое место на фронте. Я был убежден, что скоро враг получит по рукам и Красная армия победоносно вступит в Берлин, где встретят немецкие пролетарии, мечтающие о приходе освободителей, от фашистского ига. Не было никакой объективной информации об истинном положении дел на фронте. ОБС¹ я всерьез не принимал и отказывался поверить, что наша лучшая в мире армия терпит поражение за поражением. Наверняка, подтянутся резервы, и враг будет разбит. Очень опасался, что на войну попасть не успею. Так побежал в военкомат проситься добровольцем. Сказали: "Жди повестки, о тебе не забудем".

В январе сорок второго, я получил повестку о призыве и в феврале того же года оказался в Краснохолмском пехотном училище. Кормили плохо и страшно гоняли. Преподаватели были из кадровых офицеров, и многое сумели, нам дать. Вот только, ненавидели мы их страшно. Многие требования воспринимались как издевательства. Нам бы только быстрее на фронт попасть. Кое-что, из полученного я смог оценить только на фронте. Не строевую подготовку, конечно. Через шесть месяцев после начала учебы наша курсантская пулеметная рота сдала выпускные экзамены. Я прошел экзамены без «троек» и получал звание лейтенанта.

Говорят, что Сталин сказал "Кадры решают все". Ерунда. Все решает кадровик. До сих пор, иногда пытаюсь представить, что на моего нашло. То ли он был с большого бодуна и, увидев фамилию на ский, положил дело не в ту стопку, то ли тонко пошутил. Короче, получил я предписание явиться в г. Бугдайлы, в Туркмении. Вы знаете, где это? Вот и я не знал. Месяц добирался. Эшелоны с войсками идут на запад. А я на юг. Обидно было. Как же так война идет, все мои товарищи уже на фронте, а я вроде как от фронта еду, получается.

Наконец, прибыл. Дыра-дырой, пустыня, ветер дует. Доложил о прибытии. Полковник смотрит мои документы и с изрядным недоумением в голосе спрашивает:

– Ты что, русский?

– Так точно.

– С восточных кресов?

Я не понял, что он от меня хочет, но отвечаю:

¹ ОБС – одна бабка сказала.

- Нет, с Архангельска.
- Может ты еще и комсомолец?
- Так точно.

И вижу, что все, кто поблизости, уши навести.

– К капитану Гринбергу, пройди, – говорит, пожимая плечами, – он тебе объяснит, что к чему.

Прошел. Ну, тот и объясняет, что здесь формируется дивизия и быть мне комвзвода пулеметной роты. Я вижу, мужик, вроде нормальный и спрашиваю, что это так в штабе моей национальностью заинтересовались. А он ржать начинает, и говорит:

– А с сегодняшнего дня, ты голубь, вовсе не боец РККА, а гражданин государства Израиль и служить будешь в Еврейском Легионе.

Приехали – не думал, не гадал, иностранцем оказался. Что и об этом рассказать?

14 августа 1941 г было подписано военное соглашение, которое предусматривало создание в кратчайший срок на территории СССР израильской армии, составляющей "часть вооруженных сил суверенного Государства Израиль", которому будут присягать на верность ее военнослужащие. Армия предназначалась для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против гитлеровской Германии и по окончании войны должна была отбыть в Израиль.

В газетах об этом не писали, но не надо быть историком, чтобы на даты посмотреть. Переговоры и с израильтянами, и польским эмигрантским правительством, шли в одно время и при посредничестве англичан. Время было тяжелое, западникам вообще не доверяли. Был даже приказ об отправке уже служивших из боевых частей в тыл. А тут прекрасная возможность поставить в строй десятки тысяч человек.

Когда я приехал две дивизии официально уже существовали. Меня направили в третью, формирующуюся. Но существование на бумаге и практическое – две большие разницы. По договоренности, оружие должно было поступать от Израйля, который в свою очередь получал его от американцев и англичан. Ну, а те особо не торопились. В начале сорок второго года у них своих проблем на Тихом океане хватало. Так что Бен Гурион специально извиняться в Москву летал, да под это дело выбил разрешение на формирование семи дивизий. Размах у него был чисто советский. Чем больше, тем лучше. Пока оружие поступит, люди будут готовы.

Не сказать, что я не видел раньше евреев. Директором школы у нас был Самуил Моисеевич, в училище была парочка. Но это были советские евреи, которые по поведению и мыслям не отличались от всех прочих советских людей. О, теперь я увидел абсолютно других людей. Народ прибывал с Урала, Сибири, Азии. Их не брали в армию в военкоматах по месту эвакуации, они считались «западниками» не заслуживающими доверия, некоторые из них – были вообще людьми без советского гражданства. Но когда вышел указ о формировании Легиона им разрешили проследовать в Туркмению. Часто ехали вместе с семьями.

Прибывали освобожденные из лагерей и ссылки, осужденные за сионизм еще в 20–30-е, сидевшие за уголовщину, эвакуированные, бывшие красноармейцы, мобилизованные на Западной Украине и Западной Белоруссии – эти направлялись в соответствии с договоренностью в высших сферах.

Очень много было верующих. Когда я в первый раз увидел, как они молятся, раскачиваясь, это был изрядный шок, для комсомольца.

Рядовой и сержантский состав полка процентов на восемьдесят, состоял из амнистированных заключенных, поздней весной сорок второго года выпущенных из лагерей, и, "без пересадок", сразу отправленных к нам. Часто встречали в дивизии на формировке своих родных, друзей по довоенному жительству, земляков из своего местечка, соучеников. Было очень много случаев, когда в одной роте служили родные братья или отец с сыном. Среди

призванных в дивизию были и бывшие подпольщики – коммунисты, и комсомольцы – добровольцы, и были приверженцы идей сионизма, и просто те, кто до войны был абсолютно аполитичен.

Продовольствие было советское. И кормили не слишком жирно – перловкой и капустой, и скудная пайка хлеба. Люди страдали от авитаминоза, фурункулеза и дизентерии. Многие были настолько истощенные после лагеря и ссылки, что создали отдельную роту дистрофиков.

Сорок второй в стране вообще был голодный. И хотя положен был офицерский доппаек, но существовал, какой то внутренний приказ и не было никакой разницы между питанием офицеров штаба и котловым довольствием солдат.

Высший офицерский состав был из Израйля. Все говорили по-русски, но когда не хотели чтобы их понимали, переходили на иврит и я вынужденно начал учить язык. Неприятно когда за спиной говорят, а ты не понимаешь. Все время, кажется, что тебя обсуждают. Когда комбат заметил, что я что-то понял, не предназначенное для моих ушей, он очень внимательно на меня посмотрел и подарил русско-ивритский словарь, изданный еще до революции.

Средние офицерские должности занимали советские офицеры-евреи, младшие – уже и из учившихся на офицерских курсах легиона и опять же советских евреев. Ну, да я и был до фронта такой единственной белой вороной в дивизии. Может, мне как раз с этим повезло. Я был интересен и со мной общались. Засылать русского стукача было бы совсем не умно со стороны органов.

Конечно, были и такие. Присылали нам в полк и особо проверенных товарищей, в общей массе мобилизованных. Для контроля за настроениями и объяснения политики Советского правительства и ВКП(б). Особисты были почти все израильтяне. И задачи у них были несколько другие. Шпионов – перебежчиков не особо искали. В этой среде их глупо было искать. Но вот выяснять, кто чем дышит на будущее, им было очень интересно. Легион ведь создавался еще и с целью послевоенного отбытия из СССР. Уже позже, в сорок четвертом, в связи с большими потерями, часто удовлетворялась и просьба об отпуске в Израильский легион добровольцев – евреев из частей Красной Армии.

В танковом полку, а позже танковой бригаде, были сплошь советские офицеры. Просто из Израйля некого было прислать. То, немного, что у них было, воевало в Северной Африке.

Зато в авиакрыле были одни израильские летчики. Даже обслуживающий персонал. Только ближе к концу войны стали появляться советские техники, повара и разный обслуживающий персонал.

А вот политруки – все советские евреи. Эти сидели от батальона и выше, и я с ними сталкивался очень редко, практически только на политмероприятиях. Мы все-таки, подчинялись Красной Армии, и совсем без внимания и воспитания оставлять Легион было нельзя. Зато были у нас еще и раввины. При каждом полку, дивизии и старший раввин Легиона в чине полковника с особо оригинальной фамилией Рабинович. Были какие-то трения наверху между израильтянами и советским командованием, но я был обычный Ванька-взводный, и до меня это доходило только отдельными отголосками. Тем более, что на первых порах не очень то со мной и делились этими вещами.

Организация, структура и уставы Еврейского Легиона в основном повторяли советские, за исключением некоторых национальных особенностей, связанных с религией. Свиной нас не кормили даже в самое голодное время.

Само создание еврейской национальной армии являлось политическим актом. Была даже специальная группа фотографов, задачей которых было снять на пленку для истории весь боевой путь дивизии. Поэтому и существует множество фотоматериалов. В Израиле еще 1956 г был издан трехтомник с документами и фотографиями.

Дали мне взвод новобранцев. Я робел перед ними, потому что мне было восемнадцать лет, ну представляете? Все были в возрасте 30–35 лет, семейные люди. Не парни уже, взрослые мужики. Религиозным у нас позволялось ходить с бородой. Многие по-русски еле говорили. Мой старшина Костинбойм вставал рядом со мной перед строем. Я подаю команду, а он сразу ее на идиш дублирует. Как тяжело было вначале из-за языкового барьера! Еще хорошо, что я немецкий в школе учил, так что со временем стал кое-что понимать.

Огневой подготовкой мы занимались много. Боевая подготовка также проводилась на довольно высоком уровне, мы даже отрабатывали тактику ведения боя в тылу врага. Со временем происходило притирание друг другу. Люди научились немного понимать язык "старшего брата", команды-то только на нем, а главное – прониклись мыслью, что воевать придется рано или поздно, и от них тоже зависит, смогут ли они выжить на фронте в бою.

В марте сорок третьего мы, наконец, отправились на фронт. Если честно, то мои воспоминания о летних и осенних боях сорок третьего года весьма отрывочны. Первый бой... Непонятно – куда, чего, и какие команды подавать. Заняли какие-то немецкие окопы. Начали стрелять по каким-то там целям. Мясорубка была страшная. Пошли в атаку, а с правого фланга – пулеметная засада. Стали по нам бить, еще бы немного, и весь батальон бы полег. Я под этим сильным огнем поднял роту в атаку, в штыки, спас фланг, и мы уничтожили пулеметы. Тут я навсегда понял что, самое худшее, что может быть на фронте – это пехота: от тебя ничего не зависит, ты обязан подниматься под пулеметный огонь и идти вперед. Наверное, другие рода войск так не думают, но меня не переубедить.

Приехал командир полка, Шестопалов, из советских. Ему, наверное, доложили, как дело было. Ну вот, он говорит: "Ты теперь обстрелянный, ну вот теперь иди, ротой командуй". Там уже, наверное, осталось человек двадцать или тридцать. Через несколько месяцев мне уже сообщили, что повышен в звании до старшего лейтенанта.

Я не думаю, что был идеальным ротным командиром. Но после командования стрелковым взводом, приказ принять под командование роту – я воспринял без особого страха. Тем более, что в роте из-за постоянных потерь никогда не было больше сорока человек. И всегда на заднем плане мысль "На тебя смотрят солдаты. Держись достойно. Не позорься!"

Дивизия в первых боях понесла тяжелые потери, в строю осталось только двадцать процентов личного состава. Ее даже отвели на переформирование. Там много, чего происходило весной и летом сорок третьего года. Станицы Славянская, Киевская...

После Курской дуги, это уже осенью, наша дивизия не знала, что такое «затишье» или недолгая передышка в боях. Постоянное, непрерывное наступление, очень большие потери. Осенью сорок третьего меня в первый раз ранило. Рядом разорвался снаряд, меня взрывной волной выбросило из окопчика, один мелкий осколок попал в ногу, а другой срезал кожу на лбу, но внутрь не прошел. Отвезли в санбат, но через три дня я оттуда сбежал назад в полк.

Я вообще удачник. Семь раз ранен. Пять из них в ВОВ и ни одного тяжелого. На меня пальцами показывали. Обычно, максимум, на что пехотинец мог рассчитывать – это три атаки. А потом – или в землю или в санбат. А если наступление... Месяц в роте, так ты уже ветеран части. Почему многие бежали из госпиталей в свои части? Солдаты и офицеры, занимают определенное место. Их знают, и знают чего от них ждать и требовать. Новобранца, даже обстрелянного, в незнакомой части первым пошлют в караул, на тяжелую работу. И, из песни слов не выкинешь, в опасное место. Так что тут не только героизм, согласно мемуарам. Но и нормальное желание попасть к своим товарищам. Фронтовое братство – это не просто слова.

Нам, в этом смысле было легче. Существовал строгий приказ направлять после ранений в Легион. Практически нас приравняли к гвардейским подразделениям.

А к мемуарам, в особенности советским, отношусь плохо. На фронте вообще запрещалось вести дневники и записи для себя. Так что в мемуарах автор очень часто, переносит мысли и чувства сегодняшние на то время. Что-то уже забылось, что-то совсем по-другому воспринимается через много лет. Но хоть описывали бы что помнят. А то обязательно вставляют про подвиг ефрейтора Иванова, про которого генералу-мемуаристу никакого дела не было в то время. У него этих ефрейторов было несколько тысяч, чтобы помнить каждого. И обязательно роль Коммунистической Партии у каждого.

Среди политруков достойных и порядочных людей не встречал. Говорят, что в 1941–42 г такие еще попадались. Но я не встречал. Они только мешали воевать. Следили "за чистотой рядов и помыслов". А сами эти "господа политработники" являлись бездельниками, и бабниками, заинтересованными поскорее с переднего края уехать. Так и запишите. Толку от них на передовой, как правило, не было. А вот где надо донос написать или в тылу бабу пощупать – тут они всегда были первыми, воистину – "коммунисты вперед"...

Когда молодежь попадает на фронт, они обычно не понимают, что убить могут не только другого, но его тоже. После первых погибших некоторые срываются. Потом эта простая мысль, наконец, попадает в голову и некоторые шарахаются от любой тени. И только с опытом, начинаешь различать подлинную и мнимую опасность, приобретаешь способность подавлять в себе страх и, наконец, совершать смелые поступки, когда этого нельзя избежать, не уронив себя в глазах ребят. Много можно разных случаев рассказать, что такое умелый солдат. Иногда он и сам не может понять, как сообразил. Ну, например, шли как-то через поле. Вдруг желание появилось срочно лечь. Падаю. Сзади разрыв снаряда, и осколки проходят над головой.

Война – штука страшная, и те кто сам не воевал, тех, кто там не был, никогда не поймут... Когда первого убиваешь не на расстоянии, а глаза в глаза, муторно становится, многие бьют. Проходит совсем немного времени и привыкаешь настолько, что когда приносили еду на передовую, то мы спокойно сидели на замерзших трупах, не разбирая, свой или чужой этот покойник, и хлебали варево из котелков. Лежит раненый. Просит не наступать на раздробленную ногу, приходится ступать ему на живот. Или знакомый сержант. Нижняя челюсть снесена осколком. Целый язык, как галстук, лежит на шее. Встречные сами молчат, жестами показывая ему дорогу. Вроде неудобно разговаривать. Лучше такие вещи вообще не вспоминать.

Мы шли через Украину на Румынию, потом Венгрия. Из-за потерь пополнение присылали уже почти одних красноармейцев. Многие евреи, когда узнавали про Легион, сами просились из частей и госпиталей. Этому не препятствовали. Очень скоро все знали, что делали с евреями немцы. Несколько человек ездили в места, где жили до войны. После этого плен немцев не брали принципиально, только если речь шла о требуемых «языках», то могли кого-то из них оставить в живых. Под конец войны несколько раз приезжали проверки с самого верха и требовали вести себя правильно. Дружно кивали и продолжали в том же духе.

Сейчас уже точно не помню, но вроде бы были такие нормы: орден Отечественной войны – 2-ой степени – за уничтожение 15 фашистов, орден Красной Звезды – за 11 фашистов, орден Славы 3-ей степени – за 7 фашистов. Далеко не всегда можно вычислить участие по погибшим. Некоторые никого не убили, но сделали для товарищей достаточно, притащив ящик со снарядами. Так что выдумывали, иногда, всевозможные подвиги.

Медальми мог награждать командир полка, орденом Славы и Красной Звездой – командир дивизии, а другими орденами награждали командующие корпусами и армией. Поэтому предпочитали награды поскромнее – ими награждали быстрее. И обычная медаль "За отвагу" ценилась иногда выше ордена. Несколько раз "наградные терялись" где-то в штабах или кто-то там решал, что слишком много наград и вычеркивал из списка, и множество

солдат, отличившихся в боях, остались не награжденными. Хотя, под конец войны давали намного щедрее.

В ноябре сорок четвертого года заменил раненого комбата и воевал в должности командира стрелкового батальона до конца февраля 1945 года. Пока судьба моя не сделала очередной резкий поворот.

В Венгрии это было. Заезжаем во двор усадьбы, а там полковник тащит из дома какие-то вещи. Женщина кричит и цепляется к нему. Полковник ее бьет со всего размаху. Ну, мой ротный, лейтенант Хаймович Даниил и говорит ему, что-то вроде "нельзя так поступать". А он с ненавистью орет:

– У, жида проклятые! Не доби́ли вас немцы!

Тогда я даже не успел подумать. Просто застрелил его. Потом повернулся и в дом пошел. Ни одной мысли в голове. Через час пришел особист полка Фима Гимельберг, из поколения Жаботинского. Это те три миллиона так называли, что уехали в тридцатые, после провозглашения независимости Израйля.

– Ты понимаешь, что за убийство старшего офицера, тебе трибунал положен? Слишком много чужих видели, не отмажешь.

– Конечно.

– И что делать будешь?

– Ждать, пока придут. Ты-то уже здесь.

– Ты думаешь, я тебя за то, что ты сделал, сдам?

– А куда денешься.

– Есть куда. Ты, по закону, гражданин Израйля и имеешь право на репатриацию. Я дам адрес, бумагу, что находишься в командировке, для патрулей и поедешь. А мы время потянем. Еще немного и война кончится. Будет амнистия – вернешься.

Но я больше не вернулся. Нет, не жалею. Прожил хорошую жизнь. Четверо детей, Девять внуков. Кем я себя ощущаю? Вот когда говорю с евреями – русским. А когда с другими – евреем. Нельзя жить в стране, воевать за нее и не принимать ее жизни. Так что я – не еврей и не русский. Я израильянин.

* * *

Из документов военного трибунала "Капитан Григорий Петрович Томский, он же Цви Томски, состоя на военной службе в Советской армии на территории Венгрии, 11 февраля 1945 г убил старшего офицера, и дезертировал из части, после чего изменил Родине и бежал на жительство в Израиль..."

Заочно приговорен к расстрелу.

Часть 1. Чужая земля

Газета А-Арец²

Патон захватил плацдарм на западном берегу Рейна. Берег реки очищен на сто пятьдесят километров в длину и на сорок в ширину.

Войска 1-го Белорусского фронта добивают группировку немецко-фашистских войск в городе Познань. Рейх доживает последние дни.

21 марта 1945 г.

* * *

Проснулся я как от толчка. Что-то явно изменилось вокруг. Постоянный шум голосов затих. Это у меня чисто военное, можно совершенно спокойно спать под постоянные разговоры или стрельбу, но как только что-то резко изменится, сразу просыпаешься. В трюме никого не было. Все толпились на палубе, напряженно вглядываясь в приближающийся берег. Сзади, почти у всех, ничего не осталось. Впереди ждала неизвестность.

Гремя здоровенными ботинками, пришел сопровождающий и сходу заорал что-то сначала на иврите, потом на идиш. На обоих языках я мог сказать простую фразу, но вот с пониманием, когда так быстро, были проблемы. Впрочем, догадаться не трудно, общий смысл до меня дошел. Пора собирать вещички и готовиться к выгрузке. Большинству, как и мне, собирать особо и нечего. Люди после лагеря. У меня хоть ордена, да вальтер, а у них кроме одежды вообще ничего. То еще сборище. Все больше женщины и дети, в каких-то страшных одежках. Вон, моя соседка – платье, сшитое, похоже из мешка, пиджак, под ним румынские офицерские штаны и совсем новые туфельки. Я, на их фоне, в почти новой форме, практически франт.

Ждать пришлось несколько часов. Так, что остались без обеда. Не сказать, что соскучился по этой корабельной бурде, но неизвестно, еще когда удастся поесть. Хотя деньги у меня и были, причем всякие – английские, советские, израильские, похоже, народ собирал мне в дорогу, что по карманам было, а тратить до сих пор не приходилось – с машины на машину, а потом на корабль. Никаких итальянских красот я так и не увидел, о чем особо и не жалел, не то у меня настроение было, на какие-нибудь древние развалины смотреть, но задача питания была первоочередной – попробуй, найди что-нибудь в неизвестном месте, по неведомым ценам. Тут, не родная часть, где тебе паек положен.

Наше корыто спустило трап, только когда подъехали грузовики. Внизу стоял мордатый тип со списком и показывал – ты туда, ты сюда. Быстрее, быстрее. На вопросы не отвечал. Вы все узнаете на месте. Когда до меня дошла очередь, он оторвал взгляд от бумажек и с сомнением спросил:

– Томски Цви?

– Я.

Он повернулся в сторону машин и что-то заорал. Подошел еще один, такой же мордатый, руководивший посадкой в автобусы и они принялись кричать друг на друга. Я уловил, что за мной должны были прийти и теперь они не знают что делать. Плунуть на меня и уехать нельзя, отчетность не сойдется. Взять с собой тоже. И тут, на наше общее счастье,

² «ХА-А`РЕЦ» – израильская ежедневная утренняя газета (הארץ, буквально "страна").

появился встречающий. Выглядел он, как будто сошел с немецкой карикатуры. Выдающийся орлиный нос, курчавые волосы и английская, совершенно затертая, как бывает от многолетней носки полевая форма. В шортиках. Вырвав бумажку у первого мордатого, он поставил закорючку и, махнув мне рукой, понесся рысью в неизвестном направлении.

Догнал я его только возле джипа. Это была еще та машина. Выглядела она, ветераном всех войн, начиная с русско-японской. Наверное, янки здорово на ней покатались по Африке, прежде чем бросить. А нынешний хозяин подобрал и начал бережно эксплуатировать. Вон, зеркальце веревочкой привязано, левую дверцу пытались красить.

– Извини, – неожиданно сказал он по-русски, заводя двигатель. – У меня мало времени, надо быть на совещании в Иерусалиме. Я начштаба второй бригады НАХАЛ,³ полковник Меер Дейч. Меня просил старый товарищ из Легиона пристроить тебя. Так что кратенько поясню, что к чему, а дальше тебе решать. Мы, НАХАЛ, не регулярная армия. Занимаемся охраной границ, но чтобы обходиться дешевле, лично для нас, придумали оригинальный способ содержания. Базируемся в кибуцах и мошавах возле границы. Кибуцы – это вроде колхозов, там все общее, а мошавы – только вместе работают и продукцию продают. Они нас кормят, а мы половину времени работаем на них. Так, что сам понимаешь, как там с боевой подготовкой. К нам посылают служить лет в семнадцать до призыва, а потом едут в армию, в Европу или в оккупационные войска к арабам, в Сирию, Ливан и Ирак. Вообще, к нам все идет по остаточному принципу. Даже офицеры из инвалидов-ветеранов. Поэтому ты, боевой офицер, для нас находка. Но я так понимаю, что иврита ты толком не знаешь, поэтому для начала дам тебе взвод. Сможешь показать себя, пойдешь выше. Вопросы?

– Я пехота, а не пограничник.

– Зато опыт имеешь. Еще?

– Я русский.

– Вот это меня не волнует совершенно. У нас тут полно полуемцев, получехов и совершенно нееврейских жен и мужей. А те, что сейчас после лагеря едут вообще документов не имеют. Если человек называет себя евреем – значит он еврей. А про тебя мне дали самые хорошие отзывы, твои командиры.

– А отказаться я могу?

– Конечно. Просто ты еще не видел наших лагерей для беженцев. Оттуда посылают на работу по желанию начальника, куда Родине надо. Киркой махать или землю копать. Профессии ведь у тебя нет? Воевать пошел прямо из школы. Война кончается. Начнут возвращаться демобилизованные. С работой будут большие проблемы. За последние десять лет приехало больше трех миллионов. Ты вот представь, в твой город приехали эвакуированные. На каждого жителя – дополнительно еще шесть человек. И ведь надо накормить, поселить и найти работу. Хорошо тому, у кого специальность нужная...

Пока война была, мы были тыловой базой для англичан и американцев. Снабжали их всем, чего тащить из-за океана невыгодно было, от колючей проволоки до мин. Так что хоть работы хватало. А с сорок четвертого начали вновь ехать уцелевшие. Мужиков на местах сразу в армию гребут, нашу или русский Легион, а едут женщины и дети. Уже под двести тысяч прибыло. Мрак. Некоторые временные лагеря для беженцев уже давно превратились в постоянные.

– И что, все такие сионисты, мечтающие жить в Израиле?

– А, – сказал он с ехидцей, – ты, наверное, нагляделся на советских сослуживцев, желающих строить самое лучшее в мире государство или уехать в самое богатое. Многие, может,

³ НАХАЛ ивр. **הנה"ל** – сокращение от слов Ноар Халуци Лохем, что переводиться как «Сражающаяся Пионерская Молодежь». Нахалаим – солдаты НАХАЛ.

и уехали бы, но больше никуда визы не давали, после образования Израиля. Единственная возможность уехать от Гитлера. Как оказалось, лучше жить в бараке, чем угодить в концлагерь. Или, может, ты учиться хочешь?

– Я как-то даже не задумывался, чего хочу. Еще день прошел, а меня снова не убили.

– У тебя пол года. Не понравится, уйдешь. Поверь мне, сейчас, для тебя лучший вариант. А там осмотришься, язык подучишь, будешь думать.

Я сидел в несущейся по темной дороге машине и думал. Вот и не пропадают добрые дела. Когда в сорок третьем комдив по ошибке заехал на нейтралку, прямо под обстрел, получил пулю в легкое, и я его вытащил, совершенно не думал, что обеспечу себе блат у здешнего полковника, двоих там потерял... Или это особысты постарались... Спросить? Не важно, захочет, сам скажет. Вариантов, действительно не так чтоб много. Ничего, кроме как стрелять и командовать не умею.

– И что я должен знать?

– Для начала, Израиль – это не Советский Союз. Мы вынуждены считаться с англичанами. Они требуют от нас сдержанности. Так что заставы у нас линейные. Сидим в секретах и нарушителей отгоняем. Зато арабы ходят на нашу сторону регулярно. В основном скот воровать и имущество, из мест, откуда их выселили, но бывает, что и стреляют, и мины ставят. На границе на дырки, а дырищи. В полосе твоего батальона за прошлый год больше тысячи зафиксированных случаев нарушений и восемнадцать убитых израильтян. Это еще тихое место, есть и хуже. Твой кусок – двенадцать километров границы.

– Сколько? На взвод?!

– Вот именно. Поэтому и нужны люди с опытом... Офицеров страшно не хватает. Половина штата не укомплектована, взводами командуют сержанты. Чтобы как-то ликвидировать нехватку, им присваивают звания. Главное, чтобы человек был опытным, послужившим.

– И зачем это арабам, ведь уже десять лет прошло с выселения?

– Девять. Кто-то мстит, кто-то грабить ходит. Лагеря переселенцев – это вообще идеальная среда для рекрутирования недовольных жизнью. Куда угодно, от контрабандистов до террористов. Лишь бы вырваться из своей среды, да еще и окружающим доказать, какой ты весь из себя орел горный. На государственном уровне ничего не делается для улучшения жизни, а земли, пригодной к обработке не так уж и много. Вся уже принадлежит кому-то. А армия Хашимитского королевства, практически вся, сидит на той стороне Иордана и не вмешивается. Уже недовмешивались, что целые районы сами по себе живут и свои вооруженные отряды имеют. Кстати, из наших лагерей для репатриантов тоже часто выходят либо герои, либо бандиты.

– И много таких?

– Хватает. Но все больше воруют. В сельских поселках все друг друга знают, там и двери не всегда закрывают, а вот в городах лучше за вещичками внимательно смотреть. А за убийства у нас вешают. В прошлом году не то трех, не то четырех. Так что, большинство старается определенных границ не переступать. Но, всякое, бывает. Нашлись уже идиоты, которые требуют вместо смертной казни ввести пожизненное заключение, корми такого скота, пой десятки лет, а потом он еще на старости лет по болезни на свободу выйдет и квартиру потребует. Ну, наш министр юстиции такие разговоры быстро заткнул. Спросил с трибуны, а что, арабов, пойманных над трупами, тоже в тюрьму сажать? Так что только в Израиле налетчиков меньше, чем летчиков.

Он помолчал.

– Да, еще один момент, уже про евреев. Яд Даниэль, твой будущее место службы, это вотчина МАПАЙ.⁴ Ну, что такое ВКП(б), ты ж знаешь. Очень похоже. Всем заведует Хава Бат Цион и парочка ее соратников. Никто посторонний толком не знает, что происходит на самом деле. Они только раздают указания. Товарищи из кибуца их не понимают, но выполняют. Масса работает на полях и, поднятием руки на общем собрании в конце недели, утверждает решения начальства. То есть, вроде демократия имеется, но ее нет. Постарайся не ссориться с ней, хотя бы в начале. Она имеет большой вес в партии и может наделать неприятностей не только тебе, но и мне.

– Веселая перспектива.

– То, что есть.

Он глянул с усмешкой.

– Я вижу, требуется маленькая лекция о жизни в Израиле. У нас тут демократия, выборы раз в четыре года. Это делает процесс принятия решений долгим и нудным, топит его в бесконечных обсуждениях, но при этом заставляет терпеть людей и порядки, с которыми мириться не хочется.

Демократия позволяет нам спланировать приезжих из разных стран с разным культурным и языковым багажом в единую массу и позволяет любому меньшинству надеяться, что его голос будет услышан, что ему позволено убеждать остальных, а значит, меньшинство может превратиться в большинство. А если остался в меньшинстве, значит, сам виноват. Но и большинство не может плевать на оппозицию, вынуждено считаться с партиями не входящими в коалицию и учитывать их интересы. Это дает возможность избегать сильно больших потрясений. Революции нам без надобности.

Партий в стране не меньше двадцати – религиозные, йемениты, коммунисты, прогрессивники... Но в правительстве, третий срок, сидят только две. МАПАЙ и Херут.⁵ По внешним вопросам у них нет особых разногласий. Проблема внутри страны. Бюджет надо распределять. Министерства поделены между партиями. Каждый министр, естественно тащит одеяло на себя, а для лучшего контроля сажает на ответственные посты своих людей. Хава – любовница министра строительства, поэтому может обеспечить своим людям дополнительную помощь в хозяйственных делах, но в ответ они дружно пойдут голосовать, за кого она скажет.

Кроме того, в МАПАЙ сильная группировка, которая хочет строить экономику по советскому образцу. Они вообще излишне преклоняются перед вашим опытом. У нас и условия другие. Хотя, на начальном этапе, чтобы строить промышленность на пустом месте, советские рецепты прекрасно подходят. Но Херут считает, что нужно дать больше возможностей частным предпринимателям. В Легионе почти все израильские офицеры были или коммунисты или мапайники. Специально с левыми взглядами посылали, чтобы Сталина не раздражать. А то, в самом начале, приехал в составе военной миссии один бывший польский еврей, воевавший с Советами у Пилсудского еще в двадцатом, ну очень криво на него смотрели, причем не военные, с этими никаких проблем. Особо бдительные партработники.

– А ты, в какой партии?

– Официально, военнослужащие не имеют права состоять в партиях. Но я тоже из Польского союза ветеранов. Еще той войны. Нас тут много, и у русских и у немцев и у австрийцев служили, а все ветераны польские. До войны наше общество поляки даже поощ-

⁴ МАПАЙ – аббревиатура от Рабочая партия Эрец-Исраэль, социал-демократическая партия.

⁵ Херут – "свобода".

ряли. Это ревизионисты. Херут. Ну, разберешься, со временем. Твое дело солдатское, просто держись от кибуцного начальства в стороне. И через месяц жду тебя с докладом. Что, как улучшить. Что требуется. Я кидаю тебя в воду. Научишься плавать – молодец. Нет – извини, буду делать тебе клизму. Ты на испытательном сроке.

Дорога все время петляла, постепенно поднимаясь вверх. Потом большие, сплошь засаженные чем-то овощным, поля резко кончились. С обеих сторон дороги все выше поднимались склоны холмов. Если две встречные машины нормально проходили, то на третью места уже не было и съехать некуда. Никого это особо не трогало, машины то и дело шли на обгон. По обочинам начали попадаться застройки. Однообразные трех-четырёхэтажные коробки, с явно молодыми деревьями на улицах. Сплошной серый цвет и отсутствие тротуаров.

– Это что?

– А это Иерусалим.

– Ы, – выдал я, изумленно. Вроде Иерусалим – это должно быть, что-то такое, замечательно красивое...

– Новый Иерусалим, – поясняет. – Пригородные районы, которые строили в последние годы, чтобы людей как-то расселять. Строили по одному проекту, чтоб быстрее и дешевле. Одна-две комнаты, душ, кухня и туалет общие, в коридоре. В 1934 г в городе жило восемьдесят тысяч евреев, сейчас – почти восемьсот, если считать с поселками. А старые районы отошли к Иордании. Вот и строят такое. Зато деревья сажают. У нас, как возле домов деревья или трава растет на газоне, сразу понятно – евреи живут. Специально занимаемся посадкой деревьев. И работа людям, и пески с оползнями на холмах сдерживать. Да и вообще, большинство привыкло к зелени, пустыня за забором и орущий под окном верблюд часто вгоняет новичков в депрессию. А арабы не понимают, что такое дерево, если от него пользы нет. Другое дело – оливковые или цитрусовые.

Ну, еще минут десять, и увидишь настоящий Иерусалим. Хотя, и там особой красоты не наблюдается. То, что построили в двадцатых-тридцатых – дикая смесь европейского и восточного стиля. Стоит дом в мавританском стиле, а колонны у него из какого-нибудь барокко. Архитекторы старались, изображая встречу Востока с Западом. А древности – это не у нас, это в Старом городе у Абдаллы.

Странное впечатление производил Иерусалим. Плохо освещенные улицы, множество патрулей. В израильской, английской форме и общие. На большом перекрестке даже с броневиками. Нас останавливали трижды, и каждый раз внимательно сличали фотографию в удостоверении с лицом. Если учесть что израильтяне брали за образец именно английскую форму и различались они только по мелочи, эмблемами и беретами, с непривычки было легко перепутать. На домах следы пуль.

– Что тут у вас происходит?

– А, обычное дело, – отмахнулся. – У Иерусалима особый статус. Англичане гарантировали при разделении спокойствие. По этим условиям в городе не могут находиться подразделения с тяжелым вооружением, только пехота, со стрелковкой. Но на той стороне ихние гарантии никому не интересны. Вчера опять перестрелка была на несколько часов. Снайперы садятся в домах вдоль разграничительной полосы и стреляют по прохожим. Вот и нагнали йоркширцов для демонстрации присутствия. А документы проверяют, потому что бывает, и в города проникают.

– И что, не отвечаете на обстрелы? – изумляюсь.

– Почему, очень даже отвечаем, на тех улицах, что ближе к стене, у Старого города, давно уже никто не живет. Ни с нашей стороны, ни с иорданской. В любую минуту в окно может пуля прилететь. Но всерьез заняться нам не позволяют. Политика сдержанности называется. Пока мы не трогаем Абдаллу, снабжение по ленд-лизу идет бесперебойно. В армии

многие с нетерпением ждут конца войны. Может, тогда нам перестанут руки связывать. По договору, мы можем посещать святые места беспрепятственно. А на деле, раз в две недели три автобуса, под английской охраной. Когда очередная перестрелка, на всякий случай, вообще отменяют.

– И долго вы собираетесь терпеть английское присутствие и свое подчиненное положение?

– Неправильная постановка вопроса, – ответил он. – Долго ли мы собираемся терпеть, – надавил он голосом на «мы». – Или англичане покинут этот район и оставят нас разбираться с иорданцами между собой, или мы их рано или поздно перестанем спрашивать. Мир меняется прямо сейчас, у нас на глазах. В 1935 г у нас не было другого варианта. Хочешь получить государство – будь любезен слушаться. Теперь мы окрепли настолько, что можем пересмотреть наши взаимоотношения с Великобританией. Все зависит от ее действий. Империя явно собирается уходить из колоний. Даже не столько хочет, сколько ее энергично подталкивают. А мы никогда не были в положении колонии. Мы относимся к доминионам. Как там это, – он задумался на мгновение и процитировал: "Автономные сообщества Британской империи, равные по статусу, никоим образом не подчинённые одно другому ни в одном из аспектов своей внутренней или внешней политики, но при этом объединённые общей приверженностью короне и составляющие свободную ассоциацию членов Британского содружества наций".

– Хотят продолжать опираться на нас, во взаимоотношениях с другими странами – должны дать нам взамен что-нибудь. У нас с этим вообще проблемы. Существует формула Вестминстерского статута 1931 г., гласящая, что "члены Содружества объединены общей верностью короне". С верностью короне у нас большие проблемы. Так что уже запустили пробный шар на тему, считать ли английского короля только "символом свободной ассоциации независимых наций – членов Содружества и в качестве такового главой Содружества", снова процитировал он.

Он затормозил на очередном перекрестке и повернул во двор. Солдат, заглянул в машину и, узнав полковника, махнул рукой товарищу – убрать шлагбаум.

– Ну, вот и штаб бригады, я на совещание. Ты – на второй этаж. Комната 213. Оформись там все что положено. Потом тебя заберет Изя Штивельман, твой командир батальона.

* * *

Худой, с заметной лысиной, хозяин кабинета протянул мне несколько листков.

– Тебе необходимо заполнить анкету и сфотографироваться для удостоверения четыре на шесть. Фотостудия прямо через дорогу. Потом медкомиссия.

– Понял.

– И, если тебя привел полковник, не думай, что можно будет ходить в таком виде. Здесь ЦАХАЛ, а не Красная Армия.

«О Боже, – подумал я, – и здесь от этих тыловых идиотов невозможно избавиться».

– Так точно, – произнес вслух. – Как только получу форму и оружие, – и выжидательно уставился на лысину.

– Заполняй, – раздраженно сказал он, двигая по столу ко мне анкеты – и новая форма тебе не положена. Вон, на тебе имеется.

– Так это из Легиона, – удивился я.

– А в Легионе она откуда? С наших складов, ты ж не в советской гимнастерке и сапогах приехал, в израильской армии точно такая же форма. Таг поменяешь, и все.

– Что поменяю?

Он ткнул пальцем. И медленно, как слабоумному произнес:

– Эмблема, кокарда...

Я устался на анкету. Ну, имя, фамилия – это все понятно. Достал офицерское удостоверение, благо, что оно на двух языках и начал старательно перерисовывать буквы в анкету.

Он некоторое время наблюдал за моими потугами сойти за грамотного, тяжело вздохнул, и, сказав вполголоса, что-то вроде: "Понаехали тут", отобрал у меня бумагу и быстро заполнил. Единственное, что пришлось два раза по буквам повторить название училища.

– На, – сказал, отодвигая листки. И ткнув рукой в сторону окна, повторил:

– Фотография через улицу.

– Спасибо, – сказал я на всякий случай. Кто его знает, может, придется возвращаться.

* * *

Возле шлагбаума стоял огромный рыжий мужик лет пятидесяти и явно рассказывал анекдоты солдатам. Те помирали со смеху. Вдруг он резко повернулся, и, тыча в меня пальцем, спросил:

– Вот этот что ли? Ты, Томский?

– Я.

– Я твой комбат, Йосеф Штивельман, можно просто Изя, и хочу знать, где ты шляешься?

– Фотографии делал, согласно указаниям начальства, потом буду искать медкомиссию.

– Запомни, – заорал он, махая у меня под носом кулаком размером с мою голову, – Начальство у тебя только я. Всех остальных ты будешь посылать нах. Понятно?

– Понятно.

– Запомни еще одно. Евреи – самый умный народ в мире. Поэтому они создали такую умную бюрократию, что сами ничего в свои бумагах не понимают. Все вопросы надо решать по знакомству. Или через генерала, или через прапорщика. К прапорщику на прием попасть легче. На здоровье жалуешься?

– Нет.

– В ЦАХАЛе разрешается иметь свое оружие, помимо казенного. Купленное или добытое в бою, – он снова заухмылялся, – или стыренное у врага, только надо зарегистрировать по всей форме. Есть что-нибудь?

– Есть. Немецкий вальтер.

– Давай свои фотографии и пистолет и жди меня здесь.

Через пятнадцать минут он вернулся и сунул мне удостоверение, разрешение на оружие и постановление медицинской комиссии.

– Что смотришь? Не нравится, что снова лейтенантом стал? Ну не батальон же тебе давать, с твоим знанием иврита. У нас – как в Древнем Риме. Если бы в строю кто-нибудь, вдруг заговорил по-этруски, господа римские офицеры быстро бы показали ему, где римская кузькина мать. Вне строя можешь говорить хоть на марсианском, – и он гулко заржал.

Фраза показалась мне смутно знакомой, вроде читал где-то.

– Пошли оружие получать, – приказал Изя, – потом я тебя отвезу к себе домой, переночуешь, и с утра в кибуц. Там продемонстрируешь, что ты можешь. А мы посмотрим.

* * *

Изина жена, Фаина, совсем не походила на еврейку. Мощная блондинка, с необъятными формами, больше похожая на польскую крестьянку. Сейчас, она сидела, подперев щеку рукой, и смотрела, как я ем. Изя, попав домой, сразу притих и легко было догадаться, кто тут глава семьи.

– Кушай, кушай, не стесняйся, – в очередной раз повторила она. – У нас двое сыновей в армии, в Италии, может, и их кто-то накормит. Вот картошечки возьми. Сейчас полегче стало, а раньше ее вовсе не было.

– Правильно, – сказал Изя, деловито доставая из огромного сооружения под названием буфет бутылку и рюмки, – раньше и небо было голубее и трава зеленее.

– Ты не слушай моего старого дурака, – сказала она, отмахиваясь от мужа. Раньше, действительно картошки не было. Только в войну сажать начали. Мы ж с-под Гродно, как можно без картошки? Я этих местных овощей до сих пор не понимаю. Оливками сыт не будешь. Тут все другое, даже у хлеба другой вкус. Но ничего, приспособились.

– Ну, – сказал Изя, подмигивая. – Такой повод и не выпить? Первый человек из еврейского Легиона, да еще из советских, да прямо к нам. Будет чем похвастаться. За то, чтобы все наши вернулись живыми и здоровыми.

Выпили. Он разлили еще по стопке и, глянув на меня, сказал:

– Ты не поверишь, здесь все пьют намного меньше, когда жара начнется, даже и не тянет, разве что пивка, да и тебе завтра с утра вставать. Еще по одной и все.

Фаина замялась и спросила:

– Скажи, ты ж видел, что там делается. Может в газетах преувеличивают?

– Нет, там, где немцы были, всех евреев убили.

– Знаешь, – сказала она после паузы, – когда Жаботинский приехал в Польшу и начал звать людей в Израиль, многие стали собирать вещи. Все-таки великое событие. И Изя тоже – "Едем, едем". А моя семья собралась, и отец сказал, не нужно уезжать. Здесь дом, работа, люди, которые тебя знают и уважают. А там – пустое место, песок и камни. Немцы? Ну что немцы, поляки не лучше. Жили под этими, проживем и под теми. Хороший сапожник всем нужен. Родители, трое братьев и сестра, их семьи, дети. Все остались, а мы вот уехали. Красная Армия те места уже год как освободила, я вот пишу, пишу. В посольство, в Красный Крест. Везде отвечают – сведений о местонахождении нет.

– Ну, мы ж на Украине были, а в Белоруссии леса есть, можно было в партизаны уйти. Да война многих с места сорвала, может еще найдутся.

– Хороший ты мальчик, – сказала она. Погладила меня по голове и, резко встав, вышла. Мы молча выпили по второй.

– У меня в полку, был разведчик, Саша Подвальный, – глянув закрыта ли дверь, сказал я. – Так он у командира отпросился на пару суток, мы рядом с его местечком были. Приехал весь черный. Всех в овраге расстреляли. И детей его, и жену. А жена русская вообще была. Так он потом любого немца убивал без разговоров. Нет, если «языка» надо – это другое дело, а вот если без задания, сдается там или нет – моментально на тот свет. Все время лез на рожон и погиб. Может лучше и не знать, лучше верить, что хоть кто-то спасся.

– Нас, приехавших в тридцатые, называют поколением Жаботинского, – заговорил, через пару минут Изя. – Знаешь почему? Когда провозгласили независимость Израиля, Зеэв поехал в международное турне, как министр иностранных дел.

– Кто? – удивился я. – Даже я знаю, что Жаботинский был Владимир!

– Его звали Владимир-Зеэв, – ответил Изя. – Зеэв – это ивритский вариант. – Первый визит был в Англию, утрясти возникшие проблемы в экономической и политической сфере. А вот дальше он показал, на что способен. Осенью 1935 г приехал в Берлин. Конечно, эту жидовскую морду, вовсе не ждали с распростертыми объятиями, но шла подготовка к Олимпиаде 1936 г и явных скандалов следовало избегать. Тем более, что интересы нацистов и сионистов в этот момент совпали. Нацистам требовались уезжающие евреи. Желательно без шума и пыли. В то же время они вовсе не собирались позволять вывозить еврейское имущество. Так что договаривалось с Жаботинским министерство экономики Германии, а рангом повыше делали вид, что его не замечают.

Нацисты запретили вывозить из Германии деньги и имущество. Можно было только какой-то минимум на первое время. Хотя уже шло практически открытое давление на евреев – уже были законы об ограничении на профессию, уже требовали свидетельство об арийском происхождении, для вступления в брак, уже увольняли врачей и государственных служащих, даже отменяли полученное после 1918 г гражданство, но убийств еще не было. Многие надеялись на улучшение, часть просто боялось бросить все и уезжать в неизвестность, ведь большинство немецких евреев считало себя немцами, иудейской веры. Так что попытка Жаботинского договориться пришлось очень к месту.

Нельзя вывозить имущество и деньги? Никаких денег на руки. Давайте купим немецкие товары на эту сумму и вывезем. И вам хорошо и мы при своем интересе. Все равно не хотите просто так выпускать? Давайте поделим. Вам половину – нам половину. Да и про израильское государство не забудем. За посредничество ему жирный процент, на который тоже купим немецкие товары. Так что договорились, где-то 50 на 50. Естественно, обе стороны всячески жулили, чтобы оценку в свою сторону вытянуть. Немцам хотелось поменьше, нам – побольше. Приезжаешь в Израиль – можешь товары распродать или возобновить уже здесь свое дело, используя немецкие машины. Так возник ряд мастерских, типографий, гаражей и прочее. Большие деньги, масса товаров и оборудования хорошего качества дали изрядный толчок экономике. Позже условия сделки распространили на Австрию и Судеты с Чехией.

Была еще создана полуподпольная сеть скупки. Вывоз золота и разных Рембрандтов был также, естественно, запрещен. Поэтому уезжающие евреи вынуждены были сдавать за бесценок. Теперь появилась возможность продавать через посредника прямо в английском представительстве (выделили отдельную пристройку Израилю) или вообще за границу с получением денег после прибытия в Палестину. Естественно, что это был достаточно криминальный и связанный с большим риском гешефт. Поэтому процент посредникам был очень высоким. Но проконтролировать суммы денег переходящие из рук в руки, с прилипанием к этим рукам, было очень сложно. Здесь находился основной источник бюджета для создающейся израильской разведки. Об этом особо не говорят, но догадаться можно.

Но все это касалось только людей богатых. Причем не все были готовы отдать половину имущества за просто так. Люди бедные получали при выезде из Германии заграничный паспорт, сроком на один год, без возможности продления. Визу никуда не давали. Ну, вот есть же у вас свое государство, туда и езжайте. Для получения визы или права жительства в этих странах требовалось мировое имя или пара-тройка миллионов завалывшихся в Банк оф Манхэттен. Так что дорога была одна – в Израиль. Хотели или не хотели, эти страшно ассимилированные люди, которые не знали другого языка, кроме немецкого, и нас, польских евреев, считали быдлом, ехали они в Израиль. Таких, под полмиллиона наберется, если считать с австрийцами.

Следующий визит был в Польшу. Ты бы видел, – мечтательно сказал Изя, – какой это был триумф! Когда в газетах написали про приезд первого израильского министра иностранных дел, тысячи людей вышли на улицы! А когда он, в Варшаве пришел в синагогу, его занесли туда на руках. Шагу сделать не дали.

Да и польское правительство было очень довольно. Зеэва принял министр иностранных дел Юзеф Бек. Жаботинский предложил план, направленный на выезд евреев из Польши. Бек дал согласие ассигновать двести тысяч злотых (около десяти тысяч фунтов стерлингов) в распоряжение Жаботинского, для поддержки независимой еврейской Палестины как заем, частично наличными деньгами, частично оружием, и красный ковер желаящим оставить Польшу.

В Польше был экономический кризис, евреев увольняли в первую очередь, но поляки считали себя европейской и культурной нацией. Нельзя же было спокойно смотреть на голо-

дающих, приходилось платить им пособия. А тут возможность избавиться от конкурентов под лозунгом "Вам пора домой в Палестину!" и сохранить деньги в бюджете. Самое главное, все остаются довольными.

Ты не представляешь, что тогда делалось в Польше! В каждой семье крики и споры. Не каждый был готов ехать, тем более на пустое место. Сионизм сионизмом, а кушать хочется всегда. Да всякие среди евреев были... Коммунисты, бундовцы, ассимилянты, религиозные. А Жаботинский ездил из города в город и рассказывал, что скоро будет война. Тут еще стадный инстинкт у многих сработал. Если все едут, надо и мне тоже. Нас, поляков, наверное, больше миллиона будет в стране. Потом были у меня минуты, когда я жалел об отъезде. Все-таки, там была пусть и не жирная, но привычная жизнь, да и родственники остались. А сейчас, я восхищаюсь Жаботинским. Он уже в 1936 году видел, к чему идет и спас нас.

В 1937 г Жаботинский посетил Румынию, где встречался с королем Каролем. Там он договорился об аренде судов на льготных условиях. Румыны не меньше поляков мечтали от евреев избавиться. В начале 1939 г он посетил Латвию и Литву. После чего тамошние общины практически уполовинились. Кроме счастья ехать в Израиль, они еще сильно опасались поведения Германии и СССР. Визиты были еще в Венгрию, Грецию, США, Чехословакию, Болгарию, Францию. Кроме Греции, где община г. Салоник дала большое количество народа в создающиеся отрасли, имеющие отношение к портам и судам, все остальные не очень ехали. Зато приехало почти пятнадцать тысяч из Китая, куда Жаботинский не ездил. И в СССР его как-то не очень приглашали. СССР в это время сближался с Германией, и раздражать ее не хотел.

Так что, мы, действительно, люди Жаботинского. Великий человек был. Если бы не он, мы бы тоже исчезли в расстрельных ямах и дыме крематория. Очень жаль, что он так не вовремя умер. Но похоронят его все равно в Израиле. Он писал в своем завещании: "Зароете ли вы меня в землю или сожжете мое тело, все одно. Я только прошу вас, пусть израильское правительство распорядится захоронить мои останки в Эрец – Израэль".

– Но ведь он умер еще до нападения Гитлера на СССР? – с недоумением спросил я.

– А, это как всегда, – безнадежно махнул Изя рукой. – Сначала война мешала, потом еще что – то. Ничего, – сказал он с угрозой в голосе, – мы этих политиков еще за шкуру возьмем и спросим за все...

* * *

Газета А-Арец

Продолжаются тяжелые бои в Восточной Пруссии. Советские войска продвигаются вперед, неся потери.

Газета Коль Ха-ам. КПИ

В течение веков Восточная Пруссия оставалась оплотом германских захватчиков. Отсюда они предпринимали свои грабительские походы. Восточно-пруссские помещики поставляли основную массу комсостава для немецкой завоевательной армии.

Гитлеровцы стремились любой ценой отстоять этот плацдарм. Со всех концов Германии перебрасывались дивизии, укомплектованные пруссаками. Немецкое командование приказало всем военным – уроженцам Восточной Пруссии оставить свои части и отбыть на защиту области.

Однако прусская крепость, созданная на костях покорённых народов, не выдержала удара Красной Армии. Советские войска методически разрушали укрепления и шаг за шагом продвигались вперёд.

22 марта 1945 г

* * *

Они стояли передо мной. Пятнадцать парней и десять девчонок семнадцати лет. С цыплячьими немытыми шеями, торчащими из воротников. С прекрасно мне знакомым голодным взглядом, постоянно недоедающих людей. На мгновение я снова оказался в училище, только стоял с другой стороны. Представляю, что думали наши преподаватели, когда мы приехали в феврале сорок второго. Пожалуй, еще хуже выглядели. Только один выбивался из общего строя хорошо развитой мускулатурой. Точно деревенский, на домашних харчах вырос.

Как нас кормили, что в училище, что в формировавшемся Легионе, до сих пор вспоминать противно. Под конец многие рвались на фронт не столько в надежде с врагом посчитаться, сколько думали, что хоть там нормально кормить будут. Иногда так и было. Особенно как половину закопают или в госпиталь отправят, а продукты на всех получим. Нормально кормить начали только где-то с сорок четвертого.

Я собрал в кучку все свои знания языка и начал:

– Прошу просить мой скудный иврит. Я постараюсь говорить, чтоб было понятно. С помощью рук и ног я буду показывать отсутствующие слова.

Засмеялись. Уже хорошо.

– Вы будете учить меня языку. А я буду учить вас выживать на войне. Гитлеру скоро конец, но для вас война не кончилась. Здесь, на границе, стреляли и похоже будут и дальше стрелять. Вы все здесь добровольцы и пришли не работать на кибуц, а защищать свою страну. Поэтому боевая работа главная. Да, именно работа. Романтические подвиги бывают два раза в год на всю армию и только если попадают в газету. В остальное время бесконечные тренировки и нудная работа. А сейчас, вольно. Садитесь. Я хочу знать, чем вы занимаетесь и что хотите. Только не разом. Командиры отделений кто?

Встали трое. Тот самый мускулистый:

– Рафи Орлов.

Очкарик:

– Дов Голани.

Девчонка:

– Анна Ардити.

– Расскажите-ка мне, что вы делаете.

Опять загалдели, перебивая друг друга.

– Два человека в карауле на въезде, один на башне, шесть сменщиков. Остальные работают с утра до вечера. Очень выгодно, рабочая сила за кормежку.

– И все? А в роте что, никто не знает?

– Знают прекрасно. Мы жаловались, да только отмахиваются. Никто с Хавой ссориться не хочет.

В результате пояснений вырисовывалась любопытная картина. Нахлаим, солдаты НАХАЛ, обычно, приходят в кибуц группой, вместе посменно работают, отдельно от кибуцников, живут и едят отдельно, хотя и то же что кибуцники и в основном общаются между собой. С кибуцниками солдаты общаются мало, не считая получения приказов. Их стараются использовать на работе, которые не хотят делать кибуцники. Даже с местными девуш-

ками и парнями не очень то общаются, хотя нравы здесь достаточно свободные. Они чужие. Рано или поздно уйдут. Все это знают и предпочитают видеть просто рабочую силу.

В принципе, и общего у них мало, служили у меня сплошь городские добровольцы. Зачем кибуцнику менять шило на мыло? У него и дома тоже самое, разве что в армию бежать захочет, от каких-то проблем...

А питание... еды было очень мало, а та, что выделялась нам из общего котла, была страшно невкусная. Крупа, неочищенное растительное или оливковое масло, немного овощей с кибуцного огорода и неизменный американский ленд-лиз в консервных банках. Сахар и как не странно настоящий кофе, тоже ленд-лизовский был в таких очень маленьких бумажных пакетиках. Чая не было совсем.

* * *

Загрузив своих солдат бесконечными тренировками, я окончательно отсекал их от жизни поселка. Они там только работали и получали продукты. Питание – это была отдельная история. Чтобы не создавать проблем с религиозными, а их было достаточно много среди призывников, с самого начала уставом предусматривалось кошерное⁶ питание.

Молодое поколение, выросшее уже в Израиле, не сильно заморачивалось этими проблемами. Школы были вполне светские, с совершенно советским разоблачением религиозного мракобесия. При этом неприятие всего имеющего отношение к религии у них замечательно совмещалось со знанием Танаха и убеждением, что эту землю они получили от Бога, и никак иначе.

Раньше, до меня, варили по очереди. Так что раз на раз не приходился. Кто-то готовить умел, а после кого-то в рот взять было нельзя. Я назначил начальником кухни Нину. При ее росте в метр с каской и весе молодого петуха, она все равно не могла быть со всеми на равных, чисто физически. Зато готовить умела разнообразно и вкусно. При нашем стандартном-пайковом рационе это немаловажно.

Скоро мне стало понятно, что солдаты вовсе не представляли из себя что-то необходимое для обороны. Население приграничных районов поголовно было вооружено до зубов армейским, полученным еще от поляков, и трофейным оружием, и никого это не смущало. Очень редко кто-то мог пострадать случайно, а про то чтобы соседа застрелить, по пьянке или из ревности, я и не слышал ни разу. Плохо себе представляю, чтобы было у нас, в Союзе, если б на руках было столько оружия, бедная милиция.

Так что в случае опасности кибуц легко выставлял больше сотни вооруженных людей, с несколькими пулеметами и 60-мм минометом. Не уметь стрелять, по здешним понятиям, ты вообще не человек. Тут не важно, мужчина или женщина. Каждый должен был работать и воевать, если потребуются. Равноправие считалось абсолютно необходимым. И в половом смысле тоже. Никаких "мальчик ухаживает за девочкой". Это просто неприлично, она такой же боевой товарищ и работает наравне со всеми, хотя нравы в кибуце, были – как у нас на фронте. Только там считалось, что война все спишет, а здесь гуляли до свадьбы. После – ни в коем случае. Все про всех знают, не спрячешься.

И было еще у кибуцников замечательное правило – делать не для себя, а для коллектива, движения, организации, народа. Вот только не каждый это может выдержать. Человек, изрядная скотина, хочет счастья для себя, не только для всех. А счастье каждый понимает по-своему.

⁶ Кошерное – КАШРУТ (כָּשֵׁרוּת, производное от כָּשָׁר, катер), дозволенность по религиозным предписаниям или пригодность пищи.

– Ладно, последний вопрос. Кто знает ваш участок границы?

Головы повернулись к Рафи.

– Я тоже знаю, – с изрядным вызовом заявляет Ардити, – мы вместе ходили.

– Значит сейчас всем спать. Завтра, в шесть часов, все стоят здесь с оружием. Потом с первым отделением, у тебя Орлов ведь первое, пойдем, посмотрим, что именно мы здесь охраняем. С завтрашнего дня у вас начинается ужасная жизнь.

Смеются. Думают, что это шутка такая.

Жили они в общем бараке, разделенные секциями по десять человека. Девушки отделены от остальных матерчатой занавеской, Вдобавок установили пирамиду для оружия и несколько тумбочек и стульев. У меня была отдельная комната размерами чуть больше шкафа.

Только начал устраиваться, стук в окно.

– Тебя Хава зовет.

– Сейчас выйду.

Ну, пора знакомиться с начальством. У входа стоял с сигаретой Дов.

– Это кто?

– Секретарь кибуца, Вольф, – ответил он. – Большая сволочь и штинкер. Собственно штинкер – это вонючка, но я слишком часто слышал это слово еще в армии, в смысле стукач, так что переспрашивать не имело смысла.

Ожидал увидеть, что-то вроде стандартной партийной хари, с надменностью во взоре. Оказалась, симпатичная тетка, лет под сорок. Одета не лучше прочих. Правда, на столе стояла совсем не обычная пайка. Свежие овощи, курятина, бутылка. Ну, я не гордый. Если солдату наливают и угощают, значит, нужно есть и пить. Неизвестно, будет ли завтра. Полячка, так что беседа на иврито-русско-польском проходила без особых проблем. Мельком дала понять, что в курсе, кто я такой. Сначала спрашивала о войне, о Европе. Минут через пятнадцать подошла главному.

– Ты видел арабское село на той стороне?

– Конечно, сложно не заметить, что прямо напротив находится.

– У нас с тамошним мухтаром, ну старостой, договор. Мы их не трогаем, а они нас.

– А других трогают?

– Ничего такого нет. Поэтому не демонстрируй, какой ты весь из себя герой. Пасут своих овец и пусть пасут. Если случайно забредут на нашу сторону, не устраивай стрельбы.

– Ладно, пока они тихие, я тоже тихий. Но я тоже кое-что хочу.

– Что?

– С завтрашнего дня работает одно отделение, второе, в охране, с третьим я занимаюсь. Если есть необходимость помочь, всегда, пожалуйста, но не надо придумывать работу.

– Договорились.

Вышел на улицу, задумался. Странно, как-то легко проскочило. Ожидал скандала, десять дармовых работников отбил. Чего-то я серьезно не улавливаю в здешних раскладах... Надо с Изей поговорить.

С утра вручил Дову план работ. Оборудовать спортплощадку и полосу препятствий. Чтобы не было проблем с пониманием, нарисовал, а не написал. Ему явно стало нехорошо.

– Мы не успеем!

И я ему так ласково:

– Я проверю.

Отделение Рафи заставил взять все, что положено. От патронов до сухпайка, на двое суток. Килограмм двадцать на каждого. И мы пошли в хорошем темпе. Рафи действительно знал местность и умел ходить по горам. Тут не Карпаты, но то же местами круто будет. Он даже имел понятие, о том, что по гребню идти нельзя. Потом я узнал, что он вообще обошел

весь Израиль. Пешком. И Анна с ним ходила, он были знакомы еще до армии. Оба были членами иерусалимского движения «Следопыты». В нем обучали навыкам полевой жизни и выживанию в горах и пустыне.

Зато, для остальных наш поход был на грани возможностей. Недокормленные и нетренированные они еле тащились и, под конец, если бы я бдительно не следил, точно бы что из имущества выбросили. Вернулись мы поздно вечером. Солдатики мои дружно попадали, а я, демонстрируя, какой весь из себя железный, резво помчался проверять выполнение работ. Как и ожидалось, там еще и треть не сделано было. Но явно трудились на совесть. Похвалил и потребовал соображений, что можно улучшить, и где взять материалы. Идеи, в основном, были "просить выше" и «слямзить». Мысль хорошая, но я уже понял, что только не в кибуце. Тут свое добро очень хорошо знали. Скандал мне ни к чему. Для начала попробую попросить в бригаде.

Часов в десять вечера пришла Хава. Глаза горят огнем.

– Почему, ты снял часовых?

– С башни, потому что при обстреле – это братская могила для всех будет. Блиндаж строить нужно. Тем более что у вас договор. А те, что у ворот стояли, вон там, на холме окопчик вырыли. Так они видят дорогу издалека.

– Ты не имел права оставлять кибуц без охраны!

– Послушай, Хава, или вы договорились с мухтаром, и от них никакой пользы нет, или если опасно, они прекрасные мишени. А ворота – открывать солдат не требуется.

Жаловаться будет, сказал кто-то, когда она ушла. Я сделал вид, что не слышал.

Через день приехал с проверкой Изя. Посмотрел на тренировку и сказал:

– Ты продолжай в том же духе, но не лезь все-таки на рожон. И наблюдатель там не для стрельбы стоит, а чтобы арабы видели, мы бдим. Пользы, от него, конечно, нет.

Похоже, действительно настучала.

В общем, так и продолжалось. С шести утра до десяти вечера я поочередно гнал отделения в горы. У меня не было уставов и наставлений не то что на иврите, но вообще ни на каком языке. Поэтому учил тому, что знал. Организации засад, маскировке, окапыванию, как определять сектора обстрела, как ставить растяжку на тропе и устанавливать мину. Учил действовать группами. Одна атакующая, вторая пулемётчики и стрелки поддерживала первую огнём, и должна была пресекать контратаки, устраиваемые неприятелем. Очень нужна была информация о деревнях в нашей зоне. Какая численность банд, их вооружение, тактика действий. Пути передвижения, транспорте, связь с другими бандами. Если кто-то и знал, мне сообщить забыли.

Поэтому стал сажать наблюдателей и заставлял их фиксировать кто куда пошел и что вообще происходит. Нашелся среди моих ребят и переводчик. Абутбуль, откуда-то из Северной Африки. Он мне заодно читал и переводил арабские газеты. Любопытно было сравнивать, как одно и то же совсем по-разному освещалось. Там мы были злобными агрессорами, мешающими наладить мирную жизнь. Здесь – наоборот.

Сначала ходил на патрулирование сам, потом время от времени стал доверять своим командирам отделений. Второе отделение гнал на полосу препятствий и стрельбище. После первой стрельбы лёжа, сидя и стоя, мишени красноречиво показали, что итоги стрельбы совсем неутешительные. Поэтому свел знакомство с прапорщиком из бригадных складов, выполняя Изины советы и по его рекомендации, с кем именно говорить. Стоило это мне трофейных часов. Зато выяснилось, что каждые три месяца положено было проводить стрельбы. Теперь я все патроны получил задним числом, по дружбе, и стреляли мои ребята без конца.

Сначала просто с положения лежа и стоя. Потом в составе расчета и отделения. Потом в движении. Каждый должен был уметь обращаться не только с винтовкой, но и пулеметом. Велась тренировка с метанием ручных гранат. Замеряли расстояние броска. В бою это

нужная информация. Обязательной была и спортивная подготовка: ежедневные бег, гимнастика, в частности, прыжки через верёвку, стены, изгороди из колючей проволоки, деревья, столы, живые изгороди. Недостаток языка, действительно, восполнял иногда ногами и руками. Дашь разок по каске ногой, и очень хорошо доходит, что окоп надо рыть глубже, чтоб ничего не торчало.

* * *

Я сидел, краем глаза наблюдая за стрельбой второго отделения по мишеням, можно было уже не бояться, что застрелят друг друга. Вообще то разбирать-собирать они умели с самого начала. Вот только, в первый раз один идиот захотел посмотреть поближе, куда он попал, а второй, оказывается, еще не отстрелялся. Может это и не педагогично, но оба ходили с синяками под глазом. Первый под левым, а второй под правым. Сорвался непростительно, но когда Вертман упал после выстрела, у меня вышибло всякий иврит, чтобы заниматься нормальным воспитанием. После этого усвоение матчасти пошло рекордными темпами. И что странно, они не боятся, а, наоборот, зауважали. Может, наконец, дошло, что я им пытаюсь косноязычно объяснить. Уставы и инструкции в армии кровью написаны. Убили кого-нибудь по недоразумению или глупости, вот и еще одна строчка появилась.

В данный момент меня больше занимал левый ботинок. Он явно намеревался скончаться в скором времени. Подошва намекаяще, хлопала на ходу, хотя с виду все обстояло прекрасно. Я пытался нащупать, где проблема.

Рядом сел какой-то кибуцник, с кряхтением вытянув ногу.

– Что, лейтенант, проблемы с обувкой? – неожиданно заговорил он по-русски.

После Меера это был первый человек, говоривший со мной на родном языке, за последний месяц. Кибуцники многие понимали, но говорить не желали ни под каким видом. Не из вредности, это был очередной идеологический вывих. Все должны говорить только на иврите. За это хоть и не наказывали, но смотрели крайне неодобрительно.

Они тут все носились с единственно правильным языком и переименовывались для слияния со светлым будущим в Бен Давидов и Бен Ами. Самый легкий был вариант превращения из Перского в Переса. Хоть сам не забудешь. Только задним числом стало ясно, как мне в этом смысле повезло. Если бы вместо иврита я постоянно общался бы на русском, никогда бы язык толком не выучил. Были такие примеры среди репатриантов. И через двадцать лет заикались на каждом слове.

– Ну-ка дай, – бесцеремонно забрал он ботинок. Пальцы у него были жесткие, с въевшимся под ногти маслом и весь он был какой-то жесткий, даже с виду. Черный от загара и, хотя и грузный, но это был не жир, а сплошная мускулатура. Руки и плечи, какие-то чрезмерно развитые.

– Ерунда, – сказал он, возвращая. – Надо пару гвоздей и будет полный порядок. Еще долго протянет. Нашим, вон, положено, одни ботинки в год. Не какие-нибудь легкомысленные сандалии или туфли. Именно ботинки, чтобы можно было и зимой и летом ходить. Новые не дадут, пока год не пройдет, хоть тресни. Вот и хранят их, как могут, вечно ходят босые.

Я невольно посмотрел на его ноги.

– Мне это уже не грозит, смотри, – сказал он, задирая штанину. Ниже колена на левой ноге у него был протез. – В Ливии на мину наступил. Всю жизнь шел против течения, один раз в жизни поступил как все и ничего хорошего не получил. А протез сам сделал, никаким специалистам и не приснится такая работа. Я здесь мастер сделать и починить все. Хочешь – самолет, хочешь – ботинок. Так что освободишься – приходи в крайний сарай, где мастерская, помогу твоему горю. Я там все время, даже сплю. А зовут меня Ицхак Соболев, вставая,

сообщил он. – Не Ицик или еще как, только Ицхак. И почти не хромая зашагал в сторону домов. Не видел бы сам протез, никогда бы не догадался, что ноги нет. А ведь мне про такое рассказывали, только сразу и не сообразил, когда человек долго на костылях передвигается или постоянно физическую работу делает сидя, у него руки и пальцы сильнее становятся. Как слепой запахи лучше чувствует, у безногова сила в плечи и руки уходит.

* * *

– Ты садись, в ногах правды нет, – сказал Ицхак, надевая ботинок на сапожную лапу.

Я плюхнулся на табурет и осмотрелся. Чего тут только не было! В не таком и большом помещении стояли два станка, токарный и сверлильный, верстак и куча развешанных на стенах инструментов. Какие то баночки с болтами и разными шурупами. На столе разобранный пулемет. Все явно разложено по своим местам, ничего просто так не валяется. Для раскладной койки едва оставалось место в дальнем углу. Во дворе еще и яма для осмотра машины.

– Все починяем, – отдавая ботинок, сказал он. – Кое-что и сам делаю, что достать невозможно. Своим, естественно, просто так, чужим можно и за сигареты. С тебя вроде взять не получится?

– Я лет в десять с приятелями курнул в первый раз, да так, что отравился. А когда прочухался, мать меня отлупила, сидеть потом не мог несколько дней. Так после этого, так и не научился, даже на фронте. Еще страдал из-за этого в училище, всем говорят перекур, а ты все равно не куришь, продолжай работать.

Мать у меня была женщина суровая, с тяжелой рукой. Сама не слишком грамотная, но хотела, чтобы я стал большим человеком. В ее понимании – это доктор или хотя бы инженер. Значит, положено учиться, и не абы как, а лучше всех. А не будешь – мокрой тряпкой по спине. А партийных она не выносила. Считала никчемными людьми, пользы для окружающих никакой, одни лозунги.

Я замолчал и задумался.

– И ведь воспитала, – признал, – не знаю даже как назвать. Усидчивость, желание разобраться, а не просто вызубрить. Я до сих пор помню, как я был счастлив, когда сам догадался что такое таблица умножения и как считать проще, вместо того, чтобы выучить наизусть. Это кому легко сразу дается, интерес пропадает. А я в детстве должен был сидеть и учиться. Интерес появился потом, когда я понял, что не хуже умников, а могу быть лучше. Зато во дворе все равно я был лучше их. В нашем районе без драки не пройдешь...

А может вместо сигарет что? – нерешительно спросил.

– Э, парень, да я пошутил, для приличного человека мелкую работу сделать не в тягость. Вот что серьезное, будешь договариваться через совет кибуца или, действительно, ищи сигареты, – сказал он, подтаскивая ко мне второй табурет. Сел и с наслаждением прикурил. – Не мешает?

– Нет, когда рядом курят меня не раздражает.

– Смотри, ты только думаешь, что ученый, на самом деле, ты еще не выучился. Вернее не так, ты попал в другую школу. Здесь во многом правила похожи, но некоторые совсем другие. Ты еще по старым живешь и не всегда понимаешь, что вокруг происходит. Вот забрал ты своих солдатиков, а Хава съела. А почему, знаешь?

– И почему?

– А не нужен ей скандал, есть четкая инструкция, твои несовершеннолетние оболтусы должны работать не более восьми часов в день, и если они в караул идти должны, им предоставляется время на отдых. Запрещено поднимать тяжести сверх... не помню точно, но что-то там написано. Там куча всяких правил и ограничений. Если честно, то смешно. Воевать и погибать им разрешается, но работать больше определенного нельзя, потому что несовер-

шеннолетние. Вот только если они будут по инструкции работать, то максимум свое питание оправдают. Какой тогда кибуцу смысл?

– И почему мне никто ничего не сказал?

– А вот это и есть правила, которых ты не знаешь. Пока война идет, все заинтересованы в таком положении. Кибуцы имеют дармовую силу, взамен призванных в армию молодых работников. НАХАЛ рапортует о молодом пополнении, получившем начальную подготовку. Винтовку разбирать, собирать научили? Тоже дело. Какие они не малообученные и малобоевые, но мелкая банда поостережется связываться с местом, где тридцать-пятьдесят вооруженных человек. Государство не должно обеспечивать их продовольственными карточками и платить зарплату. И, в конце, концов, они не воруют и не шляются по улицам. А на крайний случай, можно использовать в каких то мероприятиях, оцеплении, например. Сам со временем увидишь. Так что формально ты прав, не подкопаешься, но система существует не первый год. В ней заинтересованы все. И тут появляется совершенно посторонний человек, который не в курсе происходящего вокруг и начинает топтать священный, замечательно политый и удобренный огород из самых лучших побуждений. Интересно?

– Еще как! А ты не боишься мне такие вещи говорить, Хава то может и не простить, что кто-то лишнего сказал?

– У нас, с ней давние счеты. Если захочешь, я тебе как-нибудь потом объясню, но сделать мне она ничего не может. Это ведь мой кибуц, я, она и еще несколько человек его организовали в тридцать пятом году. Только у меня не достаточно честолюбия, чтобы людьми вертеть. Мне бы железки крутить. Вот и подсидела она меня как Сталин Троцкого, правда, до ледоруба не дошло. Очень веская причина нужна, чтобы меня выгнать. А половина хозяйства на мне держится.

Ну, слушай дальше, – стуча молотком, предложил, – и мотай на свой несуществующий ус... Партийные дразги тебе пока ни к чему, но у нас на носу окончание войны. Великая Победа и все такое. И получается очень неприятная для НАХАЛ ситуация. Армию демобилизуют, столько народу в мирное время не требуется. Всех этих тыловикив погонят в запас, а на их место придут боевые офицеры, прошедшие войну. Молодежь тоже поразогнать могут или новых не пришлют. Демобилизованные-то домой вернутся, в родной кибуц. В общем, надо что-то делать. И чтоб в армии остаться, и чтоб это не выглядело как сведение партийных счетов. Самое умное – сделать из нахалаим годных к несению воинской службы. Ну, вроде, мы не хуже вас. Вот только для этого надо рассориться с кибуцным начальством. А они тут же побегут жаловаться своим партийным вождям. Как это так? Все было хорошо, а нас обижают! А партийным вождям хочется, чтобы за них голосовали, выборы в следующем году и мелкие проблемы конкретных офицеров их мало волнуют. И тут валится на голову такая удача!

– В смысле я? – утвердительно спросил я.

– Ты, конечно. К нашим внутренним делам не только отношения не имеешь, но вообще не сном, ни духом. Иди, лейтенант – покажи, как солдат готовить из желторотых новобранцев. Лейтенант и рад стараться. А чего это ты, Хава, жаловаться вздумала? Он все по уставу делает... этому... советскому. И не надо голос повышать, а то инструкцию достанем, и сама виновата окажешься.

Он издевательски хмыкнул.

– Но Хава имеет огромный опыт подковерных баталий, ее так просто не подсидишь. Она начинает писать в высокие инстанции на тебя, на Изю, на Меера. Не знаю я, что она конкретно там пишет, но чем больше бумаг, тем скорее начнут реагировать. Вот только Меер тоже волк битый и устроился так, что все жалобы на вас ему и спускаются. Комбриг у вас не военный, а для должности, он все дела на заместителя свалил и живет, в ус не дует. За все Меер отвечает.

– Ты что, и Дейча, тоже знаешь?

– Ну, лейтенант Цви, ты еще больше не наученный чем я думал. Ты пока не понял, что такое Государство Израиль. У тебя в голове по-прежнему "Широка страна моя родная. Много в ней лесов, полей и рек". В конце двадцатых годов здесь жило чуть больше полмиллиона евреев. И не в одном городе, а по всей стране. Любой из старожилов если не знает кого-то, то знает того, кто знает необходимого человека. Надо только захотеть и ты все о человеке узнаешь, возраст, профессия, партийная принадлежность, где служил, когда приехал.

Но к Мееру это не относится, мы с ним очень хорошо знакомы, – он открыл рот и показал, – вот задний клык. Лично товарищ Дейч выбил в 1926 году. Не по пьянке, – сердито сказал он, – увидев мой скептический взгляд. Нормальная драка на демонстрации. Бейтаровцы против гистадрутовцев. Я ему тоже два ребра сломал. Вместе потом в больницу попали и в дальнейшем нормально общались. Если без политики, то с любым человеком есть о чем поговорить... А в 1940–41 г служил у него в батальоне, в Северной Африке.

Так, опять я отвлекся, старый становлюсь... В общем, если ты по крупному не проколешься, ничего с тобой не будет. На мелкие подлянки надо реагировать сразу, с шумом и криком. Правильно сделал, что заставил поменять это их испорченное масло. Что тебе положено, требуй и лучше тоже бумагу пиши, не стесняйся. Меер их будет коллекционировать для ответов начальству. А по-крупному Хава пакостить не станет, она тебя просто проверяла на реакцию. Теперь будет ждать чего-нибудь серьезного, она всегда так делает.

– Чего серьезного?

– Не строй из себя дурака. У всех всегда что-нибудь случается, солдат под машину попал, автомат потеряли, склад обворовали. Тут главное доложить правильно, кто виноват в происшествии. Так что будешь дожидаться чего-нибудь, спятишь. Живи нормальной жизнью. Это их интриги, пусть они этим и занимаются. Ты делай свое дело хорошо, чтоб перед собой стыдно не было. А если посоветоваться надо или проблемы какие, заходи, чем смогу помочь.

* * *

Через три месяца после моего назначения мы впервые столкнулись с арабскими бандитами. Шли по обычному маршруту, когда они вышли из-за поворота. Нарушители границы явно не ожидали увидеть кого-то вроде нас и в первое мгновение растерялись. Это и решило все. Я, автоматически падая вбок, дал очередь. Двое упали. Третий передернул затвор и в этот момент из за моей спины грянул выстрел. Пуля попала в горло, и он отлетел вниз, по склону, заливая все кругом кровью. За моей спиной стоял Алекс Крейзель. Раньше за ним такой меткости не наблюдалось. Видимо, нет в горах зверя страшней, чем испуганный еврей. Тут он побелел и кинулся к ближайшим кустам, выронив винтовку. Явственно были слышны характерные звуки рвоты.

– Поздравляю, – сказал я, обращаясь к остальным. – Вот так это и бывает. Две секунды и три трупа. А могли лежать, вон там, наши тела. Никакой романтики. Будете у меня учиться реагировать на угрозу автоматически, пока в рефлексы не превратиться. А Крейзель, единственный из вас, освобождается от наряда в кибуц. А теперь, взяли и обыскали их. Ну, что смотрите? Оружие забрать, карманы вывернуть на предмет документов и всяких бумаг. Начальству надо отдать, может они не в первый раз к нам ходят и уже наследили. Деньги тоже собрать, если будут. Вот так это делается, – переворачивая убитого, сказал я, и потянул винтовку из руки убитого. Она неожиданно легко пошла, но вместе с кистью, перебитой пулей и не желающей отпустить приклад. Тут в кусты кинулись остальные двое. Вдохнув, я принялся самостоятельно шарить по карманам, складывая найденное в свою офицерскую сумку и прислушиваясь к звукам их страданий.

– Ну, что, полегчало? – спросил я, минут через пять, глядя на их белые лица. – В первый раз это бывает. Ничего страшного, привыкнете. Сядьте, перекурите. Потом все-таки возьмете и спихнете их вон в ту яму, подальше от дороги, и засыпете землей. Или, может, предпочитаете на себе до кибуца тащить? А может, ходить каждый день мимо и нюхать этот аромат? Я так и думал, что нет. Придется поработать.

Между прочим, у них мешке был сыр, с черствыми питами,⁷ но кушать на глазах у моих солдатиков было бы форменным издевательством. Отдам потом на кухню. Не пропадать же добру.

* * *

Я зашел к Ицхаку раз, а потом еще раз, и начал ходить в гости регулярно. Он был единственный человек, с кем я мог говорить свободно. Я ведь не знал никого, кроме своего ближайшего окружения, а ни с начальниками, ни с подчиненными полной откровенности не будет. Тем более, спросишь иногда, почему так, а не иначе, не понимают. Так положено – и все, какой-то мудрец указания дал две тысячи лет назад.

Он был так же одинок, как и я, вечно работал один, и ему хотелось поговорить. А рассказывать он умел, и было что, даже анекдоты у него были приурочены к теме разговора. Причем, рассказывая, вечно что-то чинил, я никогда не видел его ничего не делающим. Только иногда заходил к нему уже пожилой мужик, но при виде меня моментально исчезал не здороваясь.

– Ты не обращай внимания, – сказал Ицхак мне как-то. – Фроим хороший человек, но русских он совершенно не переносит. У него всю семью в Гражданскую войну убили. Уж столько лет прошло, а как слышит слово большевики, так буквально звереет. Сам знает это за собой, вот и старается исчезнуть. А что ты удивляешься? Думаешь, только белые погромы устраивали? Он из Ростова, из купеческого сословия. Когда красные пришли, они не только казакам показали, где раки зимуют, многих постреляли. А папаша у него был сильно патристичный, на белое дело жертвовал. Вот их всех, шестнадцать душ, с малолетними детьми, к стенке и прислонили. Он один остался. Прапорщик военного времени, служивший у Деникина и выкинутый в отставку по происхождению, от большой любви к евреям у офицера. Так что и белых он тоже не любит. Вот у Махно такой ерунды не было, всех принимали.

– Ты что у Махно был? – изумился я. Образ вечно пьяного грабителя, трясущего пассажирский поезд в поисках драгоценностей, совершенно не стыковался с моим собеседником.

– Э, парень, где я только не был, и куда меня только не носило... Смотри, говорят про человека – ровесник века. В смысле, в 1900 родился. Я считаю, что наш век начался летом 1914 г. То, что было до первой мировой – еще девятнадцатый век. Джентльмены, благородные дамы, гувернантки и мужик, снимающий кепку перед барином, который вышел прогуляться к речке для аппетита и еврейские местечки, которых больше нет. Все это кончилось с первым снарядом. Только многие до сих пор не поняли. Одни ностальгируют по своей жизни в России до революции, другие отрицают все что было. Вот ты знаешь, почему многие не хотят на идиш говорить, только на иврите? Для большинства из них это отец, работающий за гроши, вечное отсутствие денег и сердобольные соседки, сами не слишком богатые, подкармливающие соседского малыша. Идиш – это беспросветная бедность, покосившаяся халупа, жалкий перловый суп и вечное отсутствие керосина. Все серое и жалкое собирается и выражается в этом языке. Ну, да – кивнул он, увидев мой взгляд. – Я и про себя тоже, поэтому их прекрасно понимаю, но сам этого не стыжусь.

⁷ Пита – вид хлебной лепешки.

– Это я как раз очень хорошо понимаю, – сознаюсь, – сам так жил, когда мать приходила с работы, еле ноги передвигая, а по ночам плакала, что мне новые ботинки купить не может. С детства слышал, посмотри на меня, я не имею образования и работаю на двух работах. Хочешь нормально жить – иди в институт и получи полезную профессию. Хочешь, чтобы тебя уважали – будь лучше других.

– В мое время, – отрицательно помотал головой Ицхак, – никто бы меня учиться не принял. Надо было деньги иметь, чтобы ехать из нашего местечка в город, да еще и процентная норма была. Ты хоть семи пядей во лбу будь, но кроме тебя желающих еще полно, и смотреть будут не на оценки, а на количество поступивших евреев. Так что с двенадцати лет пошел работать мальчиком на побегушках в типографию. А, ждешь рассказа, как я там просветился, и стал революционером. Я тоже эти фильмы видел. Ничего подобного, я с детства всякие железки обожал, встану за спиной у мастера и ключи ему подаю. Так что, под конец, лучше любого специалиста в наших машинах понимал. И политика меня не особо волновала. В общем, это я изрядно отвлекся... Еще до Великой в царскую армию призвали.

Это он про 1 Мировую, догадался я.

– Так что зацепил я войну на совесть. Не скажу, что самый большой герой был, но два Георгия имею. А еще ранение в живот, когда пуля на вылет прошла и ничего важного не задела. Всего полгода по госпиталям. Пенициллинов тогда еще не было, и в Израиле появилось, только к началу 2 мировой войны, когда фармацевтическая Тева в Петах Тикве заработала... Как пошло нагноение, так чуть не помер. Потом еще дважды в госпиталях, в общей сложности, дополнительно почти год. Так что полтора года войны я смело отсиделся в тылу. Не смешно? Ну, так я это всю жизнь слышал, где не воевал, – сказано было с серьезной злостью.

Я промолчал. Не хотелось сбивать.

– Ну, к революции был я весь из себя распрогандированный, аж до самых порток, – знакомо хмыкая, продолжил Ицхак. – Правда, неизвестно куда. Мне без особой разницы было, большевики, меньшевики или анархисты, главное штыки в землю! Домой ехать не особо рвался, сестра замуж вышла и куда-то уехала, отец давно писать перестал, еще, когда русские из прифронтовой зоны народ выселяли, так и не узнал, что с ним случилось. Так что вышел я с приятелем, на его станции, без особых мыслей. Если все равно куда, почему не здесь. А здесь – это Екатеринослав был. Махно тогда только начинал, украинцы по домам разбегались, землю делить, а я был совсем не плохой пулеметчик. Так и прижился, почти до конца в кадровом ядре. Сначала за пулеметом, потом оружейником, любую пукалку починить могу и к делу приспособить. Технику любить надо. Чистить, смазывать. Пришел с дежурства, займись, в первую очередь оружием, а не байки трави про свой героизм. Тогда и осечек не будет.

У Махно ведь как было, часть воюет постоянно, а часть постреляет и по домам. Сегодня десять тысяч, завтра одна. Зато мобильность была высокая, нас кто только не ловил – и австрийцы, и петлюровцы, и белые, и красные. От всех батька, как колобок, ушел. Есть такие люди, спокойно жить не могут, то ли всеобщей справедливости хотят, то ли красиво жить. В нормальной жизни получился бы из него, в лучшем случае, бандит. А когда все кругом горит, люди за такими идут. И воля у него, и энергия, и ум, и храбрость, и авантюризм. Рисковать ведь не каждый может. Думает, а что потом будет. А горело тогда на Украине по страшному. Власти одна другую постоянно сменяют, брат стреляет в брата. Кто за землю, кто из идейности, а кто упырь настоящий, никак кровью не насытится. Тут ведь как... Пришли, пограбили, кого-нибудь расстреляли. Сын, муж, брат пошел и в отместку кого-то застрелил. А за того, в свою очередь отомстили, и нет выхода из этого кровавого круга. Многие, видя, что творится вокруг, думают, что одни не лучше других. Хотят остаться в стороне, пересидеть. На самом деле, нельзя в Гражданской войне остаться нейтральным. Невозможно предста-

вить себе человека, которому безразлично было бы, кто победит. Все равно, тебя поставят в ситуацию, когда ты будешь выбирать. Или с мобилизацией придут, или еще чего похуже...

А евреям доставалось от всех. "Красные придут – грабят, белые придут – грабят", – передразнил он. У нас как Гитлер на СССР напал, сразу советские книги и фильмы появились, – пояснил он. – Раньше даже продавать отказывались, да и англичане не очень-то позволяли. Пропаганда. Хороший фильм, но глупый.

– Это еще почему? – обиделся я.

– А ты посмотри внимательно. Золотопогонники в красивой форме, прямо наглаженные, в атаку идут. Это они последние несколько месяцев из окопов не вылезали. Потом во главе конников мчится сам комдив, махая шашкой, и они тут же побежали. Как же, – плюнул он, – если уж офицерская часть, то воевать умели, тыловики в 1918 г к белым не записывались, по домам сидели, так что не только в психическую ходить умели. И если уж Чапаев лично в атаку идет, то он либо идиот не воевавший, а он воевал, либо совсем уже жопа настала, всех, кого мог, собрал и вперед – последний шанс. Для того вся сцена и выдумана, чтобы показать, какие умные комиссары были, и без них просто не обойтись на фронте... Э, да какой смысл об этом говорить, фильм красивый, что еще нормальному человеку надо...

Сам Махно никогда не грабил и погромов не устраивал, – вернулся он к своим воспоминаниям. – Даже боролся с погромщиками, приказы выпускал, пару раз кого-то расстреляли. Нас, евреев, много в армии было и в штабе, и войсках. Но у него была масса самого разного народа. Григорьевцы, разные Маруси, так что было и такое. Можно подумать, что буденовцы ангелами были. Там вообще пришлось дивизии расформировывать.

И вечно они все, воюя друг с другом, через махновский район ходили, так что погуляли мы по тылам и у белых и у красных. Грабить мы как раз не грабили, стали бы нас селяне поддерживать, если бы такими вещами занимались. Вот налог брали, не голодными же ходить, но по-божески и под расписку. Ну, если какой обоз разобьем, крестьянам раздавали, но и себя при этом тоже не забывали. А как иначе? Трофей, своей кровью добытый.

Да на него сильно много всякого навалили. Был Махно не хуже всяких Котовских и Щорсов, одно время с коммунистами дружил, орден за это имел. Но имел свое понятие, что крестьянину надо, а большевики все норовили забрать до последнего куска. Вот и не сговорились, а мог бы стать не хуже Буденного, если бы покладистее был. Хотя, все равно бы не дожил, – неожиданно закончил Ицхак. – Расстреляли бы в 1937 г, если не раньше, в двадцатых годах, когда в колхозы загоняли, уж очень о крестьянах заботился, и был на Украине популярным.

Что меня всегда удивляет, да и раздражает тоже – это страстное желание порассуждать о зверствах, соглашаясь, что они были или, подвергая их сомнению, согласно политическим взглядам собеседников. Все готовы поверить в зверства, совершаемые врагом, и никто – в творимые собственными товарищами по партии. Ты им приводи примеры, хоть до посинения, все равно не только не поверят, и слушать не будут. На войне все одинаковые. Если, тебя обстреляли, ты не будешь выяснять, кто там сидит. Накроешь их артиллерией, а гражданские... Что гражданские? Не повезло... Что, я не прав?...

Когда в очередной раз батя с красными договорился, наши пошли Крым освобождать. А дней через десять дней, после полного разгрома белых Фрунзе начал уничтожать своих союзников, некоторых прямо из больничных коек вытаскивали. Тот еще союзничек, бен зона...⁸

Мне повезло, когда в Крым отправлялись, я как раз в тифу валялся. Так что никогда не знаешь, где потеряешь, а где найдешь. Иногда от плохой вещи получается большой выигрыш. Побегали маленько еще по степям, но тут уж нас ловить начали настолько серьезно,

⁸ Бен зона – сын проститутки дословно.

что брали заложников по селам. Не выйдешь – всех родных расстреляют. И в 1921 г оказался я в Румынии, свободный как ветер, с пустыми карманами, хорошо еще долго в тюрьме держать не стали.

Знаешь, что делает в таких случаях еврей? Останавливает первого попавшегося прохожего, желательно с пейсами и спрашивает, где ближайшая синагога. Я в ней последний раз был на бар-мицве,⁹ в тринадцать лет. Ну не на церковную же паперть идти, милостыню просить. А там быстро поняли, какой из меня верующий и мягко избавились от моего присутствия, сведя с сионистами.

Надо сказать, что у местных евреев положение было, очень странное. Большинство даже не считалось подданными Румынии, а по документам числились иностранными гражданами. Правда, какого иностранного государства, никто не знал, потому что и они, и их прадеды родились и выросли на этой земле. А в остальном, жили как у нас до революции. Процентная норма при поступлении в университет, отказ в получении гражданства, иногда погром. Присоединили русскую Бессарабию и австрийскую Буковину, и местным евреям тоже гражданство не дали. Вроде они нелегально границу перешли. Так что представлял я из себя для местной законопослушной публики что-то вроде печеной картошки, прямо из-под углей. Выбросить жалко, а руки жжет. Неизвестно, как на меня власти посмотрят.

А сионистам я пришелся по душе. Рабочий парень, повоевал, для новой жизни вполне подходящий. Представления об этой самой жизни у них были вполне идиотские. Я это и тогда догадывался, а сейчас точно знаю. Нельзя всех на землю сажать. Сельхозинструмент, не говоря уже про трактора, на грядках не растет. Но спорить я с ними не спорил, себе дороже, ничего криминального от меня не требовалось, а работать был готов. Разве что показывал, как с оружием обращаться, но в этом для меня ничего плохого не было.

Нет, я не совсем дремучий был, про разные течения в сионистской среде слышал, но в тот момент меня это не особо занимало. Думал, приеду – осмотрюсь, если что не понравится, там видно будет. Минимальный иврит имелся, еще с тех пор, как я в детстве в еврейскую школу ходил, да и молиться не молился, но слова-то знакомые. Визу мне легко дали. Англичане только коммунистов не пускали, а я был как раз борец с коммунизмом, бегущий от советской власти. Что левее меня была только стенка, меня заранее предупредили не распространяться.

Не успел приехать, подвалил ко мне Табенкин. И тоже Ицхак...

– Какое то знакомое имя, – говорю, – вертится что-то, а вспомнить не могу.

– Вообще-то, это министр строительства в нашем правительстве и что тебе должно быть особо интересно, полюбовник нашей любимой Хавы.

– Вспомнил! Меер об этом говорил.

– Об этом все знают, не великий секрет, вот только навещает он ее в последнее время не часто. То ли отношения разладились, то ли переработался и на нее уже здоровья не хватает, не мальчик уже... Так что зашел он как-то в ночлежку, где нас, приезжих, поселили, и завел разговор. О жизни, о моих взглядах и о моем будущем. Короче, набирали добровольцев в еврейскую полицию, а он мне дает рекомендацию. Спрашиваю, с чего это вдруг, если я его первый раз в жизни вижу и выслушиваю в ответ целую лекцию об правильных политических взглядах, и героическом прошлом и исключительно правильном направлении партии Ахдут А-авода,¹⁰ которая хочет обеспечить трудящихся работой и защищать их интересы и что она взяла на себя задачу реорганизации обороны ишува.

⁹ Бар-мицва. בַּר מִצְוָה; буквально "сын заповедей", праздник наступления совершеннолетия.

¹⁰ АХДУТ ХА-‘АВОДА (אַחְדוּת הָעֵבְרִית) – сионистская социалистическая рабочая партия

Полицию-то не даром организовывать начали, как раз 1 мая 1921 г, еще до моего приезда, арабы напали на евреев, проживавших в городе Яффо. Пострадали евреи, проживавшие в арабских кварталах, а "Дом для приезжих", вроде такого, в каком находился я, был осажден толпой. Когда подошел отряд арабской полиции, осажденные, были уверены, что это подмога, но полиция присоединилась к толпе и у них были винтовки и гранаты. Убили тринадцать евреев, в том числе одну женщину и десять ранили.

На следующий день погромы перекинулись на ближайшие населенные пункты, охватив в течение нескольких дней Петах-Тикву, Хадеру и Реховот. Два небольших поселка – Кфар-Саба и Эйн-Хай – были оставлены местными жителями и разрушены до основания. В ходе беспорядков погибли 47 евреев (практически все – в Яффо и его окрестностях) и 48 арабов, 146 евреев и 73 араба были ранены. Не удивляйся, нам эти цифры столько раз повторяли, что я до сих пор помню. Именно с этого началось образование государства.

Только вмешательство английской армии позволило остановить кровопролитие. После этих событий и губернатор и решил создавать еврейскую полицию. Вот Табенкину и нужны были люди с опытом. Похоже, меня румыны сильно перехвалили. Но с чего мне было сопротивляться? Никаких странных предложений он мне не делает, наоборот помочь хочет. А то, что думает, что я ему в будущем пригожусь, так это совершенно нормально. Может, и пригожусь, а может и он мне понадобится, кто ж его знает. Так что согласился я на заманчивое предложение и через пару дней уже зубрил устав патрульной службы.

– Так с чего все-таки к приезжему обратился? Ведь у него своя партия была.

– Какая там партия, я ж тебе рассказывал про население Палестины. В 1921 г евреев вообще тысяч под семьдесят было. А в партии у него было пару тысяч членов. По местным масштабам ого-го! А на самом деле – каждый человек на счету.

А жизнь в Палестине была в те времена изрядно бурная. Кроме постоянных проблем с арабами, были еще свои собственные, внутренние проблемы. Ты ж слышал про двух евреев, у которых три мнения? Все слышали... Лейбористы организовали свой собственный профсоюз – Гистадрут и не членам партии работу не давали. Если кто-то шел в обход биржи труда, напрямую к хозяину, его называли штрейкбрехером и били. Всерьез били, до больницы.

А в стране не только гистадрутовцы проживали, но и другие были. Бейтаровцы, религиозные, общие сионисты, просто не желающие политикой заниматься. Так доходило до того, что бейтаровцы здание построят, а потом приходят гистадрутовцы и все в пыль ломают. Причем, приходят толпой, если кто сопротивляется, голову влегкую проломают. Так, со временем, бейтаровцы стали второй толпой собираться и вперед, большая драка с членовредительством. А мы, полиция, их разводить в разные стороны должны. Вот так я и с Меером познакомился. В запале людям не сильно интересно, кто там разнимать пытается, от обеих сторон прилетает. Так что и мы не стеснялись и дубинкой по ребрам и водометом с пожарной машины. Кому не повезло, что под руку попался и сразу ручки не поднял, могли навалить по самое немогу... Ты еще не спишь?

– Нет, слушаю, мне интересно. Ничего такого нам в Легионе не рассказывали.

– Так у вас там все советские были, или, если поляки, не шибко большие сионисты, если не уехали в тридцатые годы. Им такие вещи малознакомы и совсем не интересны были.

– Но были же и израильские офицеры.

– Что, ниже комполка? Вот видишь, много ты с ними общался, со своего взводного уровня. Да и, черт его знает, может им агитацию там у вас, запрещено было проводить. Посылали-то в Союз практически одних коммунистов. Они бы послушаться не посмели.

– Вот прямо так, – усомнился я.

– Именно так. Я в полиции одно время по коммунистам специализировался, наш начальник, английский майор, сэр, – это он произнес издевательским тоном, – Морин считал, что я их по старой памяти зубами грызть буду.

– А ты не грыз?

– Это, смотря кого. Некоторых с удовольствием сажал, а некоторые очень приличные люди, просто представляли себе коммунистов не по практической жизни, а по лозунгам. Лозунги-то у них всю жизнь правильные, исполнение подкачалось. Так что как начнут друг друга дубасить красные с синими и коричневыми, тут у полиции самая работа и начинается.

– При чем тут фашисты? – изумился я.

– Какие фашисты? А, ты про коричневых... Так это еще в двадцатых бейтаровцы в коричневой форме ходили. Про Гитлера тогда мало кто и в Германии знал. Когда штурмовики заметными стали, цвет формы срочно на серый поменяли. Я думаю, зря. Это не мы на них похожи были. Это они у нас украли. Можно было посмеяться, как эти придурки евреев не любят, а сами им подражают.

А, кстати, были и фашисты. В Палестине была немецкая колония, в смысле натуральные немцы, тысячи три человек. Так половина из них в НСДАП состояла. Как война началась, всех, кто к арабам удрать не успел, забрали и в лагерь. Где-то полгода сидели, а потом поменяли голову на голову. Как меняли – не знаю, но война кончится – без скандала не обойдется.

– А в чем проблема? Что плохого в обмене? – удивился я.

– Тут вопрос, кого меняли и на каких условиях. Ведь всегда будут люди спросившие, а почему не моего сына-брата-свата, а вот этого. Вот чем он лучше? Чисто с человеческой точки зрения они правы. А как было выбирать? Жребий что ли бросать? Тоже ерунда. Так что это дело долго еще всплывать будет.

Да, про те времена... Чем дальше, тем хуже все было. Где в школах или училищах больше гистадрутников, травили бейтаровцев, где наоборот – тоже не особо стеснялись. Дети-то иногда более жестоки, чем взрослые. На заводах и фабриках – та же история. Уже начали стрелять в воздух и пугать друг друга огнестрельным оружием. В газетах прямо писали про начало гражданской войны. Вечные забастовки, демонстрации и мордобитие.

И все-таки мы оказались умнее всех этих революционеров. Ленин, Троцкий, Сталин, Гитлер и вся ихняя свора только и умели добиваться своего силой. Взял соперника и под корень, вместе с ближайшими родственниками и партией, заодно. Много плохого можно сказать про наших собственных политиков, и глупости делали и говорили, и из-за сиюминутных интересов упускали большой выигрыш в будущем, одно у них не отнимешь, они договорились, не доходя до момента, когда свои своих режут за слово. В 1927 г Бен Гурион и Жаботинский подписали два соглашения. Если очень просто, можешь болтать что хочешь, но никаких физических акций и не принимаются никакие оправдания, если это происходит. Все профсоюзы имеют равные права и в случае споров арбитраж с участием незаинтересованных лиц.

– А может, просто ни у кого не было явного перевеса?

– Может и так, только когда это останавливало очередного жаждущего власти? Подожди рейхстаг, и вводи чрезвычайное положение. Почему кнессет не поджечь? Уступил Бен Гурион, позволив другие профсоюзы, но и Жаботинский уступил. Он имел организацию, в которой уже многие рвались взять за горло противника, оружие у них было, очень много молодых, не боящихся за семьи. Там кровищи бы было, если бы Жаботинский спустил своих ребят с поводка, реками бы текла. Десять лет с тех пор прошло, многое изменилось в стране. Но не сажает Бегин Бен Гуриона за его высказывания и не стреляют из пулеметов, по очередной демонстрации требующих сменить правительство. Вот дубинки, бывает, и применяют, против особо горячих.

Ура, – радостно сказал он, прикладывая часы, в которых все это время ковырялся, к уху. – Идут! Брал бы я с кибуцников деньги, давно бы собственный дом имел. Слушай, а может тебе приличный учебник истории страны дать? Есть такие в университете.

– Я как-нибудь потом почитаю, когда газеты не только читать, но и понимать начну. У меня пока с этим плохо.

– Тоже, правда, слушай лучше меня, я плохому не научу, только очень плохому, – и он дребезжащее, рассмеялся.

* * *

Газета А-Арец

Выступая 8 мая с речью по радио по случаю капитуляции Германии, премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил:

"Вчера утром в 02 ч. 41 минуту в штабе генерала Эйзенхауэра представитель германского верховного командования и назначенного главы германского государства гросс – адмирала Деница генерал Йодль подписал акт безоговорочной капитуляции всех германских сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил в Европе перед экспедиционными войсками союзников и одновременно перед советским верховным командованием.

Газета Ха-машкиф

Президент США Трумэн выступил 8 мая по радио со следующим заявлением: "Это торжественный, славный час. Как я хотел бы, чтобы Рузвельт дожил до этого дня. Эйзенхауэр сообщил мне о том, что войска Германии капитулировали перед Объединенными нациями. Знамена свободы реют над всей Европой. За эту победу мы совместно благодарим Провидение, которое руководило нами и поддерживало нас в тяжелые дни бедствий.

...

Президент Соединенных Штатов Америки настоящим объявляет воскресенье 13 мая 1945 года днем молитв. Я призываю народ Соединенных Штатов, независимо от вероисповедания, объединиться, вознося радостную благодарность Всевышнему за достигнутую нами победу, и молиться о том, чтобы он поддержал нас до конца нашей нынешней борьбы и вел нас по пути к миру.

Газета Ла-мерхав.

"Сегодня, – сказал В. М. Молотов, в Москве опубликован акт о безоговорочной капитуляции Германии! Мы пришли к долгожданному дню победы над гитлеровской Германией. В этот день наши мысли устремлены к тем, кто своим героизмом и своим оружием обеспечил победу над нашим врагом, над смертельным врагом Объединенных наций. Навсегда будет свята для нас память о погибших бойцах и о бесчисленных жертвах германского фашизма. Мы честно выполним наши великие обязанности перед инвалидами войны, перед осиротевшими семьями. В день разбойничьего нападения Германий на Советский Союз Советское

правительство заявило: "Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами".

* * *

О Победе узнали, вернувшись с очередного маршрута. Я собрал всех, в первый раз за все время надел ордена. Сидели молча за накрытым столом. В центре пять бутылок водки. На каждого пришлось граммов по сто. Ждали, что я скажу.

— За тех, кто умер, чтобы мы жили, — сказал я и выпил.

Никто не спал, люди праздновали. Со стороны кибуца доносились женские радостные визги и время от времени стрельба. А у меня на душе было муторно. Умом я и раньше понимал, что возврата нет. Скорее всего, я записан дезертиром. Теперь война кончилась. В лагерь мне совершенно не хочется, наслушался я от своих солдат, что это за место. Хорошо еще, что никого у меня там, в СССР, не осталось.

Мои ребята запалили здоровенный костер и тоже устроили шумное веселье. Я устроился на ступеньках у входа в барак и наблюдал, как, прикрывая спинами, они передавали друг другу бутылки. Наверное, думают, что я не замечаю. Наивные, не всегда нужно реагировать, даже если видишь. Иногда, бывают случаи, когда надо дать возможность вздохнуть свободно.

Тут попытался запеть Дов. У него не было ни слуха, ни голоса, но огромное желание исполнить погромче. Только совместными усилиями его удалось заткнуть. После спора запели хором. Я не в первый раз такое слышу, по радио часто передают, и не могу понять, как к этому относиться, мелодия знакомая, какая-нибудь «Катюша» или "Синий платочек", слова ивритские. Иногда совпадает, иногда ничего общего. Вот "Жди меня", Симонова, один-в один, а мне не нравится. Нельзя стихи правильно перевести, совсем по-другому звучат, хотя это дошло до меня гораздо позже. Чтобы это понять надо говорить свободно на обеих языках. Потом завели воинственные марши — "От Дана до Беер-Шевы", "Тебя я не забуду", "Верь, наступит день". Это по радио регулярно гоняли, и даже я умудрился выучить.

Рядом села Анна.

— Скажи, почему ты так относишься, к нам, девушкам. Я знаю, что Юдит, Нина и Марьям не могут, вытянуть физически то, что требуется, но я и остальные?

— А что, это так заметно? — удивляюсь.

— Мне — да.

— В тылах, — тщательно подбирая слова и не только от плохого знания, но и пытаясь донести мысль, говорю, — как медики, машинистки, повара, связистки, зенитчицы, технический персонал женщины очень полезны. Но на переднем крае женщины находиться не должны. Ты просто не знаешь что такое настоящая война. Грязь, пот, вши — это не для женщин. Но самое страшное, даже не быть убитым. Страшно, когда осколок в живот и никогда больше не родишь. Мужчина инвалид — это не сильно красиво, но женщина без ноги, никогда не выйдет замуж. А самое плохое — попасть в плен. Ты не представляешь, что в таких случаях бывает.

У костра кто-то достаточно громко сообщил, что они то еще повоюют. Арабы никуда не денутся. Голос был изрядно поддатый. Вроде всего три бутылки на тридцать человек угостили. Совсем еще дети. Или я все-таки, не все видел? А, сегодня можно. Потом, все равно, все с потом выйдет. А пока нечего здесь торчать, может начаться стадия, когда им захочется про войну послушать. Я такие вещи не люблю. Кто много треплется, тот ее, скорее всего, вблизи не видел. У каждого свои воспоминания и мне ни с кем этим делиться не хочется, а тут даже смерть другая. Трупы на жаре долго не лежат и вздуваются. А в пустыне, говорят,

наоборот, ссыхаются в мумии. Неудивительно, что и евреи, и арабы стараются хоронить на следующий день. Даже в религиозные нормы записали.

– Извини, Анна. Я пойду. Скажи всем, завтра выходной кроме караула. Я в мастерскую.

* * *

– Это хорошо, что ты пришел, – обрадовался Ицхак. – вот это тебе знакомо? – спросил он, кивая на разложенные, на верстаке детали.

Я посмотрел внимательно.

– И что особенного? МП-43. Штурмгеве. У эсэсовцев в конце войны такие были. Прицельность паршивая, патроны, какие-то не стандартные, не достать. Рукоятка, правда, удобная. Мы такие даже не подбирали.

– Ты ничего не понимаешь, – сказал он и постучал твердым, грязным пальцем меня по лбу. – Учись думать не только о том, что у тебя под носом. Мы сейчас имеем или американский «Гаранд», или собственный «Узи». Автомат Карми так большими сериями и не выпускали, слишком много недостатков. «Стены» – это вообще штамповка военного времени. Все остальное мелкими партиями. Война кончилась, ленд-лиз тоже.

«Узи» хорош разве что пастухов пугать, трещит, как трактор, и толком не прицелишься, зато в танке места мало занимает. А покупать новые винтовки у американцев – сильно накладно будет.

Теперь смотрим на эту вещь, – он любовно погладил автомат. – Магазин большего объема, Дальность не хуже чем у винтовки, может стрелять очередями. Никакие немцы с нас ничего не получают, не хватало еще лицензии, у этих скотов покупать. Надо кое-что переделать. Затвор мне не нравится, калибр тоже не подходящий. Переключатель режима стрельбы лучше сделать слева. Тогда можно заряжать, не убирая правой руки со спускового крючка. Стрелянная гильза, тоже должна лететь вправо, чтобы себе же за шиворот не получить. Если сделать, как следует, будет у нас собственная винтовка.

– А патронный и пороховой заводы ты уже построил? – скептически спросил я.

– Всеу свое время, – задумчиво сказал он. – Чтоб ты знал, есть в Израиле свое производство патронов, «Таасия» много чего выпускает и по лицензии и свои разработки – минометы малого и среднего калибра, боеприпасы, мины и взрывчатку. Еще в 1938 г наши купили оборудование для производства боеприпасов и оружейные технологические линии. А в войну мы не только себя обеспечивали, но и по обратному ленд-лизу американцам поставляли.

Я, собственно, о чем рассказать хотел? Тут, пока тебя не было, приезжал товарищ Табенкин. Это он мне попутно задачку подкинул, да не сам, кто-то ему идею дал. Сам он больше по политическому направлению. Встанет, и речугу толкнет про сегодняшний момент. И все вроде бы правильно говорит, но как-то так оказывается, что исключительно его партия знает что делать. И партии уже давно нет, сначала объединились в МАПАЙ, потом в МАПАМ, а все равно он лучше всех все знает. Очень ему было охота с тобой повидаться, а ты, не вовремя смылся. Он прекрасно знал, что ты в это время на стрельбище обычно ходишь. Хотя, – задумчиво сказал он, – может это и к лучшему. Ляпнул бы что-нибудь про нелюбовь к партийным функционерам, а они такого не прощают.

Кибуцы – это его любимое детище, всегда поможет и заступится. Естественно, за свои, социалистические. Есть в стране еще и религиозные, хотя и мало. Да и для выборов очень полезное дело красиво помочь, в кибуце же как, все дружно проголосуют, как начальство сказало. После выборов бюллетени пересчитывают, сразу будет видно.

– Так они ж анонимные!

– Ну, великая проблема. Все о всех, прекрасно знают, чем человек дышит. Если из ста двое проголосуют за другую партию, сразу понятно кто. А про то, что все знают, я не для красного словца. Хочешь, скажу, кто из твоих вчера, стреляя, траву поджег или кому плохо стало на тренировке?

– Ты-то откуда все знаешь, ты ж только с поля вернулся, опять свой любимый трактор перебирал?!

– О! Это великая и тайная мудрость! У нас тут два основных развлечения. Работа и сплетни. А разговоры в кибуце делятся на три группы. О сельском хозяйстве говорят очень конкретно, и постороннему мало понятно и не интересно. На втором месте пережевывание костей друг другу. Кто получил больше, чем другие, кто сделал меньше, чем другие. Это ж какое удовольствие рассказать в свежие уши занимательную новость!

И, наконец, третья, очень важная тема для обсуждения. Политика. Когда мы основали кибуц, вся группа была с очень левыми взглядами. Естественно, своим всегда легче договориться, чем спорить по каждому поводу. И, хотя, он серьезно разросся в конце тридцатых, руководство, кроме меня, осталось прежним. Так что прием новых членов был не столько по деловым качествам, сколько по политическим взглядам. Но даже такому постороннему, как ты, должно быть видно, что внутри, кибуцники делятся на две неравные группы. Практически все начальство «поляки», работники – "румыны".

– Я заметил, это действительно бросается в глаза...

– Значит, не совсем дурак, – «похвалил» Ицхак меня. – Так что страсти кипят нешуточные. А мне любят пожаловаться, знают, что не передам дальше. Кстати, ты с тренировками не шути. У нас тут не Россия. Когда хамсин, ветер дует из пустыни, температура градусов под сорок, надо постоянно и много пить. Лучше пусть с потом выходит, чем тепловой удар получить. От этого, бывает, умирают. Следи постоянно, чтобы вода во флягах была и чтоб пили, даже через силу.

– Да, мне говорили, – с досадой ответил я. – Но они ж совсем мальчишки, все выпендриваются и передо мной, и друг перед другом. Вот я, весь, какой! Пока не свалился я и не знал.

– А ты не спрашивай, заставляй. У нас, одно время, сильно умные врачи обнаружили специфическую болезнь у европейских евреев – камни в почках. В несколько раз чаще, чем у африканских и азиатских. Потом оказалось, что просто надо больше пить. У молодого поколения таких проблем нет, во всяком случае, не больше чем у остальных. Я после этого к врачебным рекомендациям с большим подозрением отношусь. Лучше послушать местных безграмотных феллахов, у них эти рекомендации жизнью выработаны.

Ладно, возвращаясь к нашим баранам... Мой тезка ведь совсем не дурак, здешние расклады прекрасно понимает. Кроме Вольфа, ему еще кто-то докладывает о местных делах, никак не могу вычислить, – с досадой сказал Ицхак.

– Так что он имеет независимый источник и меня обязательно проведать, по старой памяти заходит, поговорить и послушать. Мне еще и поэтому жалуются, через меня иногда помогает. По жизни-то он не вредный, обязательно что-нибудь притащит, вроде как починить, знает, что так просто подарков не возьму. Так что расспросил он меня, кто ты, что ты. Сам понимаешь, и Хава вечно на мозги капает, и из-за такой ерунды с Эльдадом цепляться не хочет.

– А это еще кто такой? – с интересом спросил я.

– Ой, вэй, сколько в тебе еще наивности, – демонстративно застонал он, хватаясь за голову. – Ты что, до сих пор не знаешь, что министры у нас политические назначенцы, речи говорят, а заместители у них занимаются делом. У министра обороны Бегина заместитель Израэль Эльдад. А Дейч его человек, только не ляпни ему, что это я сказал. Еще с тех пор, как мы на пару оружие воровали, он эту тему не выносит.

– Так, так, – поощрительно сказал я. – Израиль в моих глазах стремительно сжимается, теряя ореол романтизма. Кибуцник-анархист на пару с замминистра-ревизионистом воруют оружие со складов. Кого-нибудь, из религиозных партий с вами не было?

– Я тебе позже расскажу подробности, ты сейчас меня с мысли не сбивай, – сердито ответил Ицхак. – Так что дал я тебе самую лучшую характеристику. Профессионал, орденами награжден, два года с фронта не вылезал. Тебе что бейтаровцы, что лейбористы – никакой разницы, желаешь карьеру сделать, а то очень обидно из комбатов во взводные и самое главное комсомолец, причем не из фанатиков, понимаешь про наши специфические национальные проблемы. А ко мне исключительно трепаться по-русски ходишь, а то достали всякие Абутбули.

Я молча качался на табуретке.

– Вот сломаешь, заставлю самого чинить, – пригрозил он. – Ты чем-то недоволен? Вроде ничего и не соврал, а как ты сюда заехал, он и без меня прекрасно знает. Об этом в нашей армии только собаки не в курсе.

– Неприятно как-то я выгляжу, в твоём пересказе.

– Ну уж, как смог, так и сказал. Ваши официальные характеристики тоже не больно красивые.

– Можно подумать ты читал наши армейские документы.

– А читал, – злорадно ответил он. – В Испании. Большую занудность только у израильских бюрократов найти можно. Потом, – отмахнулся он от меня. – Дай, наконец, закончить. Я в высоких сферах давно не вращаюсь, но навыки ещё не все растерял. Ничего он прямо не сказал, но разменяют тебя.

– Это, в каком смысле?

– А на повышение сплавят. С неудобными так иногда поступают. Выгонять, скандал будет, вонь до небес. А если повышать, то вроде бы жаловаться не на что. Зато отсюда уберут. А биография у тебя как раз под это дело, практически партийный попутчик, но совсем по другому ведомству. Все при своём интересе остаются. Дейч получит что хочет, и Хава будет довольна. А если что, он тебе не постесняется напомнить, что это от него повышение зависело.

– Наверное, я действительно, тупой, – с тоской сообщил я. – Какой отношение имеет министр строительства к назначениям в армии?!

– Никакого, – терпеливо ответил он. – Тут все идет по принципу ты мне – я тебе. Я проголосую за необходимое тебе решение, а ты – за нужное мне. А лейтенант Томский, так, попутный вопрос. Можно из вредности шум поднять, а можно все решить втихую, каждый вроде уступает, а на самом деле все в выигрыше.

Так, – сказал он, разглядывая меня. – Похоже, на сегодня, с тебя хватит. – Это дело надо переварить, и для этого надобно выпить. Тем более и повод такой замечательный. Победа над Гитлером, пусть ему не будет покоя и на том свете, не каждый день бывает. Он разлил в кружки прозрачную жидкость из десятилитровой канистры, стоящей в углу. – За Победу и пусть все наши враги сдохнут, как этот сдох!

Мы дружно выпили. – Слушай, – спросил я изумленно. – Это что такое? Не фабричное, и не самогон. А лучше продажной.

– Собственное производство, – гордо ответил Ицхак. – Двойная перегонка, фильтрация, в продажу не поступает. Цени! На вот, закусывай, – протянул мне печеную картошку. – Больше все равно ничего нет. На кухне нельзя брать что-нибудь для себя, даже холодной воды. Это мы сделали вполне сознательно, или едят все, или никто. Не знаю, бывают ли желающие, но при мне нарушителей не ловили. Теперь иногда думаю, что мы с этим делом перемудрили. Девки ненавидят работу на кухне. Это для них страшно унижительно именно потому, что это более легкая работа. Не надо охранять по ночам поселок, а утром идти на

тяжелую работу – строить, собирать урожай или махать тяпкой в огороде. Для молодых дуручек – это вроде попытки признать женщин слабыми и не полноценными, поставить мужчину выше по положению, и нет для наших кибуцниц ужасней наказания, чем послать на кухню. А в результате и едим одно и то же, не сильно умело сваренное. Это не только у нас. Это везде так.

– Слушай, а ты и Изю знаешь? – с интересом спросил я.

– Ты про своего комбата? Он из другой алии, уже после образования государства приехал. Но, – Ицхак усмехнулся, – естественно я его знаю. Я ж тебе говорил, что у Меера в батальоне служил, он тоже. Ты не смотри, что он вечно скалится, Изя мужик железный, когда надо, его с места не сдвинешь, и за своих людей горой стоит. У него еще то семейство... Когда вместе собираются – крик стоит до небес. Смотри, когда эмигрант приезжает, у него, обычно, две реакции. Причем, очень много зависит от того, чего он добиться смог. Или он все вокруг проклинает, или такой большой патриот, что испугаться можно. Потом, через несколько лет, люди привыкают и это сглаживается. Но молодые очень часто в крайности ударяются.

Так у него дочка замужем за очень религиозным йеменитом, он в жизни у них в доме в рот ничего не возьмет, куча детей. Один сын, лейборист, обожающий Сталина, женился на йекит. Ну, на репатриантке из Германии, – пояснил он на мой недоуменный взгляд. – У этой все должно быть чисто, наглажено и во всем порядок, но ей подавай сионизм без социализма. Двое детей замечательно воспитанные, но появились по строгому расписанию. Ты что еще про немецких евреев анекдотов не слышал? Про то, как на стройке передают друг другу кирпич: "Бите, господин Вайс" – "Данке шен, господин Шульц". Про них говорят, что если с парохода спустился, и в руках скрипки нет, значит, доктор или юрист.

А второй, вообще, состоит в "Кооперации и братстве". Есть такая партия, абсолютно без политических взглядов, им подавай свободу в экономике. Перед войной нашел себе китаянку, папа харбинский еврей, глаза такие узкие, – он показал какие. – Сам Изя, кому хочешь, за Жаботинского в глаз даст. Одна несчастная Фаина бегает между ними и с каждым соглашается. Ты вот знаешь разницу между сефардской и ашкеназской¹¹ мамой?

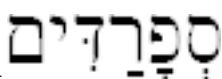
– А есть разница? Я всегда думал, что еврейская мама ничем не отличается от другой.

– Есть. У сефардской, каждую субботу дети собираются и дружно кушают, ласково кивая друг другу, хотя за дверью вечно орут и ругаются. Она, перед этим, всю неделю готовится, варит-парит, моет. Если денег нет, займет. А ашкеназская, всю жизнь, копит для детей на учебу. Вот, что лучше, честное слово, не знаю.

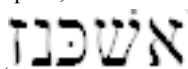
– А я вот не понимаю, да на самом деле меня просто бесит, это ваше общее воспитание. Убеждение кибуцников, что в общем коллективе им будет лучше, чем с родителями. Мать и отца никто не заменит. Я то знаю, что такое жить без мужчины в семье, когда мать с утра до вечера на работе. Самостоятельность это воспитывает, что правда, то правда. Но ведь так хочется иметь самого лучшего и самого умелого, чтобы хвастаться перед окружающими. Это не говоря уж о простой ласке.

– Это, – после паузы, сказал Ицхак, – палка о двух концах. С одной стороны, вырастут они в большом коллективе, с одинаковыми интересами и правильным воспитанием. Другому взяться не откуда. А с другой стороны, ты прав. Родителей никто не заменит. Только когда

¹¹ Сефард и ашкеназ –

, сфарадим. потомки евреев, изгнанных в 1490-х гг. с Пиренейского полу-

острова или покинувших его впоследствии, в 16–18 вв. АШКЕНАЗ (אֲשְׁכְנָזִי), библейское название страны и народа, обитавшего в ней. Ашкенази – немецкий еврей или потомок немецких евреев. В основном выходец из Восточной Европы.

все это начиналось, ничего тут вообще не было. Ни деревьев, ни травы, ни домов, ни воды. Тем более не было огородов – один сплошной песок. Поставили забор, вышку и несколько палаток. Летом в них дышать было невозможно от жары, а осенью и зимой постоянно заливало. Если бы женщины сидели с детьми, так бы до сих пор и жили. А, задним числом, выдумали про равноправие и прочие глупости. Просто нужны были рабочие руки...

– Ты про оружие удивлялся, – заговорил он после второй. – А дело было так... В октябре 1933 г арабы объявили, что хотят провести демонстрацию в Яффо против еврейской иммиграции. Последовало запрещение правительства. Демонстрация все равно состоялась, превратившись при этом в буйство. Полиция приказала разойтись, демонстранты отказались. Британский офицер майор Фарадей приказал стрелять. Семь убитых и раненых.

В ответ начались убийства арабами евреев. Сначала в Яффо, несколько человек. Убийцы были не местные, а сирийские нелегалы. В конце двадцатых годов в Сирии была засуха и большие проблемы, а у нас можно было заработать. Границы практически не было, ходи куда хочешь, так что многие приехали в города. То, что у нас считалось низким заработком, для них были приличные деньги, можно было даже посылать домой. Вот только, со временем, они начинали сравнивать, и понимали, что на них наживаются. А их еще и подуживали, тыкая на нас пальцами. Вот если бы не евреи, занимающие рабочие места, сколько бы мест было, чтобы заработать. И в голову не приходило, что без нас и этих мест не будет. Когда убийства начались, полиция ловила их сотнями и высылала назад, в Сирию. Тут уж и не виновные, под общую гребенку угодили.

Потом высший мусульманский совет объявил всеобщую забастовку. Требования – передать политическую власть арабскому большинству, запретить продажу земли евреям, запретить еврейскую иммиграцию в страну. Если условия приняты не будут, начнется вооруженное восстание. Они объявили призыв не платить налоги. Молодые люди следили за арабскими магазинами в городах и деревнях, чтобы гарантировать участие. Неповиновение наказывалось смертью.

Арабы перестали продавать овощи, фрукты, яйца, молочные продукты. С плантаций ушли садовники, из Яффского порта докеры. Шоферы-арабы не вышли на работу, и общественный транспорт остановился. Любая машина на дорогах обстреливалась, так что одно время, самая опасная профессия была водитель.

За исключением главных дорог и мест, в которых дислоцированы воинские части, власти практически потеряли контроль над широкими районами страны. Началось вырубание посадок плодовых деревьев и поджоги на полях. За время забастовки убито 80 и ранено около 400 евреев, уничтожено 1700 дунамов пшеницы и более 200 тыс деревьев вырублено, совершено более 380 нападений на автобусы и поезда. Все железнодорожные станции между Иерусалимом и Лодом были сожжены, также станции между Лодом и египетской границей. При нападениях в Беер Шеве, Хевроне, Бейт Лехеме и Рамалле подожжены почтовые отделения, здания муниципалитетов и полицейские участки. Правительство объявило забастовку незаконной и ввело военное положение. Арестовывали известных лидеров.

В Яффо по вечерам вооруженные группы арабов обстреливали и забрасывали гранатами здание полиции, полицейские патрули и солдат. Нападавшие уходили в старый город, касбу¹² с ее узкими и кривыми улочками.

18 июня 1934 г в город нагнали почти полторы тысячи солдат и полицейских, Жителей домов вывели силой, кто сопротивлялся – прикладом по роже, и армейские саперы три недели сносили дома. Проложили через касбу две шоссейные дороги. Сейчас в Израиле, в городах, построенных еще до массового приезда евреев, только в одном месте нет старого

¹² Касба, от араб. касаба – город, первоначально самая старая или укрепленная часть города.

района. В Яффо. Было еще несколько случаев сноса деревень после обстрела воинских подразделений из них.

Арабы хотели сделать хуже нам, а сделали хуже себе. Везде, где они работали, теперь принимали на работу евреев. Даже если бы они захотели вернуться, место уже было занято. Хайфский порт перестал работать? Моментально начали строить еще один, возле Телль-Авива. А докеров набрали в Салониках. Там очень давно жила еврейская община, специализирующаяся на морских перевозках и рыбном промысле. У нас, даже сейчас, ткни пальцем в моряка или портового рабочего – обязательно из Греции.

К 1933 году, – продолжил он, опрокинув очередную кружку, – я дослужился до заместителя полиции Хайфского района по технической части. Начальник, естественно англичанин был, а заместитель еврей. Они хоть и создавали "еврейский дом", но про контроль не забывали.

У меня в подчинении было все, что имело отношение к оборудованию, починке, снабжению. Очень хорошая должность, – довольным тоном сообщил он. – Все через меня шло. Хочешь новую машину, починить старую или поломал какую мебель, лупя об нее головой подследственного – все ко мне. Или конфискант. Тут решать надо, что можно в управлении оставить, что в продажу пустить.

Уж я насобачился, инструкциями вертеть. Кому хочу дам, кто мне неприятен – зажму. И позвал меня как-то Меер в гости. Это уже начало 1934 г было... Да, февраль. То, что творилось в стране, никого не устраивало. Армия может воевать с армией, а ловить людей, когда он выстрелит в проезжающий автобус, винтовку быстренько в заранее приготовленную яму спрячет и продолжает ковыряться в земле, как ни в чем не бывало, она не способна. Разве что, как немцы, всю деревню спалить. Так это только хуже. Кровная месть у арабов на первом месте.

Полиция даже в городах не справлялась. Заходит такой, нормально одетый, просит попить, а когда спиной поворачиваются – стреляет. Двух еврейских медсестер, работающих в арабской больнице, прямо на улице вечером убили. Никого не нашли. Вот и требовали руководители Эцеля¹³ начать отвечать ударом на удар.

Только это легче сказать, чем сделать. Оружие надо, и много. Ну и сделали мне предложение, как старому знакомому. Там, где списывают, или под пресс пускают поломанные или конфискованные стволы, из двух не работающих можно сделать один стреляющий, а списать оба. А возможности у меня были. Да мои ребята, если им правильно намекнуть, тоже не против помочь были. И с таможенниками у меня возможность договориться была. Им необязательно знать про оружие было. Мало ли что в бумагах пишут, надо только вовремя глаза закрыть, особенно, если платят неплохо.

Национальный еврейский комитет принял решение ввести дополнительный добровольно – принудительный налог на всех евреев, по состоянию здоровья или по иным причинам не участвующих в «Хагане» и «Эцеле». Так что деньги были. Теперь уже не было разделения, между тобой и твоим вчерашним товарищем из другой партии, потому что кто-то думает иначе. Кровь у всех одинаковая.

В июле 1934 г арабы угнали британский полицейский автомобиль-фургон, у них также имелось несколько припасенных полицейских униформ, так что никому не пришло в голову их останавливать. В укромном месте машину набили взрывчаткой и удачно припарковали прямо у центрального входа в газету "Палестайн Пост". Взрыв был страшным. Все стекла в окружающем квартале выбило, внутри здания рухнули перекрытия. Повезло, что время было обеденное, и почти никого в доме не было. Только охранников побило обломками.

¹³ "Хагана" и Эцель – полулегальные организации самообороны. От лейбористкой и ревизионисткой партий соответственно.

Это нужно было в ответе. И тут, как раз, случилась большая удача. Разведка «Эцеля» засекла собрание в арабском квартале Катамон, а гостинице. Опознали Хусейни, муфтия Иерусалима, главного подстрекателя, которого давно уже разыскивали и англичане, и евреи. А, кроме того, там был Абдель Кадер, из его клана, очень известный в те времена командир и еще с десятков их товарищей. Время было мало, очень боялись, что они успеют уехать. Вот и сработали по той же схеме. Полицейская машина, полицейская форма и бидоны из под молока, набитые толком.

Он скрипуче засмеялся.

– Та, еще история, с бидонами. Ты, наверное, не видел, в городах выставляют на порог пустой бидон, подъезжает молочник и меняет на полный. Вот мы их и своровали. Трясешься не столько с того, что поймать могут – это мелочь, в конце концов. Ужасно, что тебя, взрослого человека и на не маленькой должности, кто-то знакомый увидит за таким занятием... В общем, затащили бидоны в подвал, поставили у несущих колонн и быстренько рванули оттуда. Когда взорвалось, дом буквально сложился внутрь. Тридцать семь человек погибло и наши цели тоже.

И тут я влип. Слишком много следов осталось, машины, форма, взрывчатка со складов. Через два дня меня уже следователи кололи. Только ничего они не доказали. Все следы ко мне, а доказательств ноль. Показаний никто не дал, отчетность по складам в порядке, никто меня не видел. А за каких то боевиков я не в ответе. Ну, доказать не доказали, а выгнали с работы со страшным пинком в зад. Похоже, мне хватит, в голову ударило, – неожиданно закончил он, закручивая пробку у канистры. – И тебе тоже. Праздник, праздником, а вставать и работать завтра рано.

– Послушай, – сказал я, – а ведь, если подумать, они ведь в своем праве. Приехали чужаки, землю забрали и хотят сами править. С какой стати?

– Ты это черкесам скажи, – которые в Израиле и Иордании живут, – сердито ответил Ицхак. – Приехали русские на Кавказ, все отобрали, выгнали и желают править. Их что кто-то звал? Нет. Можешь то же самое сказать каким-нибудь вогулам или казахам. Вся разница, что вы это сделали на пару столетий раньше. Все уже привыкли, что это русская территория, а мы только вчера хозяевами стали. Через двести лет никто и не вспомнит, что был такой Хусейни.

А землю мы до образования государства никогда и ни у кого не отнимали. Покупали здешние пески и камни, по цене в десять раз дороже, чем чернозем в США. Там сто долларов, красная цена, а здесь тысяча за такой же кусок. Даже за никогда раньше не обрабатываемые земли, что англичане давали, платили. Кстати, те же черкесы из Абу Гош, прекрасно себе живут в Израиле. Когда драка началась, они сразу парламентариев послали и к евреям, и к арабам. Не трогайте нас, и мы будем сидеть тихо. Так тот самый Абдель Кадер наказать захотел отступников. Вот теперь они в ЦАХАЛе служат, а он на кладбище лежит...

А вообще, – после паузы, заявил Ицхак, – это наша земля, так и в Танахе сказано...

– Ты же в Бога не веришь! – изумился я.

– Не верю, – спокойно ответил он. – Не верю в Бога, которому есть дело до того, мажу ли я хлеб маслом, прежде чем положить на него колбасу или нет. А все-таки, – задумчиво сказал Ицхак, – Когда начнут помирать мои старые знакомые, я на всякий случай попрошу: – Зяма, ты скоро будешь на небесах, там встретишься с НИМ, так вот, если он спросит про меня, то ты меня не видел и вообще не знаешь...

Но, если без шуток, чтобы быть борцом за свободу необязательно верить в Бога. Все военные действия в Палестине направлялись и осуществлялись атеистами, а религиозное еврейство, которое не было против, а есть и такие, которые были против, ограничилось поддержкой.

Анекдот такой есть: Пожилой еврей всю жизнь молился Богу, вымаливая себе крупный выигрыш в лотерею. Каждый день он исправно возносил молитву с этой просьбой, пока, наконец, не достал этим Бога окончательно. В очередной раз Бог явился таки к нему и взмолился: "Хаим Абрамович! Ну, дайте же мне хоть один шанс! Купите хотя бы один лотерейный билет!".

Так что не надо ждать милости от Бога, если он не против будет – все у тебя получится, если сам постараться. А в Танах я верю. Ты его читать не пробовал?

– Пробовал, ничего не понял. Там совсем не разговорный иврит.

– Ну, это со временем... Каждый может найти для себя. Один – повод для антирелигиозной пропаганды, другой – высокую поэзию, третий – зубрит бессмысленно всю жизнь. А вот если выбросить поэтичные красивые приукрашивания, там все очень ясно и понятно. Предки наши пришли из Месопотамии, пасли овец, пока голодуха не началась. Потом часть ушла в Египет. Потом вернулись. Местных резали и с местными смешивались. Ничего особенного. В истории таких примеров полно.

Одно изгнание, с возвращением, второе. Если человек возвращается после войны на свое пепелище и снова ставит дом на старом месте, что его осуждают? Нет, уважают. А народ не человек. Если через две тысячи лет захотел вернуться, значит, это не один умник придумал, это общее желание. Не знаю, что думают о нас те арабы, которые остались в Израиле, но не хуже нас живут, по тем же законам. Никто от них не требует нашивать на одежду отличительный знак, хоронить умерших в тишине, дабы правоверные не слышали их траурных молитв и рыданий, не запрещают строить дома выше еврейских, и не пользоваться лошадьми, заменяя их мулами, либо ослиами.

– Э... при чем тут лошади? Никогда не слышал, чтобы немцы про лошадей, что-то говорили?!

– А это не немецкие законы, – усмехнулся он. – Это статус иноверца на мусульманской земле, там еще масса правил. Не только для еврея, но и для христианина. Халиф Омар, семьсот какой-то год. Кое-где дожило до наших дней. Можешь своего Абутбуля порасспросить. У них в Африке это местами входу до сих пор.

* * *

Газета А-Арец

Отставка правительства Черчилля! Эттли сделал заявление, что политика в отношении Израиля не изменится. У нас это вызывает, скорее, опасения, значит, заигрывания с арабскими странами и с иорданцами продолжатся за наш счет.

Газета Коль Ха-ам

Правящие круги Израиля, поддерживаемые империализмом, и прежде всего английским, мировой реакцией и сионистскими заграничными кругами, продолжают агрессивные действия в отношении свободолюбивых народов Ливана, Сирии и Иордании вместо того чтобы стремиться к заключению добрососедских отношений.

27 июля 1945 г

* * *

Грузовик ехал по улице Герцеля. Это такой стандарт, вроде улицы Ленина в Союзе. Наверняка, сейчас будет поворот на улицу Жаботинского. В Израиле самое главное не перепутать, карта какого города тебе нужна, а то заедешь не туда. Все названия одинаковые, дома типовые.

На перекрестке торчали знакомые люди. Лейтенант Лунц, из второй роты, радостно продемонстрировав полный рот железных зубов, при виде меня, показал:

– Вам направо, через два квартала тебя давно дожидается капитан.

– А с чего это ты так обрадовался? – подозрительно поинтересовался я.

– Так вы спереди станете, теперь можно отдыхать, мы-то с утра, надоело уже.

Опа! Как я ошибся! Улица вовсе не Жаботинского, а Рамбама. Но тоже не оригинально, хотя реже встречается.

– Похоже, прибыли, – сообщил шофер, – Вон и комбат стоит, можете выгружаться.

– Так, – сказал я, обращаясь к своим, – вылазим, никуда не расходимся, пойду выяснять, что делать будем.

Изя стоял у доджа, задумчиво уставившись на крыши. Какой то он был сегодня на себя не похожий, грустный.

– Товарищ капитан, лейтенант Томский...

– Оставь, – сквозь зубы процедил он. – Вижу, что прибыл. Сколько у тебя там? Человек двадцать?

– Два отделения – восемнадцать человек, двое в карауле. Что случилось-то? Пришел грузовик, шофер без понятия, зачем, и насколько.

– Ну, это как посмотреть, может и ничего не будет, если нам повезет, а может и чего будет, если сюда попрут.

– Кто попрут?

– Вот здесь, – показал он в сторону домов, – находится город Цфат. Надеюсь, ты в курсе, куда приехал. Один из четырех священных городов Эрец Исраэль. Проблема, в том, что здесь, в этом районе города, живут хасиды. Ты знаешь кто это?

– Сильно религиозные еврейские сектанты, – бодро отрапортовал я.

– Ну, где-то так, – задумчиво сообщил он. – Сегодня с утра, молодые придурки рейсовый автобус забросали камнями, потом перевернули и сожгли... Не положено в субботу транспорту ездить.

– Так в чем проблема, – удивился я. – Пусть в этот район по субботам не заходит.

– Ну да, – саркастически сказал он. – А завтра они поселятся в соседней квартире, и будут требовать, чтобы и в наш район автобусы не ходили. И главное, по субботам никакой работы выполнять нельзя, даже спичку поджечь, а автобусы переворачивать и поджигать, да камнями кидаться им религия почему-то не запрещает. В-общем, понаехала полиция, особо ретивых повязали, после чего собралось толпа, на несколько сотен человек, уже не только из молодых, и пошла в центр города, требовать выпустить, бедных ребятишек. Еле ее остановили и разогнали. Теперь полиция, там, внутри, порядок наводит, а мы должны перекрыть улицы и обеспечить оцепление района. Твоя задача никого не пропускать, ни туда, ни обратно.

– Ну и что мне делать, если толпа пойдет? Стрелять же нельзя?!

– Медленно отходишь, в ту сторону, откуда приехал, к Лунцу, и вызываешь подмогу. Не волнуйся, тут уже столько нагнали полиции и пожарных, что им не поздоровится. Когда напором воды сшибает, уже совершенно не хочется дальше гулять.

– А что это ты такой не веселый? – осторожно спрашиваю.

– Сегодня приходит транспорт в Хайфу. Яков возвращается из Италии, демобилизовали.

– Поздравляю!

– А, – отмахнулся он. – Вчера весь день готовились, к возвращению блудного сына, я должен был поехать его встречать, а теперь торчу здесь из-за этих придурков. Задача ясна? Я поехал проверять остальных...

– Ни ху... себе! – сказал я с восторгом. В первый раз такое чудо вижу.

Изя обернулся. В нашу сторону деловой походкой направлялся изумительный экземпляр в меховой шапке, длинном черном одеянии и брюках по щиколотку. На лодыжках одеты замечательные, белого цвета чулки.

– Рот закрой, – посоветовал Изя. – Вот это и есть представитель сильно религиозных еврейских сектантов. Может, сатморский хасид, а может еще кто. Я их плохо различаю.

– А в чем разница?

– Это они только знают. У каждой банды свой святой. Только он и говорит правильно, все остальные ничего не понимают. Еще и должность по наследству передают.

– А почему он шубу летом не одел? – с интересом спросил я.

– Шубу, не положено, а вот шапку снимать круглый год нельзя. Чулки тоже не просто так – белое символизирует чистоту и святость, – пояснил он.

– Пизд...! – восхищенно сказал я, – С такими я еще не сталкивался... – Голова-то у него на жаре не потеет?

Товарищ хасид остановился перед нами. Вблизи, он очень был похож, на мои смутные представления о том, как должен выглядеть Бог, восседающий на облаках. Мудрый взгляд, седые волосы, длинная борода.

Почтительно поклонившись, он произнес вопросительным тоном фразу на идиш. Я уловил, что он интересуется кто начальство. Изя, уставившись взглядом поверх его головы, сообщил на иврите, что он знает только один официальный язык, на котором говорят в Государстве Израиль, а на идиш он выучил только несколько слов, которые говорят задержанным бандитам. Тут он произнес длинную, заковыристую фразу, совершенно не предназначенную для печати, с поминанием предков и сексуальных пристрастий. Хасид явно растерялся и уставился на меня вопросительным взглядом.

– Я с русского могу перевести, – с готовностью сообщил я ему.

Явно обрадованный он затарахтел на польско-украинском суржики. Я старательно перетолмачил с польского на иврит, выходцу из Гродно, что он почтительно просит панов офицеров не реагировать нервно на то, что скоро на улице начнут появляться люди из его общины. Они должны собраться для вечерней молитвы и не собираются делать ничего противозаконного, и вообще не имеют отношения к прискорбному происшествию.

Изя гордо кивнул и сделал широкий жест рукой.

– За перекресток не ходить! Свободен.

– Что это было? Ну, знание только иврита? – заинтересовано спросил я, когда хасид еще раз почтительно поклонившись, удалился.

– Эти... тут снова прозвучала длинная фраза на идиш, хотя и короче, чем в прошлый раз, – отказываются объясняться на иврите. И требуют дождаться Мошиаха, в смысле Мессию, прежде чем создавать Израиль.

– Это как?

– А вот так, две тысячи лет ждали, можно еще пару тысяч подождать... Кстати, – подозрительно спросил он, – а что это ты хихикал? Ты что идиш понимаешь?

– Странно было бы, если бы я такие вещи не понимал. Первое, что учат солдаты у своего сержанта, это кто они такие. Фантазия у некоторых экземпляров могучая. Да и не кричали у нас "За Родину", "За Сталина", как в газетах. Все больше, вот такое... Еще при

этом идет равноценный обмен. Некоторые по-русски говорить не могли, но ругались просто замечательно... А вообще я очень прилично немецкий знаю, был у нас в школе ссыльный австриец, из удравших после восстания в 1934 г, так что понимаю, почти все.

– Ладно, – усаживаясь в джип, сказал он. – Напоминаю, никого не впускать, никого не выпускать. Я поехал.

Я подождал пока он скроется за поворотом и пошел к своим. Они уже удобно расселись прямо посреди дороги и что-то бурно обсуждали. При виде меня дружно замолчали и выжидательно уставились, что я им такое умное скажу.

– Внутри квартала работает полиция, мы стоим в оцеплении, заворачиваем любого обратно, оружие не применять. Первое отделение встало, проверили, что ничего не забыли, и пошли на перекресток. Вода у всех есть? Вот и хорошо. Через два часа смена. Второе отделение, уходим воон, под те деревья, в тени. Рафи, а ну-ка пойдем со мной.

Когда сели под деревом достал газету и ткнул пальцем.

– Вот это что за слово?

– Аскала.

– Читать я тоже умею. Что это значит?

– Э... Обучение, учеба, получение новых продвинутых знаний... Он помялся, – Я не знаю, как сказать...

– Просвещение?

– Да!

– Очень хорошо. А вот это?...

* * *

– Ну, и как тебе понравилось? – спросил Ицхак.

– Никак не понравилось. Целый день торчали в оцеплении и радио слушали. Но, все равно лучше, чем в прошлый раз, когда нас послали собирать куски тел. Хватит с меня падающих в обморок при виде валяющегося глаза...

– Ты скажи спасибо, что так. Гораздо хуже было бы, если бы вас сунули наводить порядок в самый разгар балагана. Слава Богу, полиция сама справилась. Ну, так теперь, ты увидел, на практике, для чего существует НАХАЛ – вспомогательные силы.

А вот у меня проблемы, – огорченно сообщил он. – Что и как делать я знаю, вот смотри, – он продемонстрировал очередной залапанный грязными пальцами чертеж.

– Да я все равно разницы с предыдущим не вижу!

– Тебе нужно в металле увидеть, тогда сразу поймешь. В этом варианте можно не опасаться, что грязью забьет. Тут больше объем кожуха затвора. Только для него требуется совсем другая сталь. Эта не подходит, разорвет на третьем выстреле. Да и станок нужен совсем не мой.

– Так обратись к Табенкину. Если он хочет что-то получить, пусть постарается.

– Не очень-то мне хочется я его просить, задумчиво ответил Ицхак. – Потом окажется, что я тут вовсе не причем, а все его заслуга. Я не слишком корыстолюбивый, но моя работа – это моя работа. Если я сделаю хорошую вещь, хочу чтобы знали, что это именно я сделал. Попробую потревожить старых знакомых, на оружейном заводе. Только все это времени требует. Ну, о чем послушать желаешь?

– А расскажи мне, про кибуц...

– Думаешь приятно вспоминать, как из тебя дурака сделали?

Он скривился и тут принялся излагать в подробностях.

– Начиналось все просто замечательно, ты занимайся тем, что лучше умеешь, железками. А я, займусь связями, деньгами и общим руководством. Но все решения мы будем

принимать, только и исключительно, на общем собрании. Потом выясняется, что получить деньги на необходимую вещь или купить корову можно, только если Хава даст добро, потому что именно она их выбила через своих партийных товарищей у Еврейского земельного фонда. Он не только землю покупал, еще и на обустройство выделял. Не много, но тут как раз, сумма очень зависела от связей и личных знакомств. Твои старые товарищи, виновато отводят глаза и голосуют против твоих предложений, но согласно указаниям партии, полученным в постели... В общем, не буду я об этом... Давай, я тебе лучше расскажу про появление Государства Израиль. Тебе полезно будет...

Мы-то думали, что главных подстрекателей уьем, спокойнее станет. Ничего подобного. Единого центра восстания, с самого начала, не было. Все эти их кланы, давние счеты и различия в религии, и разница между разными группами. Бедуины оседлых не любят, городские деревенских. Друзов и черкесов – вообще никто за своих не держал. Одни хотят с англичанами договориться, другие не против с нами. Они сами своих больше перебили раза в три, чем мы, вместе с англичанами, вместе взятые.

Зато евреи наших убивают – это они хорошо понимали. Города поделились, на арабскую и еврейскую части. Там, где смешанные районы были, можно было в любой момент на пулю нарваться. Кинут арабы гранаты в окно магазина, на следующий день обязательно евреи в том районе араба застрелят. Очень часто, совершенно посторонние люди гибнут.

Потом полезли добровольцы из Сирии. Был такой Каукджи, сирийский офицер. Собрал вокруг себя несколько сот человек и начал совершать нападения уже на войска. Когда с большим успехом, когда с меньшим.

Появились целые районы, с арабским населением, где англичане даже показаться боялись. А потом начался отстрел английских чиновников. Самой громкой акцией было убийство губернатора Галилеи. Это вам не какой-нибудь полицейский – элита империи!

Тут уж английская администрация не выдержала такой наглости, и нагнали в Палестину армейцев, тысяч десять. Разрешили дополнительные наборы в еврейские батальоны, и демонстративно закрыли глаза на действия еврейских организаций и Хаганы, и Эцеля. Начали всерьез банды гонять, с самолетами и артиллерией. Разбили, естественно. В прямом бою никакие партизаны с регулярной армией не справятся. Когда потерпевший поражение Каукджи со своими сторонниками уже собирался перейти Иордан, он был окружен войсками. Отряд уничтожен, а руководителей повесили. Даже на протесты из Египта и Иордании внимания не обратили.

Какое там воровство по мелочи, чем я занимался! Практически свободно можно было взять оружие со складов еврейских частей, и обе подпольные организации развернули масштабный террор против баз восставших и известных руководителей.

Делалось это так. В деревню заходило пару сотен вооруженных боевиков и по спискам расстреливались замешанных в беспорядках. Одно дело, когда двое-трое с пистолетами, и совсем другое, когда в деревню заходит пару рот с пулеметами. Тут уже не посопротивляешься. Началось массовое бегство арабского населения. Это уже замаять было трудно и появилось не только в арабских, но и английских и французских газетах.

Из Лондона прислали специальную комиссию – для изучения причин и последующих рекомендаций правительству. Комиссия посмотрела внимательно, выслушала арабские требования и пришла к выводу, что совместно проживание для данных народов в рамках единого политического образования невозможно. И предложила идею раздела Палестины и создания двух государств.

Жаботинский с Бен Гурионом посоветовались и неохотно согласились на раздел. Арабы отказались. Тогда комиссия плюнула на арабских деятелей Палестины, кого еще застрелить не успели, и обратилась к Абдалле. На трехсторонних переговорах мандатную Палестину поделили.

15 мая 1935 г премьер-министр Великобритании в парламенте заявил, что Англия слагает с себя полномочия, поскольку созданы все условия, предусмотренные декларацией Бальфура, по созданию еврейского национального дома в Палестине. В тот же день была провозглашена независимость государства Израиль.

Если честно, то не совсем независимость, согласно договорам и секретным протоколам Израиль продолжал входить в английское содружество, имея номинальным главой английского монарха, и свои внешнеполитические шаги должен был согласовывать с Англией. Проще говоря, это был доминион, вроде Канады. Только никого это не смущало. Важно, что добились своего государства.

Как только по радио объявили новость, на улицы вышли тысячи людей. Танцевали и пели до утра. Вот арабам новость сильно не понравилась. Не все мечтали получить Абдаллу в короли, клан Хусейни имел свои кандидаты, ничуть не хуже. А были те, кто хотел присоединения к Сирии или еще каких странных вещей.

На первых выборах из ста двадцати мест в Кнессете, сорок шесть получила лейбористская и ровно столько же ревизионистская партия. Для того, чтобы править без проблем, партии требуется шестьдесят один голос. А лучше больше, потому что неизвестно что не понравится очередному сильно умному депутату. Так что самые большие партии между собой договорились. А зачем надо делиться с третьим? Премьер-министром стал Бен Гурион, министром иностранных дел Жаботинский. Очень правильно, я считаю, сделали. Жаботинский был оратор известный и с большими связями за границей. А Бен Гурион администратор. Так что прекрасно друг друга дополняли.

Что, заговорил тебя?

— Ты у меня вместо учебника, — серьезно ответил я. — Книжки читать, времени нет.

— Ну и мне приятно, на голову слушателя вывалить, как я много знаю, и какой я весь из себя умный, — согласился Ицхак. Ведь что такое национальная еврейская болезнь? Это молчаливость. Потому что если еврей здоров, молчать он не может.

Он щелкнул зажигалкой, закуривая очередную сигарету.

— Сигареты, они, как друзья. Помолчал. — Даже лучше, чем друзья, никогда не возражают, и не лезут с нравоучениями.

В заключенном трехстороннем соглашении по разделу Палестины был предусмотрен обмен населением, — продолжил он. — Переселение должно было производиться по образцу того, как обменялись населением Турция и Греция. Был отдельный параграф об образовании специального комитета, который займется ликвидацией еврейской и арабской недвижимости...

Абдалла еще на переговорах сказал: "По правде говоря, я опасаясь, что арабы не согласятся... Но, несмотря на это, я беру на себя обязательство, уговорить их..." Это так и осталось словами. В договоре вообще много чего было понаписано, общая таможенная политика, общие дороги, раздел воды, совместные проекты по орошению и электрофикации и совместные действия вооруженных сил.

Как легко догадаться, арабы вовсе не желали покидать место жительства. В соглашении содержался еще и пункт о компенсации за оставленное имущество и землю в течение полугода с момента подписания договора. Евреи из двадцати двух населенных пунктов (одиннадцать с половиной тысяч человек), попавших на территорию Иордании, выполнили соглашение. Арабы, кроме особо умных, нет. Англичане от этого дела самоустранились.

Результат был ожидаем. Поэтому израильским правительством заранее велась тщательная подготовка к выселению. Территория была разбита на три сектора. Было четко расписано, какие села не трогать, потому что они выступали во время арабского восстания, на стороне евреев или хотя бы наглухо закрылись, объявив нейтралитет, как черкесские.

Учитывалось проживание нацменьшинств и поведение бедуинских кланов. Так, бедуинский клан Эль Маджид, всегда выступал на еврейской стороне. Кто в наших делах не понимает, очень удивляется, почему арабы из двух соседних сел себя так по-разному вели. Просто, обычно, более слабый клан, имевший проблемы с соседями искал союзников в евреях.

Учитывая масштабы операции и особенность горных районов, было решено выселение провести в течение восьми дней, в пределах которых в первые три дня будет закончена операция по всей низменности и предгорным районам и частично по некоторым поселениям горных районов. В остальные четыре дня будут проведены выселения по всем горным районам. Эти места блокировали заблаговременно.

Предполагалось оцепить районы, чтобы воспрепятствовать выходу населения за территорию населенных пунктов. Жители будут приглашены на сход, часть народа будет отпущена для сбора вещей, а остальная часть будет разоружена и доставлена к местам погрузки.

Перед началом операции, всех нас собирали на инструктаж. Очень не хотело наше правительство попасть в иностранные газеты с осуждающими заголовками. Завалили указаниями и приказами. На словах замечательно смотрелось.

По прибытии в дом выселяемых, произвести обыск и изъять огнестрельное и холодное оружие. Затем имущество и люди – в первую очередь женщины с грудными детьми – грузились на транспортные средства из расчета не менее четырех семей на один грузовик и под охраной направлялись к месту сбора. С собой разрешили брать продовольствие, мелкий бытовой и сельскохозяйственный инвентарь по сто килограмм на каждого человека, но не более полутонны на семью. Во избежание потерь вещи следовало подписывать.

Деньги и бытовые драгоценности изъятию не подлежали. На каждую семью составлялось по два экземпляра учетных карточек, где отмечались все, в том числе и отсутствующие, домочадцы, обнаруженные и изъятые при обыске вещи. В случае сопротивления или попыток к бегству принимались решительные меры вплоть до применения оружия (расстрел) без каких – либо окриков и предупредительных выстрелов. Оставшееся движимое и недвижимое имущество переписывалось представителями приемной комиссии.

4 июня 1936 г началась операция "Семь казней египетских". Какой дурак название придумал, нам не сообщили. Звучало уж очень кровавадно, для читавших Библию.

Планы были хорошие, но гладко было на бумаге. Слухи ползли уже давно, подготовку такого масштаба в наших условиях не спрячешь, а у многих было оружие. В большинстве мест, тем не менее, выселение прошло спокойно, все-таки к организованному сопротивлению арабы не готовились. Но были случаи вооруженного сопротивления, которое давили очень жестко.

В оцеплении стояли не только солдаты, армия-то еще была на стадии формирования, но и такие как мы, отряды местной еврейской самообороны и бывшие боевики, имевшие счеты с выселяемыми.

После того, как в Яффо при разгроме арабского вооруженного сопротивления по баррикадам и домам открыли артиллерийский огонь, арабы побежали, уже не дожидаясь прихода евреев. Сколько убили во время операции спрашивать у меня не надо. Цифр существует не меньше восьми и все различаются. Некоторые на порядок.

Это жизнь, не речи и не бумажки! Вот стоим мы в оцеплении... Все на нервах, в деревне орут, пару раз звучали выстрелы. И тут, из кустов, кто-то выскакивает и на нас несется...

Стрелять начали сразу, никто и не думал заниматься глупостями, вроде "Стой! Кто идет!" Ну и завалили. Уже лежит, а вокруг все стреляют. Дырок двадцать. Совсем молодой парнишка, лет пятнадцать-шестнадцать, без оружия. С чего бежал, куда бежал... Может, просто испугался, а может предупредить, кого хотел. У него уже не спросишь...

Мировое сообщество, в целом, не видело ничего зазорного в обмене населением. Ну, естественно, кроме мусульман, да кто их спрашивал? Были случаи до того, как с греками и турками, будут и после.

Опубликованный 7 марта 1936 года доклад президенту Рузвельту, составленный его СовеЩательным Комитетом по Международному Развитию, среди прочего подчеркивал: "Обмен арабского населения Палестины на еврейское население арабских стран получил поддержку... Лиги Наций, как эффективный путь разрешения палестинской проблемы. С практической точки зрения, такой обмен происходит сейчас. Расселение арабских беженцев... намного проще... в арабских странах".

Что неприятно звучит? – спросил он.

– Ну, да. Не все же были боевики, наверняка, среди выселяемых были и ни в чем не замешанные люди.

Ицхак засмеялся своим скрипучим смехом.

– Хорошие поехали не в кузове грузовика, а в кабине. Я ж тебе говорю, кто был на нашей стороне во время восстания, тех не тронули. Где-то тысяч пятьдесят набралось. А если он был против, но ничего не сделал, то почему к нему отношение должно быть другое. Мир – это когда стреляют где-то в другом месте.

Пока в стране живет полмиллиона враждебных людей, мира не будет. Если не сегодня, так завтра, они достанут оружие, и будут снова стрелять в спину. А в правительстве у нас было трогательное согласие по этому вопросу. Правые не возражали против соседства с арабами, лишь бы те не устраивали беспорядки. А левые не возражали, чтобы арабы выпендривались, лишь бы жили где-нибудь подальше.

А в школе у нас преподавали такое: "Все что приносит пользу нации, даже если это приносит ущерб многим личностям – хорошо и морально. Все, что приносит ущерб нации, даже если приносит счастье многим личностям – плохо и аморально". Это не только арабов касается, евреев тоже. Если найдешь отличие от поведения советских коммунистов, расскажешь мне. Просто у них на первом месте идут указания партии, а у нас интересы нации.

* * *

Утро было холодное. Даром, что лето уже. Речь пришлось готовить заранее. Я их говорить в принципе не умею, да еще хорошо бы высказаться без явных ошибок на чужом языке.

– Пришло время сдавать экзамен на настоящего солдата. Вы все слышали, что соседний поселок повадились обстреливать по ночам. Выстрелят пару раз с холмов по окнам и уходят. Кто-то там явно наблюдает, и когда они идут на прочесывание, эти стрелки не появляются. Наша задача скрытно подойти ночью и сесть на возможных подходах. Если удастся, найти наблюдателя. Если в первую ночь не придут, ждать следующей. С комбатом и тамошним начальством я договорился. Никакие местные там ходить не будут. Любой человек с оружием – враг. Так что выходим после обеда, чтобы подойти в темноте. Воду и еду взять на двое суток. Пойдут отделения Орлова и Ардити.

Я лежал на спине и внимательно изучал звезды. Надоели они мне до чертиков, но чем-то заниматься надо. Мы ждали уже вторую ночь. Пять засад по четыре человека и я. По закону подлости, никто не появлялся. Первое напряжение спало, ребята начали уставать.

– Послушай, Рафи, а что это у тебя за фамилия такая, ты ж сабра?¹⁴

– А, мы геры.

– Это еще что такое? Ашкеназов и сефардов видел, негра-еврея тоже, а вы что еще за особенные?

¹⁴ Сабра – родившийся в Израиле.

– В Галилеи есть село, там все русские, перешедшие в иудаизм. Еще в начале века приехали. Это... перешедшие в из другой религии – «Геры». Мы, – после заминки, сообщил Рафии, – православные раньше были.

– Так я и не понимаю что такое еврей, – пожаловался я неизвестно кому, – один коммунист и ни в какого бога не верит, другой с утра до вечера молится, а третий – вон вообще, оказывается русский. И не религия, и не национальность. Может Меер прав, кто себя называет евреем, тот и есть еврей. Остальные как-то не рвутся добровольно в эту категорию.

– Нет, – сказал Рафии. – Существует очень четкое определение, что записывать в удостоверение личности. Кажется, в 1939 г суд был. Постановил – у кого мать еврейка, тот еврей.

– Это значит, что человек по фамилии Рабинович, может быть не евреем, если у него мать не еврейка? Оригинально...

– Если он себя считает евреем, то не большая проблема пройти гиюр. Ну, – официальный переход в иудаизм, – пояснил он, в ответ на мое недоумение. – Получает документ, что он все выучил, что положено и будет запись в удостоверении личности изменена. В Израиле существует облегченная процедура для таких. Вот обрезание делать обязательно. Большая ругань была перед войной с религиозными партиями, они хотели наоборот усложнить.

– Это хорошо, что мне не требуется. Евреи – явно большие оптимисты. Только родились, а уже лишнее отрезают... Тихо! Выстрелы. Моше, Шай – за мной. Остальные ждать. Сниматься только по сигналу.

Через десять минут бега выскочили на соседнюю засаду. Четверо стоят совершенно открыто. На земле два тела. Стоят, топчутся бессмысленно.

– Ардити! Доложить что произошло.

– Они шли вон оттуда, – возвращаясь в нормальное состояние прямо на глазах, говорит девушка. Иногда резкий тон очень хорошо помогает.

– Винтовки в руках и говорили по-арабски. Подождала пока подойдут ближе. Открыли огонь.

– Что сделали неправильно?

Смотрит удивленно.

– Какого вылезли! Если бы они были не одни, вас бы постреляли сразу же. Вы ж ничего вокруг не замечали, даже нас не слышали. Моше – ракету на сбор. Зеленую. Давайте, работайте нечего на меня смотреть... Обыскать. Оружие, деньги, документы забрать. Когда придут остальные, потащат тела в поселок. Отчитаться надо и показать что вы настоящие солдаты. Вам благодарность за выполненную работу. Если еще раз так подставитесь, сгною на работах у Хавы.

* * *

– Где взял? – радостно спросил Ицхак, забирая сигареты. – А, египетские, трофей. Молодец! Есть от тебя польза старому еврею. Он уселся поудобнее, вытянув ноги.

– Про Испанию тебе? – закуривая, переспросил он. – Красные пилотки, "но пассаран", героические борцы за свободу из интербригад... Могу и про Испанию...

Осенью 1936 г, когда я сидел в особо расстроенных чувствах, по поводу очередной кибуцной свары, мне Табенкин предложил в Испанию съездить. Может Хаве, таким образом, хотел помочь, а может, какие-то планы по поводу связей с испанскими социалистами имелись. Хотя, скорее всего, одно другому не мешало. Можно и двух зайцев поймать, надо только побольше силков поставить... Никто ведь не представлял себе толком, что там происходит, но бороться против фашистов – что может быть лучше? Я с радостью ухватился за это предложение. Нас таких было пять человек.

Ехали мы кружным путем, через Францию, напрямую было нельзя, там, на море кто только не шляется. Могли и не пропустить. В первые дни франкистского мятежа все профсоюзы и партии создали собственные отряды ополченцев. Естественно общее командование существовало только на бумаге. Добровольцев из-за границы в Каталонии принимали с распростертыми объятиями. Нас, объединили с англичанами, так что я знаком с Артуром Кестлером, вместе воевали.

– А это кто такой?

– А, – с досадой сказал Ицхак, – я все время забываю, что тебе такое знать не откуда... Венский еврей, английский журналист... Сначала был пламенный коммунист, потом разочаровался в Сталине. "Слепящую тьму" написал. На русский, вроде, не переводили. Так что, записали нас, в какое то ополчение, и мы радостно пошли на формирование. Потом, когда была создана Народная армия, нам эта запись вышла боком. Это было ополчение Р.О.У.М.¹⁵ Объединенная партия рабочих-марксистов. Примерно десять тысяч бойцов и мы, около семи сотен иностранных добровольцев из двадцати пяти стран. Почти половина немцы, уехавшие из Рейха, много французов и итальянцев. Опять не понял? – спросил он, глядя на меня.

Я отрицательно пожал плечами, пытаюсь сообразить, в чем подвох.

– Троцкисты это были. Нет, – усмехнулся он, – рогов и копыт у них не было. Разницу во взглядах, с большевиками, я понял гораздо позже. Война в стране постоянно велась на два фронта. Против националистов Франко, но одновременно правительство преследовало и другую цель – вырвать у профсоюзов всю захваченную ими власть. Межпартийная грызня шла на страницах газет, на плакатах, в каждом учреждении, и даже на фронте. В Испании очень сильные были анархисты и, как раз, в Каталонии, троцкисты.

Почти все крупные здания в области были реквизированы, все церкви разорены. Постоянно сносили все новые церкви. На всех магазинах и кафе были вывешены надписи, извещавшие, что предприятие реквизировано. Транспорт весь национализировали. Начиная с автобусов и трамваев и кончая любыми автомобилями. С улиц исчезли прилично одетые люди. Ходили в рабочих комбинезонах, подчеркивая свою принадлежность к рабочему классу.

Явно начиналось то, что в России, в гражданскую войну, называлось разрухой. Никакие работы по починке улиц и ремонту зданий не проводились. В магазинах резко пропали продукты. Мясо появлялось очень редко, почти совсем исчезло молоко, не хватало угля, сахара, бензина, исчез хлеб. Быстро стали привычны огромные очереди в продуктовые лавки.

Такого бардака, как там, я не видел никогда и очень надеюсь больше никогда не увидеть. Не было не только оружия, но и вообще ничего, даже масла для смазки винтовок. Протирали оливковым или растительным.

Вместо формы, существовало что-то вроде похожего стиля одежды. Одни надевали ботинки, другие – обмотки, третьи – сапоги. Многие старательно украшали куртки всевозможными значками, стремясь продемонстрировать партийную принадлежность. Единственное, что было общим – это обязательный нашейный платок. Иногда красный, иногда черно-красный. Про то, что существует такое понятие – дисциплина, они даже не подозревали. Захотел – начал ругаться с офицером, не захотел – не пошел в наряд.

Когда узнали, что я воевал, я тут же получил звание «капо», то есть капрала. Сейчас, из-за немцев, слово «капо» звучит неприятно, а тогда ничего особенного.

Я пытался их научить стрелять. Некоторые даже не подозревали, зачем существует мушка, тем более, как вставлять обойму, а половина еще и говорила на каком то местном

¹⁵ Р.О.У.М. – Partido Obrero de Unificaciyn Marxista.

диалекте, который не все испанцы понимают. Так что, я тебя, с твоими проблемами, очень хорошо понимаю и даже сочувствую, – улыбнулся Ицхак.

– Через неделю нам роздали по пятьдесят патронов, и мы пешком отправились на фронт. Если не считать, что мы рвались воевать с фашистами, а сидели несколько месяцев на одном месте, все было просто замечательно. Там гористая местность, еще хуже, чем здесь. Чтобы остановить атаку, достаточно было выкопать несколько окопов и посадить в них взвод с пулеметом. Без большого перевеса и огромных потерь, до противника невозможно было добраться. Вот только это касалось и нас, и их.

В результате мы и сидели из месяца в месяц, время от времени пытаюсь попасть в кого-то на той стороне и ходя в разведку на ничейную землю, не столько с целью что-то узнать, сколько для развлечения. Мы постепенно превращались в каких-то ужасно грязных, завшивленных существ, без особых желаний и с однообразными разговорами и жратве, бабах и теплом сортире. Знакомо, правда? И ведь, что обидно, мне тоже. Только я за пятнадцать лет уже успел забыть. Сидишь, трясешься от холода и думаешь: "И почему я такой дурак? Совсем не плохо дома было"

С профессиональной точки зрения война велась дилетантски, а основная стратегия была предельно простой: собираешь побольше народу, и «Ура», прямо в лоб. Побеждали те, кто был лучше вооружен. Нацисты вместе с итальянцами поставляли оружие Франко, СССР – республиканцам. В результате, русские имели возможность диктовать свои условия. Советское оружие распределялось через коммунистическую и союзные с ней партии. Коммунисты тщательно следили за тем, чтобы как можно меньше этого оружия попадало в руки их политических противников. Нам, не присылали практически ничего.

Кто-то сказал, что революция должна уметь себя защищать...

– Ленин, – автоматически отреагировал я, на знакомую фразу.

– Тебе лучше знать, – согласился Ицхак. – Вот, после Испании, я уверен, что на одном сельском хозяйстве страна существовать не может. Если она получает оружие от других, то при малейшем непослушании поставки прекратятся и воевать станет нечем. А поставщики решают свои, совершенно отличные, от местных задачи.

И не только оружие касается, хотя это и важно. Невозможно нормально жить, если людей, даже в мирное время, не могут обеспечить простейшими вещами – одеждой, транспортом, связью... Бутылками, в конце концов... Если чего-то нельзя сделать из-за отсутствия сырья, значит надо больше выпускать того, что можно, вроде лекарств, и продавать за границу. А на эти деньги покупать отсутствующее.

Так, то, что в Испании было мало своих заводов – это еще ладно. Хуже, что перешедшие под управление рабочих коллективов промышленные предприятия работали на кого угодно, только не на нужды фронта. Они продолжали выпускать исключительно товары массового спроса – кровати, металлическую мебель, утюги и др., которые легче и прибыльнее было сбывать. В лучшем случае крупные современные заводы вместо тяжелого вооружения производили холодное оружие, револьверы и гранаты.

Рабочую неделю вообще урезали до 36 часов. Постоянно митинговали в рабочее время. А уйти с рабочего места или украсть что-нибудь с производства, стало уже не проступком, а нормальным явлением. Вот русские и диктовали свои требования. И, первым делом, занялись троцкистами. Ты понимаешь, война идет, а они ловят врагов в тылу. Не за развал производства, что понятно, а за сотрудничество с фашистами.

Сначала потребовали сдать оружие. Все знали, что нового не привезут, и естественно отказались. Коммунисты попытались взять силой. Несколько дней в Барселоне шла перестрелка. Потом вроде бы все стихло и успокоилось, но центральное правительство подтянуло войска.

15 июня полиция внезапно арестовала Нина, руководителя Р.О.У.М., в его кабинете и в тот же вечер совершила налет на гостиницу «Фалкон», арестовав всех, кто там был, главным образом приехавших в отпуск ополченцев. Гостиница была немедленно превращена в тюрьму. Очень скоро она оказалась до предела набитой заключенными.

На следующий день Р.О.У.М. объявили нелегальной организацией и закрыли все бюро, книжные лавки, санатории, центры Красной помощи. Одновременно полиция начала без разбора арестовывать всех людей, имевших хоть какое-нибудь отношение к Р.О.У.М.

Никто на передовой не знал о запрещении Р.О.У.М. Все штабы ополчения Р.О.У.М., центры Красной помощи и другие органы работали, как ни в чем не бывало. Барселонские газеты ничего не писали о происходящем, а другие до нас не доходили. Вот, как раз в эти дни, я получил отпуск и поехал погулять. Первый же патруль, увидев в документах, "29 дивизия", вежливо проводил меня тюрьму. Я не сопротивлялся, с чего бы? В комендатуре разберутся, что я только что с фронта.

Вот только власти очень не хотели, чтобы отпускники вернулись назад и рассказали, что происходит. Могла, ведь, вся дивизия сняться с позиций и двинуться наводить порядок в тылу. Так что я приземлился до особого распоряжения. Ни в чем, собственно, меня не обвиняли. Достаточно было факта службы в поумовском ополчении. Полгода просидел.

Одних приводили, других уводили, а я все сидел. Говорили, что расстреливают. Не знаю, может быть. Нина так больше никто и не видел. Сначала, советские товарищи заинтересовались мной, на допросы водили. Только я им, как тебе, про Махно не рассказывал. Сообщил им, что уехал в 1920 г, после революции. Ничего интересного. Так что, похоже, про меня забыли, были и более интересные люди, и когда израильское консульство дозналось, где я нахожусь, отпустили меня без больших проблем. Сразу во Францию, возвращаться на фронт воевать за коммунистов, как-то желания уже не было.

Когда мы приехали, каждого, кто записывался в ополчение, уверяли, что он находится здесь только по своей доброй воле и может, если пожелает, демобилизоваться, когда настанет время его отпуска. Теперь оказалось, что правительство передумало, считает ополченцев солдатами регулярной армии и рассматривает желание вернуться домой, как дезертирство. Так что на границе увольнительные документы иногда признавали, а иногда – нет. Но я проехал по израильскому паспорту, и вопросов не было.

– Слушай, – говорю, – а вот тебя не раздражает что я русский? Ты ж нас, должен сильно не любить.

– Я не люблю большевиков, даже если они переименовались в коммунистов, а русские очень разные, как и евреи.

А ты... У каждого нормального еврея есть бзик, на почве, как на евреев смотрят и что про них говорят. Вечно ему что-то кажется. Это потому, что он живет в окружении других народов и как бы они, в целом, не были благожелательно настроены, каждый народ лепит обобщенный образ еврея по своему подобию, а потом с негодованием отвергает собственное изображение. И еврей постоянно ждет подвоха, даже, где его нет.

Я тебя поздравляю – улыбнулся он. – Ты, теперь, наш собственный русский, проживающий в окружении одних сплошных евреев. И, время от времени, ты будешь себя чувствовать точно так же, как еврей среди русских. Ты советских евреев видел? Естественно видел, в своем Легионе. Сильно они отличались от русских по культуре и языку?

– Совсем не отличались...

– А скажи при них что-нибудь про жидов и отсиживающихся в Ташкенте, как отреагируют?

– Плохо...

– Вот и тебе, когда-нибудь, обязательно, кто-нибудь что-то неприятное скажет. Не надо переносить на всех, лучше сразу ему в морду, без разговоров. А большинство, очень скоро,

и не вспомнит, кто ты там есть. Ты, главное, не учи окружающих, как им правильно жить. Тут каждый себя считает самым умным без чужих советов. Занимайся своими военными делами, а в политику не лезь. Вот представь себе, что в совершенно русской компании еврей начнет рассказывать как правильно себя вести и как обустроить Россию. Раздражает?

Я невольно кивнул.

– Вот именно. У каждого свои погрешности. У тебя стреляющие, а у этих как кого под сидеть. Вот и не лезь в это.

А хочешь по этому поводу анекдот?

Обычный киевский дворик, после революции, в нем стоит обычный киевский дом, в этом доме есть обычный киевский подъезд. И в этом подъезде, на третьем этаже в квартирах напротив жило две семьи. Первая обычная русская семья – папа рабочий, мама бухгалтер, и сын Мишка. Обычный киевский пацан, в меру хулиган, не отличник, но и не двоечник, гоняет собак, играет в футбол, бегает с другими мальчишками во дворе и т. д. А в квартире напротив жила хорошая еврейская семья. Папа – профессор, мама – доктор, и их дочка Сонечка. Умница, отличница, музыкальная школа, все что положено. И вот идет время, Мишка и Сонечка вместе ходят в школу, сидят за одной партой, растут и их детская дружба превращается во взрослую любовь. И, в конце концов, они женятся. Через некоторое время сонечкина семья собирается переезжать в Израиль. Миша подумал и согласился, что они с Соней тоже поедут. И вот Миша и Соня в Израиле. Миша быстро ассимилируется, меняет имя на Мойша, проникается иудаизмом, начинает читать Тору и, в конце концов, становится раввином. И получается идеальная еврейская семья: муж Мойша читает Тору, к нему приходят за советом люди, он уважаемый человек. Соня ведет дом, убирает, готовит, рождает детей – они счастливы. В один прекрасный день Соня приготовила что-то вкусненькое и приносит Мойше подкрепиться. Мойша, конечно, читает Тору.

Соня:

– Мойша, дорогой, вот покушай, я тебе здесь приготовила.

Мойша захлопывает книгу, поворачивается к Соне:

– Соня, вот ты моя жена, ты мать моих детей, мы живем с тобой счастливо уже много лет. И все эти годы я не мог понять одного: ну как ты могла выйти замуж за гоя?!

* * *

Секретарша, с погонами сержанта, повернулась ко мне:

– Здравствуйте. Вы по вызову?

– Здравствуйте. Лейтенант Томский.

– Он ждет, проходите.

– А, явился, – сказал Дейч и махнул в сторону стула. – Садись. Знаешь, зачем я тебя вызвал?

– Наверное, наконец, прочитал мой доклад.

– Судя по нему, у тебя явная мания величия, выраженная в величине запросов. Два ручных пулемета, станковый, миномет, гранатометы, противопехотные мины, снайперские винтовки, пол вагона патронов, три рации, служебные собаки, два грузовика, бронетранспортер. И откуда я все это должен взять?

– Я прошу не то, что хочется, а что необходимо. Сейчас по всей Европе и на складах валяется масса трофейного оружия. Надо только собрать и эшелонами гнать к нам. А мы уж разберемся что пригодится, а что нет.

– А цемент тебе на что? Линию Мажино строить?

– Всего парочку дотов. Эти башни, что в поселении, в случае обстрела никуда не годятся. Поставить миномет – и куча трупов. Укрытие надо.

Он заглянул в свои записи.

– Медик, снайпер, связист, подрывник, инструктор по рукопашному бою. Это понятно. Существуют курсы, можем на них отправить. А вот патрульный английский полицейский, это еще что такое?

– Пару недель назад на автобусной станции была драка. Мои сунулись разнимать и словили по мордам. Оружие применять нельзя, так нужен кто-то, кто научит с этой палкой обращаться, что полицейские ходят. Если по хребту дать, никому мало не будет.

– А ты не можешь?

– Я все больше саперной лопаткой научить могу, но это будут тяжкие телесные повреждения. Вам же не нужно ЧП с тюремным сроком? А так дешево и сердито.

– А Ицхака ты попросить не можешь? Он прекрасно умеет...

– А он не хочет, говорит, и так, есть чем заняться, – отвечаю, а сам думаю: "Это он что, мне демонстрирует, что и у него в кибуце стукачи имеются?"

– Так, теперь пожелания к высокому начальству... Он зачитал с чувством: «Патрулирование в нынешнем виде, хотя и обходится дешевле, не дает возможности перекрыть границу полностью. Требуется разделить на участки по четыре линейные заставы, одна тыловая, рота быстрого реагирования при тыловой. На заставе усиленный взвод – дополнительно тяжелый миномет и станковый пулемет. Четыре отделения по девять человек и командир отделения. Автомат у командира отделения, пулемет, у остальных винтовки. Участок на одну заставу пять-десять километров, в зависимости от местности. Колючая проволока с сигнализацией и постановка противопехотных мин. Транспорт для заставы. Телефонный провод вдоль всего участка для связи с заставой. Начальник каждого патруля имеет телефонную трубку для подключения в любом месте. Застава должна быть отделенной единицей и не зависеть от гражданских лиц».

Дейч поднял голову от бумаги.

– Тебе не кажется, что ты изобретаешь велосипед? Разговоры об этом идут давно, но, пока шла война, все время задвигались на более позднее время. Есть проект создания отдельного рода войск – пограничников. Я покажу твои выкладки кое-кому. Кстати, как это ты умудрился столько написать и без ошибок?

– Командир должен использовать возможности подчиненных. Если подчиненная солдатка бегать по засадам не может физически, то мозги и грамотность имеется. Я на Юдит спихнул всю документацию и матобеспечение. Она и сейчас что-то там с бумагами утрясает этажом ниже.

А насчет велосипеда, так сам сказал – осмотреться и доложить, что неправильно и что улучшить. Вот, что увидел, то и написал. Нельзя людей посылать и даже не знать, что там, в патруле, происходит. Связь необходима. И очень важно отделить людей от кибуцного начальства. Им охрана не требуется, по тревоге могут поднять в три раза больше народу, чем у меня. Вот и ездят на этих семнадцатилетних, малолетках. То мешки таскать, то землю копать. Я тут съездил на соседние участки – в половине вообще ничего не делают, только баб трахают, а вторая половина отмечают, отработают и домой. Начальство глаз не кажет. Есть два десятка точек, где комбат ездит никто не знает. Границу никто не охраняет. Как так можно, не понимаю.

– Это ты на Штивельмана намекаешь?

– Нет, он как раз, в порядке. Если что надо, поможет и покажет. И поймать его можно легко, надо только знать домашний телефон. А я знаю.

– Уже хорошо. Ну и сколько у тебя отсев, по физическим показателям?

– Шестерым надо найти другую работу. Трое на грани. Почти один из трех. Будут машины и рации, так хоть будет чем занять. Убрать я их не могу, но бесконечно использовать на работах в кибуце тоже. Они ж не дураки и пришли добровольцами, обижаются. Вообще,

по-умному, конкурс надо устроить, при приеме. Чтоб сразу слабосильных отсеивать. И до армии давать начальное обучение, как в СССР было. Нормы сдавать "Готов к труду и обороне".

– А то, что многие недоедали с детства или вообще после лагеря, а служить хотят?

– Так есть работа, где физическая сила не особо нужна. Шоферы, связисты, техобслуга на аэродромах, много чего. Я думаю, что треть армии такими вещами занимается и нужны такие должности не меньше, чем снайперы. Много мне толку от того снайпера, если он без патронов сидит, потому что вовремя не привезли из-за, отсутствия водителя. Лучше всего спросить, куда хочешь, и пустить под пресс, месяца на три. Проверить на выживаемость. Не сможет – значит направлять в другие части. И девчонок уберите из боевых частей, сил моих нет смотреть на их мучения, когда у них эти... критические дни начинаются. Вот и в Легионе, и в Италии, их там почти нет и правильно.

Он помолчал, глядя на меня. Я старательно изображал стойку смиренно на стуле.

– Ты ведь не один приехал?

– Да, мне сказали по телефону привезти двоих.

– Пойдешь на проходную, найдешь грузовик Офера. Он отвезет вас в ашдодский порт. Там как раз разгружали твои трофейные эшелоны из Европы. Не ты один такой умный. Все, что можно подобрать военного и вообще ценного, собираем и гоним через Италию. Даже ваш Легион подключили, хотя там советские пытаются следить, чтоб у них ничего не отняли. Сами с усами, все собирают и в СССР тащат. Отберешь по списку необходимое. Все тщательно запишешь и мне на подпись. Свободен.

* * *

Прапорщики в любой армии одинаковые. Тщательно берегущие складское добро от покушений на него. Особенно приятно для прапорщика не дать, то что положено. Имущество должно лежать на складе, тщательно пронумерованное, красивыми штабелями, чтоб любой проверяющий остался довольным. Этот был не исключение. Он смотрел на разрешение взять со склада с явным подозрением. Понять его было можно. Оно содержало что-то невразумительное – дать подателю сего, что он хочет, для создания мобильной группы.

– Не нравится, звони полковнику, в штаб бригады. Да не бойся лишнего не возьмем, – говорил я утешительно. – Вон Юдит все тщательно запишет и номера и количество.

Прапорщик мучался, тревожить начальство не хотелось, расставаться с добром тоже.

– А ты кто такой вообще, в первый раз вижу?

– Так в бригаде создают новую мобильную группу, для ловли проникающих из-за границы, – сообщил я ему. – Будем сидеть прямо в штабе, и выезжать только на большой прорыв.

Врать, так на совесть. При штабе, значит человек нужный.

– Сам понимаешь, без большого блата на такое место не попадают. Мне не только оружие, мне и людей обещали. Могу отбирать, кого хочу. Вот ты не желаешь в строй?

– Ладно, пускайте, – махнул тот охране на проходной, – сержант тебе покажет, что к чему. – Но, помни мою доброту! И шуточки свои, засунь, знаешь куда?

– Конечно, конечно, я вовсе не хотел тебя обидеть – бормотал я, торопливо залезая в кабину. – Офер, пошел!

Даже в самых лучших мечтах такое представить было невозможно. Пещера Аладдина. Там было все. Длинные ряды военного имущества уходили за горизонт. Ну, слегка преувеличил. Но на дивизию хватит.

– Ну, и чего желаете? – спросил сержант, глядя на наши восторженные лица.

– Сначала транспорт. Дов – грузовик. Офер, помоги ему. И проверьте там, чтобы все в порядке было, аккумулятор новый, инструмент, запаска, резину можешь снять с других

машин. Потом смотришь дожд. Да кто тебе мешает в тихую свою резину тоже поменять? Ты что, не водила, Офер? Только отработать придется. Грузить будешь, а ты что подумал? А мы пойдем за оружием. Вон туда? Подъезжай, прямо к складу.

Юдит, все записываешь. Номера двигателя, что берем, сама знаешь что положено. Отчетность должна быть в порядке, чтоб на проходной не тормознули.

Моше, пошли со мной. Тебя как зовут, сержант? Габи. Давай, Габи, показывай, где тут самое лучшее лежит. Начнем с пулеметов. «Максим» себе оставь, «Горюнова» тут нет? Что советских не завезли, только трофейные? Ну, тогда немецкие показывай.

Через пару часов, когда гора ящиков напоминала маленький Эльбрус, наш новый собственный грузовик подъехал и взъерошенный Дов тихо мне сказал:

– Мы тут осмотрелись, там дальше, продовольствие. Надо брать. И трактор.

– Трактор-то нам зачем?

– А в кибуце давно плачут, что им нужно. На обмен. Не все ж нам мешки таскать. Пусть трактор пашет.

– Сам придумал, сам и меняться с кибуцниками будешь. Инициатива в армии наказуема.

Вечером мы выехали колонной. Джип, два грузовика и трактор нагруженные до верха. Трактор тащил полевую кухню. Все что я просил у полковника, в двойном количестве, и еще, масса всякого добра вроде рюкзаков, ботинок и даже немецкого камуфляжа. Завершающим аккордом были полгрузовика пшеничной и кукурузной муки и консервы. Что они делали на оружейных складах, меня мало интересовало. Солдат, упустивший возможность прихватить съедобное и не солдат вовсе, а так, недоразумение.

Мы взяли бы еще больше, но больше не помещалось. Пришлось снять брезент с кузовов, чтобы все влезло. Моторы еле тянули из-за перегрузки. Хотя все умотались вусмерть, но это была она – моя удача. Такое больше не повторится. Зато на ближайшее время можно забыть про вымаливание всякой ерунды, без которой просто невозможно жить. Похоже, Дейч прекрасно понимал, чем это кончится, когда выписывал свое расплывчатое разрешение. Как там Ицхак сказал, пусть они свои интриги крутят, а ты делай свое дело хорошо...

В понятие хорошо входит и обеспечение личного состава. Хотелось бы мне все-таки почитать, что там у меня в личном деле написано.

* * *

Газета А-Арец

Советские войска стремительно продвигаются в Китае. Красная Армия снова показала свои высокие качества. Если бы не ее стремительные действия война на Дальнем Востоке могла бы затянуться еще на месяцы.

Газета Коль Ха-ам

Японские самураи возомнили, что они должны быть властелинами всей Азии. Этому никогда не бывать! Наступил долгожданный день. Доблестные войска Красной Армии с честью выполнили свою историческую миссию. Действуя совместно с армиями союзных войск, они завоевали победу. Враг повергнут в прах! Свободолюбивые народы на востоке, на западе, во всем мире теперь могут жить спокойно.

10 августа 1945 г

* * *

Дверь отскочила от удара, влетел Рафи.

– Лейтенант, синяя ракета со второго поста!

– Поднимай всех, по боевой. Работавших сегодня в окоп, одного к Хаве предупредить. Твое отделение к воротам, пойдем проверять, что случилось. Абутбуля ко мне.

Он выскочил из комнаты. Это хорошо, что синяя, прямой опасности атаки нет. Может банду, идущую в нашу сторону заметили.

Издалека было видно, что один торчит на видном месте, махая руками. Когда подбежали ближе, стало видно, что это Крейзель. Причем явно не в себе.

– Смирно! Доложить, что случилось.

В глазах появилось осмысленное выражение.

– Пришли на смену. А там Шай, горло перерезано, Дана нет.

– Вокруг все осмотрели?

– Да! Мы все кругом облазили, ни крови, ни тела ничего.

К нам подтянулись остальные. Смотрят, ждут, что я делать буду. Смена раз в восемь часов, те кто это сделал давно ушли.

– Собрались, привели себя в порядок. Тут дорога одна, пойдем к деревне. Поговорим с Юсуфом.

Юсуф был местный пастушок, по-моему, он и сам не знал, сколько ему лет, но не больше двенадцати. Время от времени мы с ним меняли всякую мелочь на сыр и молоко. Попутно он делился новостями деревни. Не шпион, конечно, но что делается у соседей знать надо.

Семья у него была бедная, даже по здешним понятиям, из родственников только старшая сестра с дедом и бабкой, так что его в деревне вечно гоняли, все кому не лень. В нас он обрел благодарных слушателей, а когда я сделал ему рогатку, восторгу не было предела. Было у меня подозрение, что он ее употребил по назначению. Один из двоюродных братьев пару недель назад ходил с перевязанной головой.

– Идет, – пихнул меня в бок Рафии.

– Абутбуль, со мной. Остальные ждите.

Юсуф явно обрадовался и что-то быстро затараторил. Я терпеливо ждал конца монолога.

– Что?

– Это были люди Исмаила, – пересказал мне Абутбуль. – Он из клана Хусейни, но какой то сильно троюродный, его там не уважают. Должен делать себе авторитет. Решил показать какой он герой. Одного убили, потому что успел схватиться за оружие, второго повели в свою деревню, Джаламе. Это семь километров отсюда. Будут казнить через пару дней на глазах у всех. Его дом крайний, легко найти, там ворота железные. В отряде человек сорок. Держат, скорее всего, в яме во дворе.

– А не врет? Чего это он все выкладывает?

– Он прямо не говорит, но, похоже, этот Исмаил имеет виды на его сестру. В неподобающем виде. Был бы взрослым, убил. А так есть возможность, что мы это сделаем.

Я вытащил нож и протянул Юсуфу.

– Скажи, что это подарок. Мы ему очень благодарны.

* * *

– В армии существует закон, своих не бросают. Сегодня бросишь ты, завтра – тебя. У нас мало шансов, но попробовать вытащить Дана мы обязаны. Запомните, нечего бояться толпы людей и оружия у них. Мы нападём внезапно, и в самом сердце арабского района, где нас никто не ждет. Неожиданное нападение заставит их забыть, не только где находится предохранитель винтовки, а вообще где она лежит. Необходимо устроить им шок, чтобы заставить растеряться. Поймите, что сидящие внутри дома, бояться вас точно так же, как вы их. Они не знают вашей численности, и чего вы добиваетесь.

Посмотрел на строй еще раз внимательно, – Есть кто-то, кто болен или не хочет идти? Никаких наказаний не будет, но нам не нужен человек, который не может идти. Молчание.

– Значит, пойдут все. Тех, кто не может совершать длительные переходы, я оставлю на границе в засаде. Если мы нашумим, нужно, чтобы нас прикрыли огнем при отходе. Ждать двое суток, потом уходите, может нам придется возвращаться другой дорогой. Через два часа собраться при полной выкладке. Вольно, разойдись.

Со стороны кибуца быстро шла Хава, в сопровождении Вольфа.

– Ты собираешься идти на ту сторону?

– Да.

– Ты не имеешь права, – понеслось из нее потоком и без разделения на отдельные фразы. – Правительство проводит политику сдерживания, и своим дурацким поведением ты можешь обострить ситуацию! Научись читать инструкции. Или ты еще не выучил достаточно иврит? Я немедленно доложу о твоём поведении.

Тут меня переклинило. И я пошел на нее.

– Спасение своего товарища ты называешь дурацким поведением? Ты, партийная гнида! Да, я не знаю иврит. Но, даже не зная язык, я думаю о деле и о своих людях. А ты была дерьмом, есть дерьмо и дерьмом останешься.

Тут, остатки иврита вылетели из головы окончательно, и я продолжил уже на военном русском, выливая ей на голову, все знания мата, копившиеся с начала войны. Они оба испуганно шарахнулись. Так, с ней уже много лет никто не говорил.

– Я это так не оставлю!

На ступеньках, у входа в барак, сидел Ицхак.

– Правильно, – сказал он, – Если ты так и не выучил иврит, называй вещи своими именами. Ну вот, она и дождалась большого ЧП, ругань – это просто пикантная добавка к блюду.

Я присел на корточки, чтобы видеть его глаза.

– Ты все слышал?

Он утвердительно кивнул.

– Ты думаешь, что я не прав?

– Ты еще не понял... Нет на свете одной справедливости для всех. Если араб украдет у кибуца корову – это плохой поступок. Но если я украду корову, у араба, потому что детям нужно молоко – это хороший поступок. Смотря, кто оценивает. Если ты считаешь, что должен что-то сделать, значит надо делать и плевать на последствия. Главное, жить с собственной совестью в ладу. Пока ты молод – это легко. Чем старше становишься, тем труднее. Все время одолевают мысли о том, что будет потом с твоей жизнью, кто будет кормить твою семью. За все приходится платить. Рано или поздно, так или иначе. Поэтому делай что должен. А когда будешь уходить, оставь мне ключ от своей комнаты. Я позвоню в штаб бригады, когда вас уже не будет и некому будет отменить приказ. Заодно и Меера подниму. Давай, иди!

– Уезжал бы ты из кибуца, – с сожалением сказал я. – Все равно нормальной жизни здесь не будет. Есть же возможность в Рамат Гане на «Таасие» работать. Там хоть отвлекать по мелочи не будут. Доведешь автомат до ума, может и станет твое имя известным не только здесь.

– Может, и уеду, – ответил Ицхак. – Посмотрю, чем это представление закончится.

* * *

Это только очень умные думают, что надо собрать подчиненных, взять оружие и вперед. Надо не только выполнить задачу, но еще и уйти, желательно без потерь. Я выложил на стол карту с собственными пометкам. Дороги, банды, дислоцированные в деревнях. В большинстве мест все очень приблизительно. Имя главаря, предполагаемое количество стволов. А откуда у меня больше, я ж не в разведке служу, все больше слухи.

Вот и наша цель. Население под тысячу, значит не меньше двухсот вооруженных. Может быть все что угодно, от охотничьих ружей до пулеметов, тут не угадаешь.

Действительно, Исмаил от сорока до пятидесяти бойцов, иорданских военных рядом нет – уже хорошо. А эти двести – деревенская самооборона, шансов, что пойдут вдогон крайне мало. Главное, сделать все быстро. Если нас обнаружат раньше времени, застрянем до рассвета, набегит толпа с окружающих сел.

Если бы Дан погиб, я бы, конечно мстить не пошел, слишком опасно, придется идти в глубину вражеской территории, не готовы еще. Но пару недель назад на севере остановили грузовик. Четверых, сидевших в машине разрубили на куски. Нас послали собирать отрезанные руки, ноги, уши. После этого я никогда не ложился спать, не проверив сначала часовых. Нельзя допустить, чтобы арабы в своей деревне из такого, зрелище устроили.

* * *

– Похоже, Юсуф нам все правильно сказал я. – Вон и охранник во дворе. Все помнят, что делать? Пулеметчикам держать улицы, слава Богу, параллельные. Начали!

Первое отделение метнулось к забору. Часового сняли чисто. Теперь их задача – проверить яму и заминировать дом. Есть! Двое тащат Дана. Сам идти не может. Даже при лунном свете видно, что все тело один сплошной синяк. Положили его на приготовленные носилки, встали вчетвером и пошли в сторону засады, прикрывающей отход.

– А это еще кто?

– Он тоже в яме сидел.

– Я друз, из Сувейды, Самир Кумсия.

Хрен ее знает, где эта Сувейда, вроде на севере, но друзы на нашей стороне.

– Сейчас разбираться некогда, если поведешь себя неправильно, застрелим, – на всякий случай предупредил.

Подбежал Рафи:

– Заряды готовы.

Со стороны дома раздался выстрел. Из соседнего что-то встревожено спросили. Все, тишина кончилась.

– Взрывай, – приказал вопросительно посмотревшему солдату.

Взрыв расколол ночь. Боковая стена рухнула, в обвалившемся здании кто-то страшно кричал, не переставая. Из дома, откуда спрашивали, выскочило несколько человек с винтовками. Пулеметчики слаженно их накрыли, потом прошли по другим домам вдоль улиц.

– Уходим, еще пару очередей и через две минуты снимается пулеметное прикрытие.

В трех километрах от деревни остановил всех. Построил по отделениям.

– Почему стрелять начали?

– Там один вылез из сарая не вовремя, еще немного и поднял бы крик.

– Ладно, разбор устроим дома. Это еще не конец. Необходимо выйти на границу до рассвета. Вопрос жизни и смерти. Идем на пределе возможностей, надо выиграть время, пока они там не опомнились и не вышли в погоню. Носилки несем по очереди. Самир, ты первый тащишь, заодно и руки заняты и на глазах будешь. Рафи, возмешь двоих – вперед на разведку. Через пять минут остальные, кроме тройки Моше с пулеметом. Ты ставишь растяжки на дороге, потом догоняешь и прикрываешь сзади.

Мы оторвались от погони. Марш-бросок был и длинный и тяжелый. Почти не было надежды дойти до рассвета. Шли ускоренным темпом, время от времени переходили на бег. Один раз сзади услышали взрыв. Похоже, сработал сюрприз. После этого они или стали осторожничать или вообще остановились. На границу вышли к девяти часам, после пятичасового бега.

В кибуце нас уже ждали. Двое, явно из здешнего НКВДе.

– Ты, Томский?

– Я.

– Проедешь с нами.

– Сначала раненого в больницу сдать и этого... Самира вам под расписку, потом поедем к вам.

– Конечно, потом поедим к нам, надо выяснить все о твоих самовольных действиях.

Вокруг стали собираться мои бойцы с нехорошим выражением морд. Еще немного и меня начнут спасать от застенков, возможно со стрельбой. Только смертоубийства мне не хватает, для полного счастья. Набрал в рот побольше воздуха и заорал:

– А вам что здесь надо? Положить Дана в машину! Третье отделение занимается согласно расписанию, наотдыхались в засаде. Остальным – спать. Орлов – остаешься за старшего. Завтра вернусь, проверю. Чтоб все блестело.

* * *

Допрашивали меня часа три. Хотя скрывать было нечего, сначала я усиленно делал вид, что плохо понимаю иврит. Пока вопрос повторяли или перефразировали простыми словами, было время подумать. Потом зашел какой-то начальник и, вызвав их в коридор, что-то тихо говорил несколько минут. Меня оставили в покое. Закрыли кабинет и ушли. Подождал минут десять, поставил стулья рядом и завалился спать. Подняли меня пинком. Надо мной стоял и радостно скалился Изя. Он швырнул мне в руки кобуру, с пистолетом.

– Все, хватит отдыхать, едем в штаб бригады.

Когда сели в джип, я спросил:

– И кто на этих надавил?

– Зачем давить? Если б ты свой взвод положил, распяли бы тебя, как это мы хорошо умеем. А так, все вернулись, товарища спасли, да еще и с прибылью. Да и обставился ты как следует, доложил по телефону посреди ночи, что выходишь на поиск пропавшего, пока до начальства дойдет, уже не остановишь.

Спасибо, Ицхак, благодарно подумал я. Хорошо быть предусмотрительным старым и мудрым евреем.

– Мееру даже не надо было ничего особенно делать, – продолжал говорить Изя. – Тебе не сказали, но уже по радио говорили, твой результат – Двадцать два убитых и восемнадцать раненых. Нечего всяким командос носы задирать, НАХАЛ тоже кое-что может.

– Кстати, насчет прибыли – что это за Самир был?

– Ну, ты ж знаешь, кто такие друзья?

– На севере какие-то живут, вроде буфера между нами и Сирией.

– Это секта такая мусульманская, – покровительственно объяснил Изя. – Что-то у них там по обрядам не совпадает, так остальные правоверные их иначе, чем собаками не зовут. У них там покруче, чем у евреев. Чтобы друзом быть, надо и папу и маму друзского происхождения иметь. И как они молятся, только они и знают – чужих не пускают. А чтоб соседи плохо не думали, можно и в суннитскую, и в шиитскую мечеть молиться ходить. Им без разницы. Но главное, у них в собственности земля и вода, еще с какого-то мохнатого века, отдавать не хотят. Вот и режутся последние несколько сотен лет, по страшному. Особенно с бедуинами, тем лишь бы соседей пограбить. А враг моего врага, если не друг, то товарищ по окопу. Его украли на севере, не то выкуп взять хотели, не то какие то свои счета сводили, он темнит. У нас тут Восток спасенный тебе обязан, и весь его род тоже. Так что не плюй на такое знакомство, у Самира полторы тысячи родственников со стволами, пригодится в жизни.

Давно у меня крутилась мыслишка, да все спросить забывал.

– Изя, а ты случайно не из польского союза ветеранов Меера знаешь?

– И совсем не случайно. Не прошло и полгода, как догадался.

Впервые за долгое время он не шутил и говорил серьезно.

– Если в начальство попадешь, кого в заместители выберешь? Своих старых знакомых, от кого знаешь чего ждать и можешь не бояться, что подведут. Армия не исключение. Люди знают, что если пойдешь наверх, они тоже пойдут. Уже пошла демобилизация старших возрастов и ограниченно годных. Ходят слухи про сокращение срока службы для призывников на полгода, чтоб сэкономить на министерстве обороны. Говорят об увольнении в запас офицеров в возрасте. Скоро начнется страшная драка наверху за места. Группировки служивших в Легионе, в армии, добавятся партийные дразги. Министр обороны у нас Бегин, но есть вещи, которые он один решить не может.

– Ну а я при чем?

– Подчиненных подбирают не только по дружбе с детства или за красивые глаза. Надо еще чтобы человек дело умел делать. Ты доказал что можешь. И при этом, никак Мееру не пришьют – что ты член Бейтара. Наоборот, бывший легионер и яркий пример практически члена коммунистической партии, – он снова начал скалиться.

– Ну, какой из меня коммунист...

– Правильный. На собрания не ходишь, все солдат гоняешь. Вот и продолжай... Был у меня случай, в 1941 г ехали мы по Ливии... Никаких дорог, сплошные пески. Машины то и дело застревали, и надо было вылезать и толкать. А с нами ехали два местных бедуина-проводника. Вот толкаю я, упираясь плечом, поднимаю голову и вижу, они в кузове сидя, видимо, желая нам помочь, со всей силы за борта тянут.

– И к чему это ты?

– Если ты делаешь что-то, что делают другие, вылезь из кузова и становись в общую группу. Не надо помогать сидя в кузове. Мало, что не оценят, так еще и смеяться будут. А в группе, как известно, и батьку бить легче...

* * *

Меер достал из сейфа бутылку. Где он интересно достает «Смирнофф», когда все по карточкам. Не иначе как с черного рынка.

– Ну, за твой успех, который очень кстати. Две стопки звякнули при легком ударе друг о друга.

– А теперь поговорим серьезно, – убирая бутылку, сказал. – Официального приказа еще нет, но это вопрос двух-трех дней. Принято решение о создании отдельного рода войск

– пограничников. Это давно надо было сделать, но теперь удалось продать решение. Мы переходим на нормальное комплектование, из призывников. А что касается тебя, то будет создан отдельный разведывательно-диверсионный батальон, подчиненный штабу войск. Это все, как понимаешь, дорого стоит. Поэтому изменения возможны. Будем делать выводы по результатам.

Из поселков нас уберут на отдельные заставы, будем теперь на общих условиях. Формировать будут из новобранцев новые роты и батальоны, которые будут проходить специальную подготовку в течение полугода, и по её завершении из них будут формироваться отдельные батальоны. Бойцы Нахаль, отслужившие, к примеру, полтора года тоже будут выведены на переподготовку, сроком три месяца.

Все остальные, кроме вспомогательных подразделений, будут постепенно уволены. Таким образом, в течение полутора лет бригада будет полностью переформирована и переучена. Начинать надо с офицеров и прапорщиков. Их отбирать по частям, кого-то пригласить из демобилизованных, пару месяцев подучить и только потом давать им в руки личный состав. Да, офицеры и прапорщики должны быть призваны на срок не менее пяти лет. Ты, в придачу, умудрился дать сомнительную идею, со своим, английским полицейским. Наверху радостно ухватились за эту мысль. Будут, заодно, использовать как полицейскую поддержку внутри страны при беспорядках и демонстрациях.

– Ага, новые штаты, новые возможности.

– Правильно понимаешь. Комбриг пойдет выше, а на бригаде теперь буду я, пока все утрясется. Курирую и отвечаю за формирование твоего подразделения тоже я. Потом, если все пойдет хорошо, переведут в подчинение штаба войск. Там, – он ткнул пальцем вверх, – хотят убедиться, что пользы будет больше, чем вреда.

От тебя мне требуется создание отряда, который бы занимался акциями возмездия. Одного взвода мало, засада на пути боевиков недостаточна. И перехватывать их на обратном пути тоже мало. Необходимо уничтожать их на подходе или вообще на базе. Особенно важно, не трогать гражданских. Все должно быть по возможности чисто. Но при этом все должны знать, что ходить на нашу сторону очень вредно для здоровья. Даже если сразу не поймают, придут потом и не только убьют, но и дом взорвут. Для арабов, дом, очень важная вещь, может, что-то дойдет даже до особо фанатичных, если и их семьи пострадают.

Начнешь с роты, потом она будет развернута в батальон. Выход на иорданскую территорию, нанесение удара, отход. Сколько нужно времени, на сформирование и обучение?

– Минимум полгода. На основе костяка из моего взвода разворачивается рота. Дополнительные части усиления. Набор провожу сам, на основе сдачи тестов физической подготовки. Лучше уже служащих в армии, а не призывников, чтобы не терять время на начальный курс подготовки. Еще нужны опытные специалисты для обучения, ну помните, мой доклад? Необходима также информация. О местах базирования, главарях, о численности банд и вооружении, вооружении, тактике действий. О путях передвижения, транспорте, о связях с другими бандами. Тут без связи с разведкой не обойтись, но цели отбираю я.

– Максимум пять месяцев. Но нужно еще быстрее. Нам нужно показать результат, чтобы не поднимали вопрос о необходимости подобной реформы. И денег особых не жди. Чего нет, того нет. Помещение, оружие и люди – это то, что я могу тебе дать. Да, ты жаловался, что нет уставов и наставлений по диверсионной деятельности? Получи.

Он бросил на стол стопку книжек. Я начал просматривать названия. "Наставление по обучению САС", на английском. "Действия ягдкоманд на Восточном фронте", на немецком. "Боевые действия командос в Северной Африке", на иврите.

– Потом посмотришь, – сказал он. – Что нашли, то и есть. Вот еще номер телефона командира батальона командос южного округа. Встретишься, поговоришь. Он парень нормальный, поможет.

– Тогда, может, дадите заглянуть в списки демобилизованных из Легиона, въезжающих в страну? В своей дивизии я многих знаю, и знаю, кто мне пригодится.

– Это без проблем, получишь. И еще по стопке за твое новое-старое звание капитана. Приказ уже подписан. У вас было положено звездочки в стакан класть, а у нас, как звание получают – банкет устраивают. От тебя жду при получения полковника... Выпил? Иди делать свою работу. Время пошло.

* * *

Газета А-Арец

Вчера, в городе Нюрнберге, открылся процесс над главными нацистскими преступниками. Перед судом за преступления против человечества, предстанут руководители третьего Рейха. Хотя суд будет по всем правилам с адвокатами, очень надеюсь, что прокуратура собрала достаточно документальных свидетельств, чтобы никто не отвертелся от петли.

Газета А-машкиф

На утреннем заседании Трибунала выступил представитель английского обвинения майор Элвин Джонс.

До того, как обвинение перейдет к представлению Трибуналу материалов против отдельных подсудимых согласно 1-й и 2-й глав обвинительного заключения, говорит Джонс, мы приведем ряд выдержек из книги Гитлера "Моя борьба", которая являлась для подсудимых основой для действий.

Обвинитель цитирует ряд мест из книги "Майн кампф", в которых прославляется господство силы и пропагандируется превосходство так называемой "арийской расы" над другими расами. Книга "Майн кампф", заканчивает свое выступление представитель английского обвинения Джонс, показывает, что с момента захвата власти и задолго до этого Гитлер и его сообщники были заняты планированием и подготовкой агрессивной войны, что книга "Майн кампф" была не просто литературным упражнением, а выражала доктрину господства нацистской Германии в Европе и во всем мире. Принимая и пропагандируя книгу "Майн кампф", гитлеровцы намеренно толкали цивилизацию в пропасть войны. Международный Военный Трибунал переходит далее к рассмотрению доказательств преступности каждого подсудимого в отдельности по 1-му и 2-му разделам обвинительного заключения, т. е. по разделам "Общий заговор" и "Преступления против мира".

21 ноября 1945 г

* * *

Для создаваемой роты отвели помещение в недостроенном англичанами здании полиции в бывшем Умм эль Фахм, а ныне поселке Неот Халуцим, практически на границе. Жителей было не много, слишком опасно из-за вылазок с той стороны и никакой работы.

Первым делом наладил взаимоотношения с местным советом. Денег не было, но через управление погранвойск существовала договоренность о включении работ по строительству

базы в планы министерства обороны. Много не заплатят, но гарантировано. Так что работа появилась. Нужны были люди на строительство зданий, складов, стрельбища. Требовались повара и техники. В перспективе, местные получали возможность зарабатывать на обслуживании подразделений, постоянно находящихся в районе. Те же магазины, кафе, вольнонаемные на базе. Безработица в поселке со временем исчезла. Не сказать, что меня страстно полюбили, но в здешних местах я сразу стал очень известным человеком. Тем более что сводил вместе работающих и работодателей, а потом должен был проверять объемы работ.

Через пару недель, привычно поставив между собой и просителями Юдит, повесил ей на шею все хозяйственные дела. Она теперь была большой человек – прапорщик роты.

Несмотря на все эти наставления, приходилось изобретать на ходу. Столько вопросов, столько новой информации, не успеваешь осознать и запомнить. И главное – базовых военных знаний у меня нет, все-таки пехотная рота и диверсионная – это две большие разницы, хотя минимум нам давали еще в Туркмении, но все уже успело подзабыться за ненадобностью. Некоторые детали приходится выяснять на ходу.

И все время гнали и давили – быстрее, быстрее. Вечером закрывался в кабинете и старательно учил всякие уставы и наставления, обложившись словарями. Надо ведь было постоянно демонстрировать, кто тут самая большая шишка, в том числе и по знаниям. А доказывать приходилось постоянно. Теперь, благодаря Мееру, получил возможность отбирать людей, и мог отслеживать приезд в страну демобилизованных по необходимому профилю. Многие уже навоевались и не горели желанием служить, но нам требовались специалисты. Вот перед ними и необходимо было выглядеть в лучшем виде, а не зеленым пацаном.

Благодаря Изе удалось найти Имриха Лихтенфельда. Откуда мне было знать, подобных людей, приехавших в Израиль еще в тридцатые годы. За его спиной был большой боевой опыт – в годы Второй мировой войны он сражался в частях коммандос. У нас он был инструктором по физической подготовке и рукопашному бою. Позднее он создал целую систему для рукопашников.

Были Карл Каханэ, австрийский еврей, ветеран английского спецназа, и Марсель Тумос, бывший французский легионер, успевший повоевать и в Европе, и в Африке, и в 1941 г дезертировавший от французов и перешедший к израильтянам. Были даже двое эфиопские евреев с жуткими именами Бэззабых Афэуорки и Беза Набаба. Причем один – практически негр, а другой похож на восточного еврея.

Еще в 1936 г., когда Эфиопия была оккупирована итальянскими войсками, глава эфиопского государства император Хайле Селассие I, его семья и двор бежали в Израиль и поселились в Иерусалиме, где император провел около года, а многие из его приближенных и до самого конца войны. В 1941 г. части израильской армии, вместе с английскими, приняли участие в боевых действиях на территории Эфиопии. Вот после войны они и приехали в Израиль. Тоже иудеи по вере. К разным акцентам привыкнуть можно, но это их мяуканье понять было крайне сложно. Но ребята были здоровые на удивление, успевшие несколько лет повоевать в партизанских отрядах и все нормы сдавали.

Однако бывших советских было больше. Все-таки многих я, если и не знал, мог легко навести справки, через своих знакомых, служивших с ними. А знакомые начали появляться, чем дальше, тем больше. Мой бывший особист, из полка, Фима Гимельберг, сидел у Дейча в штабе и, хотя никто ничего не говорил, но сильно подозреваю, что он меня и сосватал ему, в свое время. Фима имел железную память и сразу выдавал характеристику на любого человека, с кем раньше пересекался. Так что время от времени он звонил и спрашивал "А такой-то тебе не пригодится?".

Легионеры пошли потоком с конца 1945 г. Бывший диверсант НКВД Лазарь Файнштейн обучал разведчиков. Уж не знаю, какие он там подписки давал, и как угодил в Легион, но чем он занимался во время войны никогда и никому не рассказывал. Уже в сорок третьем

году имел орден Ленина, два Боевого Красного Знамени и две "За Отвагу", за спецзадания в немецком тылу. Опыта у него хватило бы на трех, таких как я.

Связью заведовал Соломон Шифман. До войны он был инженером на заводе. Это был уникальный специалист по любой технике и средствам связи. Он мог моментально починить любую радию, любой аппарат. Шифман во фронтовых условиях изготовил простейший коммутатор для соединения линий связи абонентов полка, используя при этом гильзы и патроны от автомата. Бывшие командир разведвзвода Хенкин, лейтенант разведки Аркадий Радзиевский, разведчик Скопас Шалом, бывший командир саперного батальона Иосиф Серпер, снайперы Винник Борис и Генрих Кац, бывший командир роты Аркадий Фельдман.

В течение недели прибыло почти тысяча добровольцев. Сначала пограничники, потом из других частей. Самому молодому солдату было восемнадцать лет, самому старому – почти сорок. Условием было участие в военных действиях не менее года, чтобы базовые знания уже были. Если не считать моего бывшего взвода, все успели повоевать. Требовались знатоки арабского языка. Желательны были с нужные специальности.

С каждым говорил я или Рафи с Довом. – Смотри, – говорили мы, – вы не будете заниматься местью первым попавшимся арабским пастухам или феллахам. Мы будем готовиться к военным действиям, в составе взвода, роты и батальона. Будем выкорчевывать лидеров и подстрекателей. Будем приходить в деревни, дающие приют и укрытие бандитам и демонстрировать им, что эти действия навлекают на живущих в них неприятный ответ. Человек, призывающий к совершению убийств, должен быть убит, и дом его взорван. Простые люди нас не интересуют. Убийство посторонних только дает толчок появлению новых федаинов, желающих мстить. Мы должны показать, что мы не убийцы, а приходим в ответ на их действия. Каждая акция будет иметь конкретную цель. Если вы еще не настрелялись или вам все равно, кто на той стороне вам попался, лучше откажитесь сразу.

Потом, в течение двух недель, проверяли умение обращаться с оружием, умение стрелять на скорость и точность, умение быстро справиться с осечкой, умение оказать первую помощь раненому. Прошедшие отбор зачислялись на подготовительный этап. Там шло обучение на точность, скорость и технику стрельбы. Причем добивались, чтобы каждый был универсалом. Мог обращаться с любым стрелковым оружием, включая не имеющиеся на вооружении образцы, и способен был заменить любого, выбывшего из строя. Вначале индивидуально, затем отделениями и взводами.

Особое внимание уделялось тренировкам по стрельбе – лёжа, с колена, стоя, на бегу, из укрытия, поверх собственных бегущих товарищей, с использованием в качестве целей неподвижных и перемещающихся мишеней. Бойцы должны были преодолевать различные физические нагрузки: многокилометровые марш-броски с полной выкладкой, которая весит от пятнадцати до тридцати кило, преодоление препятствий различной степени тяжести и многое другое.

По окончании курса следовал экзамен, который заключался в проведении 80-километрового марш-броска по пересеченной местности. Кроме того, любой солдат должен был уметь в полевых условиях самостоятельно устранить небольшую неисправность в оружии, не обращаясь за помощью к штатному оружейнику.

Третий этап включал в себя топографию, рукопашный бой, специальное вождение на любых видах транспорта, горную подготовку. Изучались различные способы проникновения на территорию противника, маскировку, выживание в горно-лесистой местности, умение атаковать опорные пункты и базы боевиков. Часть людей направлялась для прохождения курсов по снайпингу и минно-подрывному делу.

Продолжительность базового курса подготовки снайперов у нас составляла четыре недели. Кроме того, был двухнедельный курс для снайперов, уже имеющих боевой опыт.

Мало, в нормальной ситуации, но опытом делились снайперы, имевшие фронтовой опыт, а ученики, в большинстве были не зеленые новички.

После прохождения курса медпомощи санинструкторов мои солдаты были способны оказывать всевозможную медицинскую помощь, а также проводить несложные хирургические операции. Тут еще проблема была с лекарствами. Инструкция была на иврите и английском, а советские знания языка обычно кончались на немецком разговорнике. Попутно ко всем физическим тренировкам, каждый день учили иврит.

Давали спецкурс и по арабскому языку. Для начала требовались хотя бы базовые знания для допроса пленных.

В случае если новобранец не отвечал предъявляемым к нему требованиям по выносливости, обращению с оружием, по способности к методам ближнего боя, он не всегда отсеивался. Тогда мы решали, имеет ли смысл использовать его в составе не боевых, а вспомогательных подразделений. Таким образом, получалось, что все должности, в связи, шофера, хозобеспечения и т. д. укомплектовывались молодыми людьми, которые в обычных частях, по своим физическим данным и подготовке вполне могли быть зачислены в боевые части. Это давало возможность использовать их в случае крайней необходимости, как резерв. Между прочим, из моего первого взвода, шестеро там и оказались. Все-таки конкуренция была большая, отсеял почти 85 процентов. А одиннадцать пошли на другие заставы, но уже в качестве старших сержантов. И все равно, мы еще много лет общались и приглашали друг друга на праздники.

Мы стремились создать некое «братство», где офицер или сержант был бы "первым среди равных", человеком, пользующимся авторитетом у своих товарищей, которые бы подчинялись ему, как своему командиру. Но не просто "назначенному командиру", а человеку, более профессиональному и подготовленному. И подчинялись сознательно, а не только за счет дисциплины. Все-таки, мы были не обычной пехотой, а диверсионным подразделением, где решения принимались на поле боя сержантами, лейтенантами и капитанами, не дожидаясь указаний из штабов. И при этом в головы постоянно вбивалось, что мы занимаемся обычной работой, ее нужно делать профессионально и без авантюризма. Главная задача — не попасть на первую полосу газеты, а сделать свое дело и не потерять никого.

Конец курса характеризовался непрерывными марш-бросками, обработыванием различных боевых ситуаций. Причем в боевой обстановке. К концу четвертого месяца по договоренности с комбригом начали проводить патрульные рейды в приграничных районах. Почти каждую ночь пересекали границу и уходили вглубь вражеской территории. Большинство таких рейдов проходило без столкновений с арабами. Более того, во многих случаях мы намеренно стремились избежать таких столкновений. Но порой избежать их попросту не удавалось. Вспыхивала перестрелка, арабы несли потери, а патрульный взвод тотчас отходил, оставляя противника в неведении: то ли это было очередное "сведение счетов" между враждующими арабскими группами, то ли действительно израильская акция.

Несколько раз раненые были и у нас.

* * *

— Капитан, ты глянь что происходит!

Происходило, действительно, что-то странное. Посреди ночи, двое арабов тащили тяжелый мешок от деревни.

— Сперли, что ли, что-нибудь?

— Ну, вот нам и объект, для тренировки, — сказал Радзиевский, поигрывая ножом. У него была к разным ножам какая-то нездоровая страсть. Всегда, где видел что-то новое, тут же мчался купить, сменить и не удивлюсь, если украсть. Самая его большая радость была,

что удалось вывести из Союза десятков особо редких и ценных. Правда, в отличие от нормального коллекционера, он их употреблял в деле. И совсем не колбасу резать.

– Разреши, мы их возьмем.

– Давай, только живыми. Омри, иди сюда, – позвал сержанта. – Переводить будешь.

Омри у нас был специалист по арабам. Репатриант 1942 года, гордо доказывающий, что он не какой-нибудь паршивый сефард, а самый натуральный бербер, которых вся Северная Африка боялась последние восемьсот лет. На мой, непривычный глаз, различать берберов от бедуинов, или увидеть отличие от араба, можно было только по кипе на голове.

Аркадий махнул своему отделению и метнулся наперерез.

Несколько минут, и они гордо сгрузили связанных ночных гостей пред мои светлые очи. Сунувшийся к мешку Орлов отпрянул.

– Тут баба!

Действительно, баба, хотя, скорее молодая девчонка, лет шестнадцать. Явно задушенная, на шее висит веревка. Все страньше и страньше.

– Что у арабов, Джеки Потрошители завелись? Омри, а ну-ка поспрашивай, что за странные дела творятся.

Омри пожал плечами.

– Зачем? Я и так сказать могу. Если отец или брат не убьют дочь, опозорившую семью, ради чести семьи, люди из деревни отвернутся от этой семьи. Никто не будет с ними говорить, никто не поможет, ничего не купят и не продадут. А другие дети никогда не смогут выйти замуж или жениться.

– А ты, спроси, – сказал я с нажимом. – Что такого она сделала.

Омри, снова пожав плечами, заговорил со старшим.

– Ну?

– Соседи увидели, как с парнем обнималась, сказали отцу. А второй – брат.

– Просто обнималась?

– Ну, да. Что ты удивляешься? Не положено! Мусульманская девушка не должна на парней глаз поднимать, да и на улицу ходит только в сопровождении старших.

– А с парнем что?

– Уедет, пока все не забудется, может через пару лет и вернется.

Я обернулся к Аркадию.

– Не наше дело их судить, но, может, это и хорошо, что они нас видели. Нельзя отпускать. Кончай их!

* * *

Газета А-Арец

Многие партии уже начали предвыборную агитацию. Основной темой на этот раз будет реакция на все ухудшающееся положение в Иордании. Бегин, на митинге в Тель-Авиве заявил, что необходимо принять радикальные меры. Политика сдержанности себя не оправдывает.

Газета Ха-бокер

Вчера на заседании палаты общин правительству был задан вопрос: Каковы цели и объем англо-израильского торгового соглашения? С ответом выступил парламентский заместитель английского министра иностранных дел Батлер. Батлер заявил, что это соглашение предусматривает создание совместного англо-израильского комитета, который разработает

ряд необходимых мероприятий, по урегулированию товарообмена и установлению железнодорожной, морской и воздушной связи между двумя странами.

14 декабря 1945 г

* * *

Когда раздался стук в дверь, я с тоской смотрел на очередную стопку документов. Хотя Юдит освободила меня от массы хозяйственных дел, пропихнутая мной специально с этой целью на должность ротного прапорщика, конца этому не предвиделось. Она, впрочем, не возмущалась и терпеливо выносила необходимость мне объяснять, а иногда и перевести. Еще и потихоньку исправляла грамматические ошибки.

– Войдите, – сказал я. – А, это ты. Заходи, закрой дверь, присаживайся.

Анна села и внимательно посмотрела на меня.

– Что-то случилось?

– Цви, когда ты был последний раз в отпуске?

Я попытался добросовестно вспомнить. Похоже, вообще не был, с самого приезда.

– А что ты видел в стране?

Это уже было легче.

– Иерусалим и Ашдод.

– Это там, где штаб бригады и порт?

– Ну, в общем, да.

– Значит, ты ничего не видел, – утвердительно сказала она. – Я собираюсь показать тебе страну.

– Да у меня работы еще полно.

– Ты чему учишь своих взводных?

– Чему? – заинтересованно спросил я.

– Что хороший командир должен уметь использовать умения подчиненных и стараться не ограничивать их инициативу. Поэтому, вот это, – она показала на бумаги, – ты сейчас отдашь Орлову и Кацу, а сам поедешь отдыхать. Один день в неделю вполне заслужил.

Увольнительных в советско-красноармейском понимании здесь не было. Существовал график отпусков. Если не занят в наряде, не в патрулировании и не в дежурной смене, раз в неделю положено увольнение на сутки домой. Благо, два часа в любую сторону. Если, конечно, автобус во время придет. С этим пока еще напряженка. Бензина мало и график работы общественного транспорта вечно перекраивали. Жить на Ближнем Востоке и не иметь своей нефти – это ужасный беспорядок. А иракцы, откуда шел нефтепровод, нас сильно недолюбливали. Если бы не англичане, давно бы вентиль закрыли. Так что бензин экономили, где можно, и где нельзя. Вполне могли отменить автобусный рейс или перенести его на другое время. Очень часто приходилось добираться на попутках. Правила хорошего тона гласили: – "Солдата подвезти обязательно". Поэтому самое страшное наказание было лишить отпуска. Было даже специальное название «Хеци», дословно половина. Это значит что солдат половину выходных «закрывает» на базе, т. е. уходит в отпуск на выходные раз в две недели.

– Э..., – сказал я очень умно.

– Правильно понимаешь. Мы тут посоветовались, и я решила, что на один день в неделю ты имеешь право. Так что жду тебя через час у ворот. Я тебе, для начала, покажу другой Иерусалим.

И я увидел другой Иерусалим. Не военный, где каждую минуту ждешь стрельбы, и на улицах патрули проверяют документы. Кривые, поднимающиеся вверх и опускающиеся вниз улицы. Запутанные, без плана построенные улицы и переулки, с совершенно идиотской нумерацией домов. Никаких, тебе, четная и нечетная сторона. Дома получали номера по принципу, "который раньше построен", поэтому следующий мог находиться в совершенно противоположном конце. Лабиринт временных построек, сараев, складов, загоронок. Ржавые водосточные трубы. Захламленные мусором из ближайших домов пустыри, заросшие колючкой, с играющими там детьми.

Город нормальных жителей. Которые просто живут и работают, а не служат. Которые не сильно религиозны, но все равно религиознее остальных израильтян. Которые собираются на вечеринки с обязательной пьянкой, хотя выпитое здешними пьющими, в сравнении с Россией может только насмешить. Что интересно, вход свободный и хотя многие друг друга знают, но попадают и совершенно незнакомые личности. И бесконечные споры о политике и жизни. Тут уж евреев хлебом не корми, дай высказаться по любому вопросу. Кстати, тут я с удивлением узнал, что числюсь как бы не в великих героях. Война – это было где-то там далеко, а убитые феодалами здесь, рядом и совершающих акции возмездия очень уважали.

Но главное, она упорно водила меня по разным развалинам и рассказывала, кто, когда и зачем их построил. Очень долго у меня невольно возникали мысли – вот здесь может стоять пулемет, вон там посадить коррективщика. Но со временем втянулся и стал получать удовольствие. Тем более что она, действительно много знала и с увлечением рассказывала о всех этих древностях. Анна собиралась поступать после армии на исторический факультет университета. Позднее, она начала демонстрировать мне и другие места, где имелись исторические развалины.

Израиль представлял из себя огромное количество всяких древностей и достопримечательностей, которые попадались настолько часто, что местные жители не обращали внимания на очередные колонны и нередко растаскивали на камень для построек, что очень ее возмущало. Вообще-то, существовал какой-то закон о сохранности исторических мест, и требовалось разрешение до начала работ тщательно проверять место на археологические находки. На самом деле, его не очень-то выполняли, что Аню страшно возмущало.

Мы сидели на террасе маленького кафе в Абу Гоше. Звучала очередная лекция.

– Живущий здесь черкесский род с девятнадцатого века контролировал дорогу в Иерусалим, давал проводников и брал деньги за проезд. Проще говоря, предлагал паломникам платить, а если отказывались, просто грабил. С местными мусульманскими селами они были в состоянии постоянной вражды, потому что те сами были не прочь нажиться на приезжающих христианах.

В 1933 г, во время восстания, черкесы автоматически приняли сторону евреев. Так что, их не только не стали выселять, но и построили поликлинику в деревне. Они, кстати, в армии служат. А вон там, внизу, церковь и монастырь. Возле мечети находилась римская крепость, от которой осталась каменная доска с титулом X легиона. Церковь крестоносцев была построена на римско-византийском фундаменте. Она хорошо сохранилась. Дверь, вход, арки, своды, подвал – все это осталось неизменным с XII века. В церкви – интересные фрески времен королевства крестоносцев. Мы потом сходим, и я, тебе покажу на месте.

Я слушал, и пытался понять, и куда я раньше смотрел? Чистое, без всякой косметики лицо, изогнутые брови, темные глаза и замечательная фигура, прекрасно видная даже в этой дурацкой форме. Наверное, я все время воспринимал ее как обычного солдата. Она вдруг замолчала и внимательно посмотрела на меня.

– И что ты с таким интересом на меня уставился?

– Может, потому что ты мне нравишься, – сказал мой язык, прежде чем я успел подумать.

– Ну и что, мне тебя учить, как за девушками ухаживать?

– Я как-то не умею этого делать, – признался я. – Знаешь, очень мало приходилось ухаживать. До войны еще молодой был, а на войне как-то не до этого.

– Значит, мне придется брать инициативу на себя? – с интересом спросила Анна.

Мы засмеялись. Но она, действительно, взяла в наших отношениях инициативу на себя. И так осталось на всю жизнь. Что касается семейных дел, решала она. Мы советовались, и она решала. Хорошо хоть из армии, я ее убрал, но еще неизвестно, удалось бы это, если бы она не хотела учиться.

В этот день все у нас и произошло в первый раз. Формальным поводом послужила плохая погода. Не идти же гулять под дождем! Лучше где-нибудь посидеть вдвоем. Анна разыскала какую-то свою подругу, и выпросила у нее на несколько часов ключи. Я лишний раз убедился, что, если эта девушка чего-то захочет, непременно добьется.

В этом я убедился окончательно, когда, наконец, познакомился с родителями. О, это была еще та сцена. Седьмое поколение сефардов Ардити, живущих в Иерусалиме и уже на этом основании считающимися практически аристократами, и похищающий их замечательную доченьку подозрительный русский. Никуда не делись. Дочка сказала: "Я так хочу" и терпели. Правда, потом, когда дети появились, они как-то примирились с моим существованием.

Отец у нее, хоть и происходил из страшно религиозной семьи, еще в молодости подался в сионисты, причем с социалистическим уклоном и преклонением перед СССР, перестал выполнять религиозные предписания, и был проклят семьей. Это совершенно не мешало ему в некоторых вопросах быть святее самого праведного раввина. При виде меня он впадал в ступор. Социализм и братство пролетариев – это было правильно и замечательно. Но ведь не еврей!

Зато его было легко отвлечь, надо было только спросить что-то по истории евреев античности. Тут он моментально забывал, что отец и превращался в профессора Еврейского университета, поясняющего нерадивым студентам и тупым оппонентам свои взгляды на интересный вопрос. А знал он много и рассказывал интересно, сразу становилось понятно, откуда у дочки желание учиться на историческом отделении университета.

Мать была тоже ужасно прогрессивная женщина. Руководитель профсоюза работников мэрии Иерусалима. Должность совсем не маленькая по масштабам страны, даже не столько большая, сколько влиятельная. У нее была другая проблема. Стандартная проблема всех тещ. Зять должен быть совсем не таким. Он не так говорит, не так себя ведет и вообще человек не нашего круга. Не надо торопиться, вот окончишь университет, тогда и будешь думать о парнях.

Все-таки большое счастье, что мне так и не пришлось никогда жить с ними под одной крышей. При всей своей независимости Аня совершенно не терпела, когда о ее родителях отзывались нехорошим образом. Надо было себя вести высококультурно, не смотря на подколки. Я бы просто не выдержал такой жизни. Наверное, добрый еврейский парень Иешуа попросил за меня своего папу, и они совместно обеспечили мне спокойную жизнь отдельно.

На одной вечеринке, куда она меня затащила, я узнал о себе еще одну удивительную вещь. Стою со стаканом в руке, высматриваю, в толпе незнакомых людей, куда там Анна подевалась. Подходит ко мне девушка. У нормального мужчины должны моментально потечь слюни при виде подобного женского экземпляра. Без сомнений натуральная блондинка, с роскошной гривой волос и с такой талией, что можно было обхватить, сведя в кольцо пальцы рук. Груды вызывающе торчали из под легкой полупрозрачной блузки, направив на меня свои дула.

– Привет, – говорит она по-английски. – Я Кэтрин Паркер, работаю переводчицей на английской базе в Лодде.

– Я плохо говорю по-английски, – сообщил я, мучительно напрягаясь и краснея. Собственно я скорее не понял, догадался о сказанном по отдельным словам. Никакого желания учить английский у меня не имелось, достаточно и иврита.

– Оу! – Удивленно воскликнула она, переходя на иврит. – Но ты ж не еврей? У тебя совсем другой тип лица. Я столько уже здесь живу, что практически не ошибаюсь, когда сталкиваюсь с новыми людьми.

– Я русский, – мрачно сообщил я, пытаюсь понять, что ей надо.

– Оу! – Еще радостнее воскликнула девушка, уже по-русски со слабым, но очень приятным акцентом, устремляя на меня восхищенный взгляд. – Это просто замечательно! У меня мать русская, из эмигрантов, сбежавших от большевиков. Знаешь, из таких потомственных аристократов, которых хотели расстрелять. Княгиня. А отец англичанин, полковник. Вечно мы с ним ездили по всяким колониям, так что я кроме английского знаю русский, иврит и арабский. Что ты пьешь? – без перехода поинтересовалась она. – Водку? А мне можно попробовать? – и забрала стакан. – А что ты здесь делаешь? Это ведь израильская форма, теперь я рассмотрела.

– Служу, – тупо ответил я. – В Пограничной охране.

– Как интересно, – обрадовалась она. – А я все в штабе сижу, бумажки всякие перевожу. Она обиженно надула губы. – Доклады всякие, справки. Надоело читать, как начальник египетского генерального штаба продает секреты немцам, как весь Каир готовит торжественную встречу своему освободителю Роммелю, как иракцы переходят на сторону немцев, а сирийцы заигрывают с немцами и что иерусалимский муфтий гитлеровский агент, а французы оружие сирийцам обещают.

«Это что, меня кто-то проверять вздумал, в панике подумал я. Кинусь я ее вербовать или нет. А в какую разведку?»

– Расскажи что-нибудь!

– Э, – сказал я. – Да у нас тоже не очень весело. Все ходим вдоль границы, бандитов ищем, а они прячутся.

– Да, ладно, – отмахнулась она. – Рассказывать не хочешь. И опять перескакивает на другую тему. – Я ведь вижу, ты давно здесь стоишь. Наверное, к девушкам присматриваешься... Эти здешние арабки, они такие страшные, да еще как выйдут замуж, моментально кучу детей нарожают и становятся ужасно толстыми. А еврейки все такие чернявые, – тут она потянулась, демонстрирую свои прелести, – и мало того, что крикливые и на политике задвинутые, так еще и страшно провинциальные. Еще и пахнет он них, – она поморщила свой аристократический нос. – Да и мужчины ничем не лучше. Вся страна ужасно провинциальная и совершенно серая, с этими их вечными политическими проблемами и неумением нормально общаться. То ли дело русские. У них такая замечательная культура. Граф Толстой, Пушкин, Шалапов, картины замечательные, вот Левитан, какие пейзажи пишет...

– Левитан был еврей, – сатанея, сообщил я.

– Оу, – поразились Кэтрин. – Что и он? Но Поленов, то русский?

Я уже раскрыл рот, чтобы сказать, что-то резкое, но тут появилась Аня. Взглянув подозрительно на англичанку, она потащила меня за собой к выходу.

Я шел, за ней, протискиваясь между танцующими и пытался понять, что меня так задело в словах Кэтрин. Она же хотела сказать мне приятное, восхищаясь русскими. Ой, вдруг дошло до меня. Я ж за критику на евреев обиделся. Я что превращаюсь в еврея? Захотелось заглянуть в штаны и проверить все ли на месте. Почему-то, находясь в еврейском окружении, у меня таких мыслей не появлялось.

– Это кто была? – неожиданно спросила Аня.

– Какая-то Кэтрин Паркер.

– А, – неопределенно сказала она. – Слышала...

Тон был такой, что я понял, что сюда мы больше не придем. Похоже, слухи о красавице ходили по всему Израилю. Это что, значит, она желала познакомиться и просто болтала не думая? Никакие разведки за мной не смотрят и никому я не нужен? Так это ж замечательно! Неужели я такой интересный?

– А зачем на авиабазе, в Лоде, переводчица с арабского?

– Там не только самолеты, там еще и штабы и техслужбы, всего английского контингента в стране, – ответила Анна. – А что это ты интересуешься?

– Я не понял, чем она занимается, – сообщил я.

– И не надо тебе понимать, – утвердительно сказала Аня. – МАГАВ¹⁶ к самолетам отношения не имеет. Она только кажется дурой, а когда захочет любого парня уведет. Она осеклась и замолчала.

А меня, кажется, ревнуют... Я, на всякий случай, сделал вид, что не расслышал, и обнял ее за талию.

– И куда мы пойдем теперь?

* * *

Газета А-Арец

Вчера, на шоссе Иерусалим-Тель-Авив, был обстрелян, из засады грузовик, перевозивший стройматериалы. Водитель и пассажир погибли. С начала года это 128 и 129 погибший. Правительство продолжает проводить политику сдержанности. Давно пора поинтересоваться у наших министров, когда же они начнут выполнять предвыборные обещания.

Газета Коль Ха-ам

Речь товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы:

«Партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до пятидесяти миллионов тонн чугуна (продолжительные аплодисменты), до 60 миллионов тонн стали (продолжительные аплодисменты), до 500 миллионов тонн угля (продолжительные аплодисменты), до 60 миллионов тонн нефти (продолжительные аплодисменты). Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. (Бурные аплодисменты). На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать». (Бурные аплодисменты).

9 февраля 1946 года

¹⁶ МАГАВ, (ивр.

* * *

Омри повелительным жестом остановил легковую машину. У него за спиной стояли еще трое, в арабской одежде, с разнокалиберным оружием в руках. Ничего странного в этом не было. На этой дороге возле подъезда к каждой деревне стояли посты. Местные самообороны, иорданские военные, люди из отрядов Освобождения Палестины и вообще, совершенно непонятные люди.

Все они очень любили копаться в грузе и требовать плату за проезд. Так что ничего особенно оригинального в нашем импровизированном блокпосте не было. Вот только нас не интересовали овощи, которые крестьяне возили на базар. Мы ловили именно этого, передвигающегося на легковой машине, гордо проносящегося по здешним дорогам орла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.